

**ФРАНСИС
КАРСАК**

✧
**Пришельцы
ниоткуда**
✧

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Франсис Карсак

Пришельцы ниоткуда

«Азбука-Аттикус»

1953-1982

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-445

Карсак Ф.

Пришельцы ниоткуда / Ф. Карсак — «Азбука-Аттикус»,
1953-1982 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-20364-8

Франция не очень фантастическая страна по сравнению, например, с Америкой. Кого, кроме Жюль Верна, вы можете вспомнить из французских фантастов? Почти никого. Рони-старший с его «Борьбой за огонь», Морис Ренар, Жерар Клейн... Кто еще? Но есть в фантастике Франции имя, которое наш отечественный читатель знает наверняка, – Франсис Карсак. Его роман «Робинзоны космоса», переведенный и опубликованный в нашей стране в самом начале 1960-х, сразу же вывел писателя на одно из ведущих мест в рейтинге симпатий российских читателей. В очередной сборник Карсака вошла диалогия из цикла «Галактическое содружество» – романы «Пришельцы ниоткуда» и «Этот мир – наш», повествующие о борьбе объединенного человечества с «теми-кто-гасит-звезды», странными существами, прилетевшими из другой вселенной. «Наша родина – космос» – вариации французского классика на тему «свой среди чужих, чужой среди своих», история космического гвардейца, верного идеалам империи, но неумолимой силою обстоятельств оказавшегося среди вольных скитальцев, в мире, где идеал – свобода, а не приказ, диктуемый императором. Сборник дополнен рассказами, впервые публикуемыми на русском. В корпусе произведений Карсака, представленных в этом томе, восстановлены сокращения и пропуски, допущенные в предыдущих изданиях.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-445

ISBN 978-5-389-20364-8

© Карсак Ф., 1953-1982

© Азбука-Аттикус, 1953-1982

Содержание

Пришельцы ниоткуда	7
Часть первая	8
Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	21
Часть вторая	28
Глава 1	28
Глава 2	33
Глава 3	42
Глава 4	48
Часть третья	55
Глава 1	55
Глава 2	64
Глава 3	71
Часть четвертая	78
Глава 1	78
Глава 2	84
Глава 3	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Франсис Карсак
Пришельцы ниоткуда
Романы, рассказы

Francis Carsac
Ceux de nulle part

* * *

Ceux de nulle part

Copyright © 1953 by Francis Carsac

Ce monde est notre

Copyright © 1977 by Francis Carsac

Pour patrie l'espace

Copyright © 1962 by Francis Carsac

Taches de rouille

Copyright © 1954 by Francis Carsac

Quelle aubaine pour un anthropologue!

Copyright © 1959 by Francis Carsac

Une fenêtre sur le passé

Copyright © 1961 by Francis Carsac

Le dieu qui vient avec le vent

Copyright © 1972 by Francis Carsac

Tant on s'ennuie en Utopie

Copyright © 1975 by Francis Carsac

Celui qui vint de la grande eau

Copyright © 1982 by Francis Carsac

© М. В. Безгодов, перевод, 2021

© А. М. Григорьев, перевод, 2021

© Ф. Л. Мендельсон (наследник), перевод, 1967, 1991

© Л. С. Самуйлов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗБУКА®

Пришельцы ниоткуда
Роман
Перевод Ф. Мендельсона

Непревзойденным мастерам, Рони-старшему и Герберту Уэллсу, и тем, кто когда-нибудь придет им на смену

Предупреждение

Эта история является чистым вымыслом и никоим образом не выражает научные, политические или религиозные взгляды автора. Любые совпадения имен или портретных черт с реальными людьми случайны.

Часть первая Пришельцы

Пролог

В то мартовское утро 197... года я позвонил в дверь моего старого друга доктора Клера, разумеется даже не подозревая, что вскоре услышу фантастический и невероятный рассказ. Я говорю «старого друга» (пусть нам обоим лишь недавно пошел четвертый десяток), так как мы дружим с детства и только года четыре назад как-то потеряли один другого из виду.

Дверь открыла, вернее, чуть приоткрыла старуха в черном платье, какие носят все пожилые женщины в этих краях.

– Если вы на прием, – проворчала она, – то доктор сегодня не принимает, – возится со своими «опытами»!

Будучи прекрасным врачом, Клер, однако, почти не практиковал. Благодаря весьма значительному состоянию он мог себе позволить большую часть своего времени посвящать сложным биологическим изысканиям. Его лаборатория, оборудованная в отцовском доме близ Руф-финьяка, по отзывам бывавших в ней иностранных ученых, являлась одной из лучших в мире. Не любивший распространяться о своих исследованиях, Клер лишь вскользь упоминал о них в редких письмах ко мне, но, по слухам, ходившим среди медиков, я знал, что он был одним из тех рассеянных по всему миру энтузиастов, которые уже близки к разрешению проблемы рака.

Старуха рассматривала меня с недоверием.

– Нет, врачебная помощь мне не нужна, – ответил я. – Просто скажите доктору, что его хотел бы видеть Франк Борй.

– А, так, значит, вы и будете мсье Бори? Это другое дело. Он вас ждет.

В это время из глубины коридора послышался глубокий, низкий голос:

– Ну что там, Мадлен? Кого еще принесло?

– Это я, Сева!

– Входи же, черт побери!

От своей матери, русской эмигрантки, Клер унаследовал шалыпинский бас, статную фигуру сибирского казака и имя Всеволод; от отца, чистокровного перигорца, ему достались смуглая кожа и темные волосы, принесшие ему, в нашей группе студентов, прозвище «Клер-Обскюр»¹.

Он подскочил ко мне в два широченных шага, едва не вывихнул мне кисть могучим рукопожатием, заставил согнуться чуть ли не вдвое добродушным шлепком по плечу – это меня-то, некогда игравшего «столба» в регби! – и, вместо того чтобы, как обычно, сразу же провести к себе в кабинет, почему-то потащил обратно к двери.

– Какой прекрасный день! – торжественно провозгласил он. – Солнце сияет, да и ты приехал! По правде сказать, я ждал тебя только вечером, с автобусом...

– Я на машине. Но может, я тебя от чего-то отрываю?..

– Что ты, что ты, вовсе нет! Безумно рад тебя видеть. Как сам-то? И что с вашей новой батареей?

– Тсс... это же тайна! Сам ведь знаешь, я не могу об этом рассказывать.

---

¹ Французское *clair* можно перевести как «свет», «светлый»; *obscur* означает «темный». Следовательно, *Clair-Obscur* означает «Темный Свет» или, применительно к фамилии героя, «Темный Клер».

– Ну конечно-конечно, таинственный атомщик! Кстати, благодарю вас за вашу последнюю посылку с радиоактивными изотопами. Они сослужили мне добрую службу. Но больше я не стану морочить вам голову подобными просьбами. У меня есть кое-что получше.

– Получше? – удивился я. – И что же?

– Тсс... это же тайна! – передразнил он меня. – Я не могу об этом рассказывать!

В коридоре, позади нас, слышались легкие шаги, и мне показалось, что за полуотворенной дверью мелькнул тонкий женский силуэт. Однако же, насколько я знал, Клер был холост и ни с какой женщиной не встречался.

Он, вероятно, уловил мой взгляд, потому что тут же обхватил меня руками за плечи и повернул спиной к двери.

– В любом случае, ты совсем не изменился! Все такой же... Ну что ж, пойдем в дом!

– А я вот не могу ответить тем же комплиментом. Что-то ты постарел, дружище!

– Хм... возможно, возможно... Давай входи первым!

Я хорошо знал кабинет Клера со шкапами, полными книг, из которых лишь немногие имели отношение к медицине. Там никого не было, но в воздухе чувствовался слабый тонкий аромат. Невольно я потянул носом, вдыхая приятный запах. Клер это заметил и объяснил, предупреждая вопросы:

– Да, несколько дней назад у меня тут была одна знаменитая актриса – просто приходила на прием! – и запах ее духов все еще держится. Поразительно, до чего дошла химия!

Завязался беспорядочный, как всегда в таких случаях, разговор о том о сем. Я рассказал Клеру о смерти моей матери и был поражен, когда услышал в ответ:

– Вот как? Очень хорошо!

– Как это – очень хорошо? – воскликнул я, возмущенный и огорченный.

– Да нет, я хочу сказать: теперь я понимаю, почему ты столько времени не давал о себе знать. Стало быть, ты остался совсем один?

– Ну да.

– Что ж, возможно, я смогу предложить тебе кое-что интересное. Но пока это лишь проект. Я расскажу о нем вечером.

– А как там твоя лаборатория? Что нового?

– Хочешь взглянуть? Идем!

Лаборатория – оборудованная уже после того, как я побывал там четыре года тому назад, – располагалась в просторной прямоугольной комнате со стеклянными стенами и занимала всю заднюю половину дома. Остановившись на пороге, я присвистнул от восхищения. Затем обвел помещение взглядом, заметив мимоходом микроманипулятор, искусственное сердце. В прилегающей темной комнате высился огромный рентгеновский аппарат. Посреди лаборатории, на столе, под легким чехлом скрывался еще какой-то прибор.

– А там что такое? – спросил я.

– Да так, ерунда. Все никак не доведу до ума. Пока это еще просто модель...

– Не знал, что ты сам собираешь для себя новые приборы. Хочешь, помогу? Как-никак я все-таки физик.

– Посмотрим. Не сейчас – позднее. Пока что я предпочитаю об этом не распространяться.

– Ну ладно, – произнес я с некоторой обидой. – Но если эта штуковина взорвется у тебя под носом...

Закончить фразу мне не позволил звонок во входную дверь.

– Черт! Мадлен вышла, придется открыть.

Оставшись один, я подошел к таинственному прибору, слегка приподнял чехол... И обомлел. Передо мной была не черновая заготовка, которую я ожидал увидеть, а восхитительная конструкция из стеклянных и металлических трубок, прозрачных и матовых ламп, туго натянутых проводов. На многочисленных циферблатах странные двойные стрелки указывали на

деления, о значении которых я не смог догадаться. Я был привычен к всевозможным научным приборам – мы и сами пользуемся ими в нашей лаборатории, и довольно-таки сложными, – но ничего подобного я в жизни не видел.

Заслышав в коридоре быстрые шаги друга, я поспешно опустил край чехла и, приняв безразличный вид, стал рассеянно рассматривать зеленевший за окном сад.

– Дифтерия у ребенка, – объяснил Клер. – Моего коллеги не оказалось на месте. Придется скатать мне. Возьми какую-нибудь книжку у меня в кабинете, посиди почитай.

– Хочешь, я тебя отвезу? Моя машина – прямо у дверей.

– Давай. А то мою еще надо выводить из гаража.

Ведя автомобиль, я продолжал размышлять обо всех замеченных мной странностях. Клер ожидал меня только к вечеру и явно смутился, когда я приехал раньше. С пару минут он продержал меня на пороге дома, хотя снаружи было свежо, пусть уже и не морозно. Я заметил женский силуэт, мелькнувший в коридоре, и сразу же после этого Клер провел меня в дом. Узнав, что моя мать умерла и теперь я совершенно один на всем белом свете, он явно обрадовался. Наконец, этот странный прибор... Хоть убейте, но я абсолютно не понимал его назначения!.. Но главное, где этот прибор находился – в лаборатории биолога! Неужели Клер сам его изобрел? Вполне возможно. Но кто же тогда его собрал? Вспомнив те схемы, которые он собирал и паял в институте, еще на подготовительных курсах, я не удержался от улыбки.

Мы остановились перед какой-то фермой. Клер отсутствовал всего лишь с четверть часа.

– Пустяки. Успел вовремя. За дальнейшим лечением проследит мой коллега.

– Ты теперь совсем не практикуешь?

– Совсем. Нет времени. Только когда доктор Готье в отъезде или если я нужен ему для консилиума.

По возвращении Клер заставил меня загнать машину в гараж и помог занести чемоданы в комнату, где я обычно останавливался. Она была расположена рядом с его собственной спальней, и, когда мы проходили мимо его двери, мне показалось, что я услышал за ней легкий шум.

Полдник, приготовленный его старой кормилицей Мадлен, оказался, как всегда, превосходным, но Клер был не слишком разговорчивым. Его определенно что-то беспокоило; казалось, он хочет чем-то со мной поделиться, но никак не может решиться. Когда я объявил, что днем собираюсь съездить в Эйзи и навестить друзей, он вздохнул с явным облегчением и сказал, что будет ждать меня к семи вечера.

В Эйзи я заскочил к палеонтологу Бушару, который поведал мне странную историю. Полгода назад вся округа была взбудоражена «чертями», появившимися в лесу под Руффиньяком. Прошел даже слух, что эти черти утащили с собой доктора Клера, но слух этот явно был кем-то выдуман – через несколько дней после того, как черти исчезли «в столбе зеленого пламени», доктор объявился живой и невредимый. Он безвылазно просидел эти два дня в своей лаборатории, проводя очередной опыт.

Что касается чертей, то самым любопытным во всей этой истории было вот что: по крайней мере полтора десятка крестьян заявляли, будто видели их собственными глазами – черти походили на людей, но обладали сверхъестественной способностью пригвозждать человека к месту одним взглядом. Префект, а также епископ Перигорийский распорядились, каждый по своей линии, провести расследование, но перед официальными следователями крестьяне держались уже не так уверенно. В конечном счете дело заглохло.

– И однако, – добавил Бушар, – должен сказать вам, что в ту ночь, когда пресловутые черти, как говорят, исчезли, я сам видел в небе над Руффиньяком столб зеленого пламени.

Сама по себе эта история была ничем не примечательна – мы то и дело слышим десятки подобных рассказов, – но я почему-то мысленно связал ее со странностями Клера.

Когда я вернулся, Клер выглядел уже гораздо более спокойным, словно после долгих колебаний принял наконец определенное решение. Стол в столовой был накрыт на троих.

– Ты что, ждешь еще кого-то? – заметил я.

– Нет, но я намерен представить тебя моей жене.

– Твоей жене? Так ты женился?

А про себя подумал: «Так вот что это за силуэт!»

– Официально мы еще не женаты. Но за этим дело не станет... Вот только документы получим. Ульна – иностранка.

На мгновение он замялся.

– Она – скандинавка. Финка. Так что предупреждаю: по-французски она говорит еще очень плохо.

– Стало быть, ты говоришь по-фински? Вот так новость!

– Я выучил этот язык в прошлом году, во время путешествия по Финляндии. Пробыл там десять месяцев. Я думал, что писал тебе.

– Да нет, не писал... Но я всегда почему-то думал, что финский язык очень трудный...

– Так оно и есть. Однако, знаешь ли, славянская кровь... – И он громко позвал: – Ульна!

Вошла странная худощавая девушка: высокая, с бледно-золотыми волосами, глазами неопределенного цвета – нельзя было сказать, серые они, голубые или зеленые, – и правильными чертами лица. Очень красивая, но в ней было что-то необычное, хотя я не мог понять, что именно. Возможно, золотистая кожа, так резко контрастирующая со светлыми волосами? Или неправдоподобно маленький рот? Или чрезвычайно большие глаза? Или все вместе?

Она грациозно поклонилась и протянула мне руку, которая показалась мне необычайно длинной, а затем очень низким, но певучим голосом произнесла несколько слов.

За столом я сидел напротив нее. Чем дольше я за ней наблюдал, тем больше мне становилось не по себе. С ножом и вилкой она управлялась весьма ловко, но без бессознательного автоматизма, который вырабатывается многолетней привычкой.

На протяжении ужина я в основном молчал – за всех говорил Клер. Старушка Мадлен была редкостной поварихой даже для этого края, где хороших кухарок – пруд пруди. Мой друг практически опустошил свой винный погреб, но я заметил, что Ульна ела очень мало и совсем не пила – в отличие от доктора, да и, должен признать, от меня самого.

К концу ужина мне все же удалось совладать со сковывавшим, буквально парализовавшим меня смущением. Ульна все время молчала, но время от времени смотрела Клеру прямо в глаза, и у меня даже возникло странное впечатление, что так, посредством взглядов, они обмениваются – и вовсе не чувствами, а мыслями.

После десерта Клер тщательно сложил салфетку, оттолкнул стул и устроился в низком кресле перед камином. Знаком предложив мне занять место напротив, он позвонил служанке, чтобы подали кофе. Ульна вышла, но вскоре вернулась, держа в руках сложенную вчетверо газету, которую Клер взял и протянул мне. Бегло просмотрев заголовки, я увидел, что это газета полугодовой давности, и уже намеревался вернуть ее Клеру, потребовав объяснений, как вдруг заметил внизу страницы заметку, обведенную красным карандашом:

И ВНОВЬ – «ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ»!

Канзас-Сити, 2 октября

Вчера, возвращаясь в сумерках с тренировочного полета на истребителе F-104, лейтенант Джордж К. Симпсон-младший заметил на высоте около 25 000 футов дисковидное пятно, которое стремительно перемещалось. Он начал преследовать неизвестный предмет и, сумев к нему приблизиться, увидел, что пятно представляет собой гигантский, с тонкими краями диск диаметром примерно тридцать метров при толщине в центре около пяти метров. Исходя из

скорости собственного самолета, лейтенант Симпсон определил, что диск летел со скоростью, превышавшей 1100 км/ч. Преследование продолжалось уже минут десять, когда пилот вдруг понял, что таинственный предмет вот-вот пролетит над лагерем N., над которым строжайше запрещено появляться любым неамериканским летательным аппаратам. Приказ на сей счет был категоричным, и лейтенанту Симпсону пришлось атаковать нарушителя. В тот момент он находился примерно в двух километрах от диска и чуть выше его. Пикируя на предельной скорости, он выпустил несколько боевых ракет. «Я увидел, – рассказывает Симпсон, – как мои ракеты взорвались, ударившись о металлическую обшивку аппарата. В следующую же секунду мой самолет разорвало на части, а сам я обнаружил, что лечу вниз в отделяемой кабине. К счастью, сработал парашют!» Эту сцену наблюдали с земли многочисленные свидетели; в настоящее время эксперты изучают обломки самолета лейтенанта Симпсона. Что же касается таинственного аппарата, то он исчез, вертикально взмыв в небо на огромной скорости.

Я вернул газету Клеру, заявив скептическим тоном:

– Я полагал, однако, что официальные доклады, с которыми американцы выступили после продолжительного расследования, подрезали этой «утке» крылья. Так нет же – оказывается, в нее все еще кто-то верит!

Мой друг ничего не ответил. Медленно покачав головой, он нагнулся, щипцами вытащил из камина уголек и тщательно раскурил свою трубку. Потом, сделав несколько затяжек, знаком попросил служанку налить кофе. Ульна от кофе отказалась. Мы с Клером выпили свой в полной тишине.

Клер колебался. Я хорошо его знал и потому чувствовал, что он все еще спрашивает себя, как ему поступить. Наконец он разлил по рюмкам коньяк, посмотрел мне в лицо и сказал:

– Как ты знаешь, я не совсем уж профан в физике. Известно тебе и то, что я реалист, «matter of fact»², как говорят англичане. Так вот, об этой «летающей тарелке» я могу рассказать тебе длинную историю. И не смотри на все эти бутылки, что стоят на столе. Возможно, их количество впечатляет, но, уверяю тебя, ко всему, что я собираюсь тебе рассказать, они не имеют ни малейшего отношения. Вовсе не алкоголь так на меня повлиял. Я давно уже решил рассказать тебе все при первой же встрече. А история моя вот какая... Устраивайся в кресле поудобнее, потому что, как я уже сказал, она будет длинной.

Я прервал его:

– Я ношу с собой в чемодане небольшой магнитофон. Могу я записать твою болтовню?

– Если хочешь – записывай. Это будет даже полезно.

Едва я установил магнитофон, Клер заговорил. В тот момент, когда он произносил еще только первые слова, мой взгляд упал на руку Ульны, лежавшую на подлокотнике кресла, и я понял, почему эта рука показалась мне такой удлинненной: на ней было всего четыре пальца!

Глава 1

Рассказ доктора Клера

– Как тебе известно, я прекрасный охотник. Или, во всяком случае, считаюсь таковым, пусть и нечасто беру в руки ружье. Кое-какая природная сноровка, вкупе с крупным везением, – и в итоге я никогда не возвращаюсь домой с пустым ягдташем. Так вот, первого октября прошлого года – хорошенько запомни эту дату! – уже смеркалось, а я еще ничего не подстрелил.

В другое время меня бы это ничуть не расстроило: я предпочитаю наблюдать за живыми животными, нежели убивать их, потому что и так, к сожалению, убиваю слишком много для своих опытов! Но третьего числа ко мне в гости должен был прийти мэр Руффиньяка – я при-

---

² Здесь: человек, лишенный фантазии (англ.).

гласил его, так как нуждался в его содействии одному, теперь уже оставшемуся в прошлом проекту, – а этот тип любит дичь, вот я и решил немного побраконьерствовать при свете электрического фонарика.

Солнце только-только село, когда я шел через поляну Манью, что посреди леса. Ты знаешь ее не хуже, чем я: вся заросшая вереском и утесником, со всех сторон окруженная дубами и каштанами, днем она довольно живописна, но в сумерках производит зловещее впечатление. Я не из слабонервных, но шел быстрым шагом, спеша выбраться из лесу. Уже на краю поляны я зацепился ногой за корень, с размаху ударился головой о ствол дуба и тут же потерял сознание.

Очнувшись, я не стал произносить классического «где я?». Голова раскалывалась, в ушах гудело, и сначала у меня даже возникло опасение, что я проломил себе череп. К счастью, с ним все оказалось в порядке. Часы на руке показывали час ночи, кругом стоял непроглядный мрак; ломая ветки деревьев, свистел ветер. Потом, вынырнув из-за черноватого облака, над поляной показалась луна, окутавшая это облако волшебными светящимися кружевами.

Я сел и принялся искать ружье, которое, к счастью, разрядил незадолго до падения. Некоторое время я шарил руками среди мокрой травы и гнилых сучьев, потом наконец нащупал приклад. Опираясь на ружье, как на палку, я медленно распрямился; лицо мое в тот момент было обращено в сторону поляны. По мере того как я поднимался, поле моего зрения расширялось, и вот тогда я и увидел эту штуковину.

Сначала она показалась мне черной массой, чем-то вроде купола, возвышавшегося над кустами вереска и утесника и почти неразличимого в темноте. Затем луна на мгновение вынырнула из-за туч, и тогда я мельком увидел выпуклый, сверкавший, как металл, панцирь. Признаюсь тебе, мне стало страшно. От поляны Манью до ближайшей дороги напрямик через лес – добрых полчаса ходьбы, а с тех пор, как умер старый чудаков, в честь которого названа поляна, там иной раз по неделям не бывает ни души. Я потихоньку двинулся вперед, добрался до края лесной чащи и, притаившись за одним из каштанов, принялся осматривать поляну. Все было неподвижно. Ни проблеска, ни огонька. Лишь эта огромная неясная масса – еще более плотная тьма на фоне черного леса.

Затем ветер вдруг стих. В тишине, едва нарушаемой потрескиванием сухих сучьев – видно, где-то далеко в лесу по тропе пробежал кабан, – я слышал слабые стоны.

Я все-таки врач и, хотя сам чувствовал себя неважно, не мог не прийти на помощь существу, которое стонало так, как стонет человек, а не зверь. Отыскав фонарик, я включил его, направил луч света прямо перед собой, и он отразился от огромного металлического панциря в форме чечевицы. Я приблизился к нему с бьющимся сердцем. Стоны доносились с другой стороны. Внезапно пробудившееся жгучее любопытство заставило меня позабыть о страхе, и я медленно, то и дело застревая в кустах, натываясь на колючки утесника, бормоча проклятия и на каждом шагу спотыкаясь – ноги все еще плохо держали меня, – обогнул панцирь. Стоны стали более отчетливыми, и я очутился перед металлической дверцей с открытым люком, который вел внутрь этой штуковины.

Мой фонарик осветил совершенно пустой узкий проход и уперся в заднюю дверцу из белого металла. На полу, тоже металлическом, полулежал человек, – во всяком случае, сначала я решил, что это человек. Его длинные волосы были совершенно белыми, одежда состояла, как мне показалось, из облегающего трико зеленого цвета, блестящего, словно оно было шелковым. Из раны на голове сочилась темная кровь. Когда я нагнулся над ним, стоны смолкли, он содрогнулся и умер.

Тогда я подошел к задней дверце. Она была подогнана так плотно, словно хода дальше не существовало, но я заметил справа, примерно на уровне пояса, красноватую выпуклость и нажал на нее. Перегородка разошлась посередине, и меня ослепил поток яркого голубоватого света. Ощупью я сделал пару шагов вперед и услышал, как створки перегородки сомкнулись за моей спиной.

Прикрывая рукой глаза от света, я медленно разомкнул веки и увидел перед собой шестигранную комнату диаметром около пяти метров и метра в два высотой. Стены были покрыты странными приборами, а посреди помещения, в трех очень низких креслах, лежали три существа, мертвые или потерявшие сознание, вследствие чего я смог рассмотреть их как следует.

Первым делом я убедился, что это все-таки не люди. В общих чертах их внешний вид аналогичен нашему: удлиненное тело, две ноги, две руки, круглая голова на пропорциональной шее. Но сколько же различий в деталях! Несмотря на высокий рост, телосложение гораздо более хрупкое, чем у нас; ноги тонкие и очень длинные, руки тоже значительно длиннее наших; кисти широкие, с семью пальцами разной длины, из которых два, как я узнал позднее, противостоят другим, как наш большой палец. Лоб узкий и высокий, глаза огромные, нос маленький, уши совсем крохотные, рот с тонкими губами, волосы белые, с платиновым отливом – все это придает лицу довольно странный вид. Но самое удивительное заключалось в том, что их шелковистая кожа была нежно-зеленой. Вся их одежда состояла из плотно облегающего трико, тоже зеленого, под которым ясно вырисовывались длинные гибкие мышцы. У одного из трех существ был открытый перелом руки, кровь сочилась из раны, образуя на полу темно-зеленое пятно.

Какое-то время я колебался, но затем подошел к тому, кто лежал ближе всех к двери, и прикоснулся к его щеке: она была теплой и упругой на ощупь. Отвинтив крышку своей охотничьей фляги, я попытался влить ему в рот немного белого вина. Результат не заставил себя ждать. Он открыл бледно-зеленые глаза, пристально посмотрел на меня, через пару секунд вскочил и бросился к одному из висевших на стене приборов.

Еще несколько лет тому назад я играл в регби, но, наверное, никогда в жизни мне не удавался столь быстрый бросок в ноги сопернику с последующим захватом. У меня в голове промелькнула мысль о том, что он бежит за оружием, а этого я допустить не мог. Он отбивался энергично, но недолго: я оказался сильнее. Когда он перестал вырываться, я освободил его и помог ему встать. Вот тогда-то и произошло самое поразительное: загадочное существо посмотрело мне прямо в глаза, и я почувствовал, как в голове у меня возникают чужие – не мои – мысли.

Как ты знаешь, некоторое время назад мне довелось сыграть определенную роль в споре, разгоревшемся между врачами нашего департамента и одним шарлатаном, который утверждал, что может лечить сумасшедших, заново формируя всю их психику посредством передачи мысли. Я написал на эту тему две или три статьи, ясно демонстрирующие, как мне казалось, что все это – беспочвенные бредни, и полагал, что закрыл вопрос раз и навсегда. Все это я говорю лишь для того, чтобы ты понял, почему в тот момент я был одновременно потрясен и раздосадован и в течение пары секунд мысленно посылал это существо – живое доказательство моей неправоты – ко всем чертям. Видимо, зеленый человечек это понял: на его подвижном лице отразилось нечто вроде испуга. Я поторопился успокоить его, сказав вслух, что в моих намерениях нет ничего дурного.

Повернув голову, он увидел своего раненого товарища, подскочил к нему, взмахнул руками в жесте бессилия и, подойдя ко мне, спросил, не могу ли я чем-то помочь. Он не произнес ни слова, но мысленно я услышал голос без какого-либо тембра и акцента. Я подошел к раненому, вынул из кармана кусок веревки и чистый носовой платок, наложил жгут. Зеленая кровь перестала сочиться. Затем я попытался узнать, нет ли в их судовой команде врача. Он понял меня только тогда, когда я мысленно заменил слово «врач» словом «целитель».

– Боюсь, что он мертв, – ответил мне зеленый «человечек».

Он отправился на поиски врача, но вскоре вернулся один и дал мне понять, что и в других помещениях среди его товарищей есть немало раненых. Пока я колебался, не зная, как поступить, тот, кого я перевязал, тоже пришел в себя, за ним – другой, и я очутился в обществе трех существ из другого мира.

Враждебности они не выказывали: первый быстро объяснил, что произошло. Тогда-то я и понял, что, когда один не смотрит другому в лицо или немного удаляется от него, передачи мысли не происходит и они вынуждены говорить. Их речь представляла собой чередование очень быстрых сюсюкающих звуков разной тональности.

Тот, которого я привел в чувство – его имя можно передать на нашем языке как Суйлик, – исчез в коридоре, что вел к выходу, и принес оттуда труп судового врача.

До чего же странную ночь я провел среди них! До самой зари мне пришлось делать перевязки неведомым существам. Их было, не считая двоих погибших, десять, в том числе четыре «женщины». Как описать красоту этих созданий? Глаз очень быстро привыкает к необычному цвету кожи, и ты видишь только изящество форм и гибкость движений. Рядом с ними наш самый статный атлет показался бы неуклюжим, самая красивая девушка – нескладной.

Помимо двух сломанных рук и различных ушибов, я обнаружил несколько ран, полученных, как мне показалось, в результате разрыва снаряда. Взяв себе в помощницы двух «женщин», я как мог обработал эти раны. В ту ночь я кое-что узнал об этих существах, но сейчас останавливаться на этом не буду, так как со временем мне довелось узнать куда больше!

Наступило утро, сырое и пасмурное. Небо было затянуто тучами, и вскоре по выпуклой обшивке их корабля забарабанили капли дождя. В минуту затишья я выбрался наружу и обошел аппарат. Он походил на совершенно гладкую, без видимых люков, чечевицу из неокрашенного полированного металла голубоватого цвета.

На противоположной от входа стороне зияли две рваные дыры около тридцати сантиметров в диаметре. Заслышав легкие шаги, я обернулся: то были Суйлик и двое его товарищей, несшие желтую металлическую трубку и несколько плит обшивки.

Ремонт занял совсем немного времени. Суйлик несколько раз провел желтой трубкой по краям разрывов. Я не заметил ни единой искры, однако металл быстро расплавился. Когда отверстия приняли нужную форму, на каждое из них была наложена плита, после чего Суйлик снова прошелся по обшивке желтой трубкой, предварительно чуть изменив ее регулировку. Плиты размякли и слились с броней так плотно, что я не смог обнаружить и намека на какой-либо шов.

Вместе с Суйликом я вернулся внутрь корабля и направился в помещение, расположенное под поврежденной частью купола. Внутренний слой двойной брони уже восстановили, но оборудование находилось в плачевном состоянии. В этом помещении, должно быть, располагалась лаборатория; посередине стоял длинный стол, заваленный осколками стекла, спутанными проводами и сложными приборами, три четверти из которых были разбиты или раздавлены. Склонившись над столом, один из зеленых «человечков», довольно-таки высокий, пытался восстановить соединения.

Суйлик повернулся ко мне, и я почувствовал, как мой мозг окутывают его мысли.

– Почему обитатели этой планеты напали на нас? Мы не сделали им ничего плохого, мы всего лишь хотели установить с вами контакт, как уже делали это на множестве других планет. Подобную враждебность мы встречали лишь в Проклятых галактиках. Двое наших были убиты, и нам пришлось уничтожить атаковавший нас летательный аппарат. Наш ксилл получил пару пробоин, мы были вынуждены приземлиться здесь, и эта посадка, отнюдь не мягкая, вызвала новые повреждения и новые раны. И мы все еще не знаем, сможем ли вообще улететь отсюда!

– Поверьте, я глубоко сожалею, что так все вышло. Но дело в том, что почти вся Земля сейчас находится в руках двух соперничающих империй, и любой неизвестный аппарат тут же принимают за вражеский. Где вас атаковали? К востоку или к западу от этих мест?

– Чуть западнее. Но неужели вы все еще живете в эпоху междоусобных войн?

– Увы, да. Несколько лет тому назад одна подобная война залила кровью весь или почти весь наш мир.

«Человек» высокого роста произнес короткую фразу. Суйлик мысленно передал мне:

– Мы сможем улететь не раньше чем через двое суток. А сейчас уходите и сообщите обитателям вашей планеты, что, хотя мы настроены миролюбиво, у нас есть чем защититься.

– Я и в самом деле пойду, – сказал я. – Но не думаю, что в этих краях вам угрожает какая-либо опасность. В это время года здесь никого не бывает целыми неделями. Тем не менее во избежание малейшего происшествия я никому не стану рассказывать о вас. Если позволите, вечером я вернусь.

Я шел, спотыкаясь, под проливным дождем. Ноги мои вязли в грязи в заболоченных участках леса, мокрые ветки хлестали по лицу, а я все шел, размышляя об этом невероятном приключении. Но для себя я уже решил: как только стемнеет, вернусь.

Отыскав свою машину, я добрался до деревни. Старушка-кормилица, завидев меня, подняла громкий крик: кожа у меня на голове была глубоко рассечена, волосы почернели от запекшейся крови. Я рассказал ей выдуманную историю про несчастный случай на охоте, сам обработал рану, переоделся и с отменным аппетитом позавтракал. День показался мне ужасно длинным, и, как только начало смеркаться, я вывел из гаража машину, однако выехал лишь с наступлением полной темноты, стараясь держаться околных путей.

Не желая, чтобы оставленная на дороге машина привлекла чье-то внимание, я загнал ее в лес и двинулся сквозь чащу в сторону поляны Манью. Отойдя от дороги на достаточное расстояние, я включил электрический фонарик: продираться в темноте сквозь колючие кусты мне совсем не улыбалось. Так, вполне благополучно, я добрался почти до самой поляны. От нее, словно от циферблата светящихся часов, распространялось очень слабое зеленоватое сияние. Я сделал еще несколько шагов, споткнулся о корень и с громким шумом упал, растянувшись во весь рост. В тот же миг, зашелестев, деревья и кусты наклонились мне навстречу, и когда я поднялся, то обнаружил, что не могу сделать и шага вперед.

Не то чтобы я чувствовал перед собой какую-то стену. Ничего подобного! Просто существовала какая-то граница, круг, отмеченный рядом наклоненных в мою сторону кустов и деревьев. По мере приближения к ним воздух становился вязким, потом быстро уплотнялся, хотя вся эта граница не была четкой или постоянной. Порой мне удавалось продвинуться на шаг-полтора, но затем меня мягко отбрасывало назад. К слову, каких-либо затруднений с дыханием я не испытывал. Все происходило так, словно из центра поляны, где лежала «летающая тарелка», исходили какие-то отталкивающие волны. Минут десять я бился, пытаюсь проникнуть внутрь круга, но тщетно. Прекрасно понимаю, какого страха натерпелся там на следующий день бедняга Буске. Но об этом ты еще услышишь.

В конце концов я стал звать на помощь, впрочем не особо повышая голос. Из «тарелки» вырвался яркий луч света и, пробившись сквозь ветви деревьев, осветил меня. В то же время эластичная стена передо мной словно поддалась, и я продвинулся метра на два. Затем она снова отвердела, и на сей раз я очутился внутри ее, не в силах ступить ни вперед ни назад. В лицо мне ударил сноп света. Ослепленный, я отвернул голову и от удивления раскрыл рот: в метре позади меня свет резко, будто обрубленный, обрывался, уже ничего не озаряя. Уверен, что если бы кто-нибудь стоял на его пути, но на несколько сантиметров дальше этого рубежа, наблюдатель не заметил бы никакого света. Позднее, на Элле, я видел и другие подобные чудеса, но в тот миг все это показалось мне совершенно неправдоподобным и противоречащим здравому смыслу.

Что-то коснулось моего плеча, и я снова обернулся лицом к поляне. Передо мной стояла одна из «женщин». У меня не было ощущения передачи мысли, однако я почему-то понял, что ее зовут Эссина и что она явилась за мной. К моему удивлению, на нашем пути не оказалось ни малейших преград, и уже через несколько секунд мы были у летательного аппарата.

Встретили меня с радушием и без всякого видимого недоверия. Суйлик ограничился тем, что передал мне:

– Я же говорил, у нас есть чем защититься!

Я спросил, как чувствуют себя раненные – всем стало намного лучше. После потрясения и сумятицы, вызванных вынужденной посадкой, хиссы – я говорил тебе, что они называют себя именно так? – очень быстро оправились и, словно в дополнение к оказанной мною первой помощи (не такой уж значительной, следует признать, – ведь тогда я вообще еще ничего не знал об их анатомии и физиологии), пустили в ход свой чудесный генератор биотических лучей, о котором я расскажу чуть позднее.

Внутри корабля все уже было приведено в порядок, но многие из сложных приборов «лаборатории» по-прежнему представляли собой груды обломков. Высоченный хисс, которого звали Аасс, лихорадочно работал там вместе с двумя другими мужчинами и одной женщиной. Я заметил на его зеленом лице точно такое же выражение озабоченности, какое бывало у моего отца, когда его не удовлетворяли собственные расчеты. Внезапно он повернулся ко мне и передал:

– Можно ли найти на Земле два килограмма вольфрама?

Разумеется, здесь не было ни слова «Земля», ни слова «килограмм», ни слова «вольфрам», но тем не менее я безошибочно понял смысл вопроса.

– Пожалуй, это будет трудновато, – подумал я вслух.

Он всплеснул руками, а затем передал:

– В таком случае мы обречены вечно жить на этой планете!

Одновременно с этой мыслью я уловил и волну охватившего его отчаяния.

– Нет-нет, – сказал я, – вы меня не так поняли.

Одним из моих пациентов был владелец замка «Скала», бывший директор литейного завода. Он часто демонстрировал мне свою коллекцию особых сталей и редких металлов, среди которых был и вольфрам. Этот металл очень тяжел, и небольшой его кусок из коллекции моего пациента вполне мог потянуть на два килограмма. Самым трудным было уговорить его уступить этот образец. Но даже в случае его отказа вольфрам можно было бы найти в другом месте, правда уже не так быстро.

По мере того как я передавал свои соображения, лица хозяев корабля прояснились. Я пообещал заняться этим делом с утра и, чувствуя, что мешаю им работать, отправился в обратный путь. Преграду я преодолел без каких-либо затруднений, если не считать деликатного, но сильного толчка в спину, полученного мной при выходе из круга.

В замок «Скала» я явился в девять утра. Моего пациента на месте не оказалось. С замирающим сердцем я объяснил цель своего визита его жене, сославшись на важный и срочный лабораторный опыт. Нет, кусок, выставленный на витрине, не весил двух килограммов, но тот, что находился в шкафчике под витриной, оказался даже тяжелее. Она согласилась одолжить вольфрам с тем условием, что я верну его не позже чем через месяц. В конечном счете, как ты сам увидишь, я вернул ей его через неделю, вернее, не его, а другой, точно такой же.

Полагая, что моим таинственным друзьям он необходим как можно скорее, я прямо из замка помчался к поляне Манью. Отталкивающего круга уже не было. Меня встретил Суйлик, которому я и передал образец. Сам я с ними не остался – на двенадцать часов у меня была назначена встреча с мэром, – но мы условились, что весь следующий день, последний день их пребывания на Земле, как они полагали, я проведу в «тарелке», так как у хиссов имелось множество вопросов о нашей планете. Я же, в свою очередь, намеревался предложить им вернуться на Землю, сев в каком-нибудь безопасном месте. В тот момент я думал о плато Кос, Сахаре и тому подобном.

За обедом я был крайне рассеян. Один из моих фермеров в конце концов принес столь необходимого мне для трапезы зайца. Мэр пребывал в самом благодушном настроении, однако я даже не подумал этим воспользоваться. Мне удалось собраться с мыслями и в какой-то мере прийти в себя, лишь когда подали кофе и наливку.

Около четырех пополудни, когда мы уже поднимались из-за стола, в дверь позвонили. Не знаю почему, но я почувствовал, что сейчас произойдет нечто весьма неприятное. То был Буске, довольно-таки мерзкий тип, браконьер и бродяга. Он желал поговорить с господином мэром.

Мгновенно повеселев от столь неожиданной просьбы – обычно Буске старательно избегал всех, кто более или менее походил на представителя власти, – мэр спросил у меня, можно ли ему принять Буске прямо здесь, в моем доме:

– Мы разделаемся с ним в один миг, а потом сможем серьезно обсудить наши собственные дела.

Естественно, я согласился, и Буске провели в дом. Мы с ним были знакомы: пару раз мне доводилось оказывать ему врачебную помощь, разумеется бесплатную. В благодарность за это он показал мне несколько мест, где водилась дичь.

Даже не поздоровавшись, чуть ли не с порога, Буске заявил:

– Господин мэр, на поляне Манью завелись черти!

Должно быть, я побледнел. Стало быть, моих «друзей» обнаружили!

– Черти? Что еще за выдумки? – фыркнул мэр, который, будучи бонвиваном и кутилой, уж точно не являлся суеверным человеком.

– Да, господин мэр! Черти. Я видел их собственными глазами.

– Неужели? И на что же они похожи, эти твои черти?

– На людей, только эти зеленые. А с ними еще и чертовки!

– Подожди, подожди... Давай по порядку. Как ты их увидел?

– Значит так, господин мэр, прогуливаюсь я по лесу, недалеко от поляны. Вдруг слышу – ветка треснула! Кабан, думаю... Скидываю с плеча ружьишко...

– Ага, так ты с ружьишком прогуливался? Разрешения-то, полагаю, у тебя нет...

– Э-э-э-э-э...

– Ладно, опустим это. Давай про чертей.

– Скидываю я, значит, с плеча ружьишко, оборачиваюсь – и оказываюсь нос к носу с чертовкой!

– Да ладно тебе! И как она – красивая?

– Не уродина, вот только кожа зеленая... Тут, стало быть, с перепугу, я спускаю курок... – Я мысленно выругался. – Да только в нее не попадаю – дуло-то в землю смотрело, – но она тоже пугается, взмахивает рукой, и я уже на земле, словно получил отменный тумак. А она поворачивается – и давай деру! Я вскакиваю на ноги, злой как собака, несусь за ней. Только она бежала быстрее, так что я ее потерял из виду, а как оказался метрах в двадцати от поляны, то едва не разбил себе нос о стену!

– Какую еще стену? Нет там никакой стены! Я эту поляну знаю как свои пять пальцев!

– Я неверно выразился, господин мэр. Я и сам знаю, что там нет стены, но это было что-то вроде нее. Дальше я пройти не смог. И деревья в том месте были погнуты, словно от сильного ветра, и, однако, ветра вообще не было!

Я вспомнил собственный поход к «тарелке» и легко представил себе, в каком замешательстве, должно быть, пребывал Буске.

– В общем, дальше я не смог сделать и шагу. Гляжу между деревьями и вижу с дюжину чертей, суесящихся вокруг какой-то большой блестящей машины, что-то вроде крышки от бака для кипячения белья, только огромной. Они входили внутрь и выходили через дверцу. Вижу, моя чертовка о чем-то судачит с другим чертом, но я был слишком далеко, чтобы понять, о чем именно. Потом все черти вдруг как уставятся на меня – и смеются, чтоб им пусто было! А затем что-то упало на меня сверху, хотя я ничего и не видел, и покатило через кусты, отпустив лишь метрах в ста от поляны. Там уж я вскочил на ноги и бегом до дороги, а оттуда – прямо сюда.

Мэр смерил Буске недоверчивым взглядом:

– А ты уверен, что ничего не пил сегодня? Может, чуть перебрал рому?

– Нет, господин мэр. Если и выпил, то не больше двух литров красного за столом, как все люди.

– Хм... А вы что обо всем этом думаете, доктор?

Я попытался выиграть немного времени и потому без зазрения совести солгал:

– Знаете ли, когда у человека большая печень, ему и двух литров вина хватит. А Буске, говорят, выпить совсем не дурак. Правда, при белой горячке обычно видят слонов, а не зеленых чертей, но как знать...

– Ладно, разберемся... Зайди-ка, милейший, через часок ко мне в мэрию, а то сейчас у меня есть дела поважнее твоих чертей.

Буске вышел, качая головой. Едва мы остались одни, мэр заявил:

– Вероятнее всего, он пьян, хоть и держится еще на ногах. Черти! Надо же такое придумать! И все же – как быть? Впрочем, это дело кюре, а не мое!

Я согласно кивнул, размышляя уже о том, как бы спровадить мэра, ничем его не задев, чтобы иметь затем возможность предупредить моих «друзей».

Ничего путного я так и не придумал, так что был вынужден во всех подробностях обсуждать с ним больше не интересовавшее меня дело, и уехал он лишь около шести вечера.

Я тотчас же вывел машину и отправился в Руффиньяк. На площади, небольшими группками, стояли люди. Буске уже обо всем растрезвонил, и ситуация осложнялась с каждой минутой. Уже поговаривали о двух сотнях чертей, изрыгающих огонь. Впрочем, все это меня ничуть не тревожило, поскольку никто, по-видимому, не пылал желанием проверить эти факты на месте. На западе догорала зловещая полоска заката, все сильнее задувал ветер, вот-вот должен был пойти дождь.

За Руффиньяком я выехал на дорогу, ведущую к лесу, но не проехал и километра, как вынужден был притормозить: в свете фар показалось около дюжины крестьян, в которых я узнал своих всегдашних товарищей по охоте. Все они были с ружьями.

Я остановил машину:

– Куда это вы намылились? На охоту или на войну?

– Да, мсье Клер, идем охотиться на чертей!

– Ну и дела!.. Неужели и вы тоже поверили этому старому брехуну Буске? Он был совершенно пьян, когда рассказывал эту свою басню. Мэр скажет вам то же самое!

– Буске-то, может, и был, но только не прачка Мари. Она их тоже видела и так перепугалась, что едва рассудком не тронулась. Сейчас ваш приятель-доктор за ней приглядывает.

– Вот те на! Она что, тоже видела их на поляне Манью?

– Да. Потому-то мы туда и идем. Поглядим, устоят ли эти черти против картечи!

– Вот уж не советую! Еще наделаете глупостей... Этим должны заниматься не вы, а жан-дармерия. Да и, в конце-то концов, они ведь никому не сделали ничего дурного, эти ваши черти.

– А чего тогда они прячутся? Может, это переодетые русские шпионы?

– Или американские, – добавил раскатистый бас, в котором я признал голос старшего мастера с каолинового карьера.

– В таком случае это касается вас еще меньше. Это дело службы безопасности!

– Ну конечно! Пока они подъедут, чертей и след простынет. Нет уж, мы лучше сами туда сходим.

Я не колеблясь принял решение. О том, чтобы объяснить им всю правду, нечего было и думать. Главное было предупредить хиссов.

– Хорошо. В таком случае я с вами. Поеду вперед!

И прежде, чем кто-либо успел произнести хоть слово, я рванул вперед. Долго собиравшийся дождь наконец разразился; его струи большими жидкими стрелами пронзали лучи фар. Я услышал позади крики, но вместо того, чтобы остановиться, лишь прибавил газу.

Крики смолкли, поглощенные шумом дождя. Я остановился чуть дальше тропы, которая ведет к поляне, и спрятал автомобиль под ветвями каштанов, в начале другой узкой тропы. Потом побежал через лес, путаясь в своем плаще и стараясь как можно реже включать фонарик. Дождь барабанил по оголенным сучьям, стволы деревьев были холодными и скользкими от лишайников, пропитанный водой мох чавкал под ногами, обдавая меня холодными брызгами. Я бежал слишком быстро, и вскоре у меня закололо в боку. Далеко позади по дороге проехали две или три машины.

Наконец я очутился у поляны. Она была залита зеленоватым светом, исходившим от мерцающего гигантского купола, возникшего на том месте, где находилась «тарелка». Но что произошло? Яростно пробираясь сквозь кусты, я выскочил на открытое пространство, где дождь лил с удвоенной силой. Приблизившись к основанию купола, я коснулся его рукой и понял: это была дождевая вода, стекавшая с незримой отталкивающей поверхности. Оригинальный же зонтик соорудили себе мои «друзья»-хиссы!

Я стал звать их, не решаясь сильно повышать голос, чтобы не привлечь внимания «охотников на чертей», которые, должно быть, уже шли лесом. Через несколько минут в завесе дождя образовалась щель, я пролез в нее и очутился в сухом месте, лицом к лицу с Суйликом.

– В чем дело? – передал он мне.

– Сейчас вы будете атакованы. Мои соотечественники считают вас зловредными существами. Улетайте немедленно!

– До рассвета мы взлететь не сможем. Но с нашим эссомом мы ничего не боимся, во всяком случае, ваших соотечественников.

Слово «эссом», как я понял, означало отталкивающую завесу.

– Вы действительно не можете улететь? – спросил я, уже предчувствуя всякого рода неприятные осложнения.

– Да, не можем. Двигатели еще не налажены, а уйти сразу в ахун, не удалившись от планеты на достаточное расстояние, будет слишком опасно.

Как и всякий раз, когда Суйлик чувствовал, что передача мысли невозможна, он произнес это слово вслух.

– А что такое «ахун»?

Суйлик не ответил.

Тут к нам подошла одна из «женщин», Эссина, и передала мне:

– Пойдемте в ксилл.

Мы последовали за ней. Навстречу нам вышел Аасс, высоченный хисс, которого я уже видел в разгромленной лаборатории. Он спросил, о чем мы говорили, и обратился ко мне:

– Каким оружием располагает ваш народ?

– О, самым разнообразным! Есть и очень мощное, – я подумал об атомной бомбе, – но те, которые угрожают вам, вооружены плохо.

Я передал мысленное описание охотничьего ружья. Аасс облегченно вздохнул:

– В таком случае опасность невелика – ни для нас, ни для них.

Снаружи прогремело несколько выстрелов, затем послышались возгласы разочарования. Аасс щелкнул переключателем. Свет погас, и целая стена кабины словно исчезла.

Я увидел поляну, как будто сам стоял на ней, притом при ярком свете дня. Дождь прекратился. На краю поляны, там, где кончалась тропа, виднелись человеческие фигуры со вскинутыми к плечу ружьями. На них невозмутимо смотрели четверо хиссов. Прозвучали выстрелы, а за ними – все тот же хор разочарованных голосов: картечь снова наткнулась на незримую

преграду. Видно было, как чернели скопления отдельных картечин, неподвижно висевших в воздухе.

Аасс просюсюкал несколько слов Эссине. Та вышла, и спустя пару минут все хиссы вернулись на борт корабля, а люди тщетно пытались пробиться сквозь отгалкивающую завесу.

Всю ночь хиссы провели за работой, действуя так, словно меня не существовало. Впрочем, они от меня ничего не скрывали, и я видел, как один за другим они восстанавливали сложные приборы, назначение и принцип действия которых мне были совершенно непонятны.

Глава 2 Путешествие в ничто

Когда на востоке, над черной полосой деревьев, забрезжил пасмурный рассвет, все уже было готово к отлету, но осаждающие по-прежнему не уходили. Порой было видно, как за мокрыми стволами шевелятся фигуры крестьян, которые, должно быть, провели под дождем и в тревоге всю ночь. Я тоже был обеспокоен, слегка утомлен и пребывал в замешательстве: выйти из ксилла незамеченным я не мог, а если бы меня увидели, последовали бы бесконечные недели, полные допросов, интервью и прочих неприятностей.

С такими вот мрачными мыслями я сидел в кресле, в том зале, где впервые увидел живого хисса, как вдруг Аасс тронул меня за плечо:

– Что-то не так? От тебя давно уже исходят волны беспокойства.

Я коротко объяснил ему свое положение.

– Это не проблема. Мы уже вылетаем. Тебя высадим на другой поляне, чуть подальше. Спасибо за то, что предупредил нас, но главное – за то, что оказал нашим раненым первую помощь после аварии.

Какое-то время он просто стоял рядом, ничего не передавая, но затем продолжил:

– О том, чтобы взять тебя на Эллу, мы и думать не можем. Закон исключения на сей счет категоричен: никаких контактов с планетами, где все еще идут войны. Мне очень жаль. В твоём мире, как мне кажется, наряду с высокой цивилизацией присутствует еще и немало варварства. Позднее, когда ваше человечество станет более мудрым, мы еще вернемся. Может, даже и раньше, если угроза со стороны мисликов будет так велика, что нам придется нарушить закон. Остается лишь надеяться, что к тому времени ваше человечество не уничтожит само себя, как это случилось на планетах Аур и Жен звезды Эп-Хан. Как вы называете свою планету?

– Земля, – ответил я. – Во всяком случае, так ее называют в моей стране. В других, например, «Earth» – «Эрс»...

– Тссемля, – повторил он вслух. – Забавно! На нашем языке это означает насилие и в то же время силу. А «Эрсс» – это гордость. Пойдем со мной.

Он повел меня в помещение, где находились наиболее сложные приборы. Там уже были Суйлик, Эссина и еще одна «женщина».

– Сейчас мы взлетим. Но прежде нужно «удалить» твоих соотечественников. Когда ксилл взлетает, стоять слишком близко к нему опасно.

Суйлик подергал парочку небольших рукояток, Эссина выключила свет, и перед нами снова возникла поляна. Крестьяне по-прежнему несли свою упрямую вахту, прячась за деревьями. Аасс издал негромкий прерывистый свист, заменяющий хиссам смех.

– А теперь смотри, – передал он мне.

За узловатым стволом, так отчетливо, словно я стоял в трех шагах, я увидел край шляпы, ствол ружья и кошачий ус: папаша Каррер! Внезапно он вылетел из своего укрытия и, потеряв ружье, кувырком покатился через утесник и вереск, размахивая руками и изрыгая весь набор живописных местных ругательств, в точности воспроизводимых звукоулавливателем. Через

несколько мгновений он исчез в чаще молодых каштанов. Та же участь постигла и его товарищей, справа и слева от него.

Аасс отдал какое-то распоряжение.

– Вот теперь они достаточно далеко, – объяснил он мне. – Взлетаем.

Я не услышал никакого шума, не почувствовал ни малейшей вибрации и, что поразительно, не ощутил ни малейшего ускорения. Земля стремительно ушла вниз. На какой-то миг я увидел всю поляну с примятым вереском на том месте, где стоял ксилл, но она быстро скрылась из глаз.

– Чуть восточнее есть еще одна поляна, – сказал я. – Можете высадить меня там.

Теперь, когда хиссам предстояло навсегда уйти из моей жизни, любопытство мое достигло предела. Я сгорал от желания отправиться вместе с ними и буквально сходил с ума от ярости при мысли, что из-за глупейшего стечения обстоятельств ничего толком про них не узнал. Внизу уже показалась другая прогалина, не столь обширная, как поляна Манью, но вполне подходящая для посадки. Теперь мы снижались, так же быстро.

В это мгновение я случайно взглянул на верхний экран. Слева от нас в небе появились три черные, стремительно увеличивавшиеся точки, которые образовывали плотный треугольник. Я сразу же понял, что это такое: с аэродрома Перигё к нам шли три новых «Миража-три», способных развивать скорость свыше двух тысяч километров в час.

– Внимание, опасность! – закричал я, не подумав о том, что хиссы не способны воспринимать нашу речь на слух.

Впрочем, Аасс тоже увидел их, и вместо того, чтобы продолжить снижение, мы взмыли ввысь. Истребители повторили наш маневр. Один из них обогнал нас, пройдя так близко, что я отчетливо разглядел в кабине голову пилота в шлеме и защитных очках.

Суйлик принялся лихорадочно щелкать рычажками пульта управления. Истребители остались далеко позади – три черные точки, становившиеся все меньше и меньше, уходившие все дальше и дальше, все ниже и ниже.

С каждым мгновением я мог охватить одним взглядом все большую поверхность Земли. Небо сделалось темно-синим, потом фиолетовым, затем черным, и среди бела дня на нем появились звезды. Я понял, что мы были за пределами атмосферы!

С момента отлета прошло менее получаса, а внизу виднелась уже вся Земля – большой синеватый шар с белыми полосками.

Все то время, пока в моем присутствии проходил «военный совет», мы неподвижно висели в Пространстве. Мои спутники не собирались скрывать от меня ничего, – напротив, Эссина старательно передавала мне все сколь-нибудь значительные подробности разгоревшегося спора. Если говорить вкратце, Аасс выступал за то, чтобы дождаться ночи и тогда уже высадить меня. Суйлик, которого поддерживали Эссина и два других хисса, наоборот, хотел взять меня на планету Элла. Судя по всему, главным его аргументом было то, что я представлял самую дальнюю из известных им «человеческих планет», к тому же Закон, запрещавший устанавливать отношения с мирами, где все еще шли войны, относился только к их галактике и не был применим к внегалактическим планетам. Совершенно очевидно, добавлял он, что данное человечество не имеет ни малейшего понятия о «пути через ахун» и, стало быть, Элла не подвергается ни малейшей опасности. Доставить меня обратно можно будет в любой момент. К тому же, заявлял он, разве можно пренебрегать какой бы то ни было помощью, когда мислики наступают и находятся уже на расстоянии менее одного миллиона световых лет? Тем более помощью человечества с красной кровью?

Наконец Аасс повернулся ко мне и «сказал»:

– Если хочешь, мы возьмем тебя на нашу планету, при условии что тебе подойдет наша пища, – полет будет долгим. Сейчас ты поешь вместе с нами. Если все будет в порядке, полетим на Эллу вместе. Позднее мы доставим тебя обратно.

Так я впервые принял участие во внеземной трапезе, за которой, впрочем, последовало немало других. Все это время «тарелка», или ксилл, как я отныне буду ее называть, неподвижно висела в пространстве примерно в двадцати пяти тысячах километрах от Земли.

Во всех случаях, кроме торжественных банкетов, хиссы едят стоя. Мы ели в той же комнате, где находились. Завтрак состоял из розового, очень вкусного желе и печенья, которое, как мне показалось, было сделано из пшеничной муки, и какого-то душистого напитка, чем-то похожего на мед. Тарелки и ложки были прозрачно-синими, очень красивыми и, в чем я убедился, уронив свою тарелку, совершенно небьющимися. К моему глубочайшему облегчению, я быстро насытился и прекрасно переварил всю эту пищу.

Вторую половину дня я провел наблюдая за Землей, той самой Землей, которую покидал, чтобы отправиться неизвестно куда. Вечером, после такого же ужина, мне показали низкое ложе, и, несмотря на умственное возбуждение, я быстро уснул, сморенный усталостью.

Когда я проснулся, в комнате никого не было. Где-то неподалеку что-то едва слышно гудело. Я встал, открыл дверь и столкнулся с Аассом.

– Шел тебя будить, – передал мне он. – Вы, земляне, спите слишком уж долго.

После этого он провел меня в комнату-лабораторию. Но прежде, чем продолжить, полагаю, самое время объяснить тебе, как располагаются все эти комнаты-каюты.

Ксиллы, как правило, строят по одному образцу. Снаружи они напоминают приплюснутый боб чечевицы диаметром от пятнадцати до ста пятидесяти метров и толщиной от двух до восемнадцати метров. В ксилле средней величины, вроде того, в котором был я, – он достигает тридцати метров в диаметре при толщине в три с половиной метра, – в центре располагается шестиугольный зал, где сосредоточены все приборы управления, главный пульт; каждая из шести стен в этом зале – пятиметровой длины, и называется он «сеалл». Вокруг него находятся еще шесть комнат приблизительно такого же размера: спальное помещение, лаборатория, машинные отделения (их на ксилле три) и так далее. Вокруг этих комнат, быстро уменьшаясь в высоту по мере удаления от центра, располагаются всевозможные кладовые с продуктами, аккумуляторами энергии, резервуарами с воздухом и тому подобным. Экипаж такого ксилла обычно состоит из двенадцати хиссов.

В лаборатории нас уже поджидали уцелевшие члены экипажа – помимо Аасса, их было девять. Тогда я впервые увидел их всех вместе: пятерых «мужчин» и четырех «женщин». Обычно, когда сталкиваешься с людьми иной расы, их сложно отличить друг от друга, но я не испытал никаких проблем с этим. Аасс возвышался над остальными и даже был на несколько сантиметров выше меня. Остальные оказались гораздо ниже меня ростом. Из «женщин» ни одна не достигала метра шестидесяти пяти. Не считая Суйлика, Аасса и Эсины, я уже сталкивался еще с двумя хиссами.

Аасс представил меня и познакомил со всеми, словно мы находились в каком-нибудь светском салоне. Насколько я понял, сам он был физиком, или, как он мне это передал, «изучающим силы». Кроме того, он являлся руководителем экспедиции. Суйлик был командиром ксилла, а заодно и штурманом. Два хисса считались «матросами», если можно так выразиться. Двое других занимались изучением планет – про себя я назвал их «астрономами». Как я уже говорил, врач экспедиции погиб при жесткой посадке. Еще один, специалист по звездной астрономии, погиб от разрыва ракет, выпущенных американским самолетом. Из четырех «женщин» две занимались ботаникой, одна – психологией, Эссина – сравнительной антропологией.

Меня спросили, что на Земле делал я. Я ответил, что раньше изучал медицину, но последнее время изучаю саму жизнь. Такой ответ, похоже, вполне удовлетворил их.

Завязалась оживленная беседа, которую хиссы не сочли нужным мне переводить. Потом все разошлись, и я остался в лаборатории с Аассом и Суйликом. Аасс усадил меня в кресло, а затем передал:

– Мы решили взять тебя на нашу планету. Не спрашивай, на каком расстоянии от Земли она находится. Этого я не знаю, и вскоре ты поймешь почему. Она в той же самой вселенной, в широком смысле слова, иначе мы не смогли бы к вам прилететь. Теперь нам предстоит обратный путь. Когда мы прибудем на Эллу, твою участь решат Мудрецы. В худшем случае тебя просто вернут обратно. Мы исследуем «Большое Пространство» всего двести сорок эмисов – один эмис равен двум с половиной земным годам – и уже открыли сотни миров, населенных существами, более или менее похожими на нас, но впервые видим планету, где кровь у людей – красная. Ты представляешь особый интерес для исследователей, и именно по этой причине мы берем тебя на Эллу в обход закона. Теперь, когда мы уже достаточно далеко от Тссемли, мы перейдем в ахун. Ничего не пугайся, но главное – не прикасайся ни к одному из приборов. Судя по тому аппарату, который атаковал нас, вы все еще пользуетесь химическими двигателями, так что принцип действия наших ты все равно не поймешь.

– У нас есть и такие двигатели, в основе работы которых лежат физические свойства, – возразил я. – Но что такое ахун?

– Это Не-Пространство, которое окружает Пространство и отделяет его от антимиров. А еще это Не-Время. В ахуне нет ни расстояний, ни продолжительности, поэтому я не могу сказать, как далеко от твоей планеты до Эллы, хотя мы знаем, что расстояние это превышает миллион световых лет.

– Но вы только что говорили, что Земля – самая отдаленная из всех известных вам планет!

Аасс скривил губы, что было у него, как я узнал позднее, признаком крайнего затруднения.

– Как тебе объяснить? По правде сказать, мы и сами не все понимаем. Мы просто пользуемся этим. Попробую объяснить так: ты ведь знаешь, что Пространство и Время взаимосвязаны?

– Да, один наш гениальный физик не так давно установил это.

– Так вот, Пространство-Время, вселенная плавают в ахуне. Пространство замкнуто в самом себе, но Время открыто: прошедшее не возвращается. В ахуне, где нет пространства, ничто не может существовать, поэтому мы отделим небольшую часть Пространства, которая замкнется вокруг ксилла, и окажемся замкнутыми в этом пространстве, в ахуне, рядом с Большим Пространством вселенной, но не входя в него. Мы как бы дрейфуем по отношению к Большому Пространству, не смешиваясь с ним. По истечении определенного времени мы совершим обратный маневр и снова окажемся в Пространстве-Времени нашей вселенной, вынырнув в наш мир в точке, которая, как мы уже могли убедиться на собственном опыте, будет удалена от Эллы не более чем на несколько миллионов ваших километров. Сейчас, чтобы вернуться, мы уйдем в ахун на внешнюю сторону нашего Пространства-Времени. Отправляясь к вам, мы вышли на внутреннюю сторону. Возможно, одновременно с перемещением в Пространстве на сколько-то миллиардов километров мы также совершаем путешествие и во Времени, но этого я утверждать не стану: физические свойства ахуна еще плохо изучены нами. Как знать: возможно, мы, хиссы, еще не существуем по отношению к вам? Или, наоборот, исчезли миллионы лет назад! Но это вряд ли, иначе за миллионы лет мислики уже добрались бы до вас, несмотря на все расстояния. Так или иначе, вы для нас, как и мы для вас, – существа из Ниоткуда и из Никогда. И тем не менее мы существуем в одном и том же Пространстве-Времени, хотя никто не сможет сказать, какое расстояние и за какой период времени мы должны преодолеть, чтобы воссоединиться, ведь для этого необходимо уйти в ахун, где нет ни Времени, ни Пространства. Понимаешь?

– По правде говоря, не очень. Сюда бы какого-нибудь из наших физиков...

– Основную опасность представляют окружающие нас антимирры. Теория гласит, что каждая положительная вселенная окружена двумя отрицательными, и наоборот. В этих антими-

рах материя противоположна нашей: атомные ядра несут отрицательный заряд. На слишком большом удалении от нашей вселенной мы рискуем попасть в один из антимиров, и тогда вся наша материя улетучится, сгинет в чудовищной вспышке света. Должно быть, именно это и случилось, давным-давно, с несколькими ксиллами, которые так и не вернулись. Но с тех пор мы научились более точно управлять переходом в ахун... Теперь я должен и сам совершить этот маневр. Пойдем со мной, если хочешь.

Мы прошли в сеалл, зал управления. Склонившийся над приборной доской Суйлик уже заканчивал настройку аппаратуры. Аасс указал мне на кресло, предупредив:

– Что бы ни случилось, молчи!

Он и Суйлик приступили к долгой переключке, чем-то напоминавшей контрольную проверку приборов, производимую пилотами тяжелого бомбардировщика. После каждого ответа Суйлик щелкал тумблером, поворачивал рукоятку или опускал рычажок. Когда все закончилось, Аасс повернулся ко мне и ухмыльнулся одной из тех хиссовских ухмылок, когда верхняя губа приподнимается над острыми зубами.

– Ахеш! – прокричал он.

Прошло секунд десять, но ничего не изменилось. Я ждал, затаив дыхание. Внезапно ксилл резко наклонился вперед, и, чтобы не полететь на пол, мне пришлось вцепиться в ручки кресла. Нарастал странный звук, в котором смешивались грохот и свист – но и только. Затем снова наступила тишина, ксилл перестал дергаться. Аасс поднялся на ноги:

– Теперь мы подождем сто один базик.

Я спросил, что такое «базик»: оказалось, это их единица времени, отмеряемая крошечными часами. Один базик соответствует одному часу, одиннадцати минутам и девятнадцати секундам.

Я не стану останавливаться на этом отрезке времени в сто один базик. Жизнь в ксилле была такой же однообразной, какой она, вероятно, бывает на подводных лодках: никаких маневров совершать не приходилось. Все хиссы, кроме одного дежурного в сеалле, играли в игры, отдаленно напоминавшие шахматы, читали толстые книги, отпечатанные темно-синим шрифтом на гибкой и прочной материи, разговаривали между собой. Вскоре я заметил, что, за исключением Аасса, Суйлика и Эссины, они не отвечали мне, когда я пытался установить с ними ментальный контакт, – ограничивались улыбками и продолжали заниматься своими делами.

Аасс почти все время проводил у себя в лаборатории, зато Эссина и Суйлик держались очень дружелюбно, задавая мне бесчисленные вопросы о Земле, нашем образе жизни, истории человечества. Но от моих вопросов они ловко уходили, давая уклончивые ответы, постоянно откладывая уточнения на будущее. Несмотря на это, я находил в них много общего с нами; мне казалось, что они похожи на нас даже больше, чем знакомые мне японцы.

В конце концов, устав рассказывать хиссам о Земле и не получать взамен никакой информации, я отправился к Аассу и объяснил ему ситуацию. Он долго смотрел на меня, а затем «сказал»:

– Они действуют так по моему приказу. Если Мудрецы согласятся оставить тебя на Элле, у тебя будет достаточно времени для того, и ты узнаешь все, что пожелаешь. В противном случае мы бы предпочли, чтобы ты знал о нас как можно меньше.

– Думаете, меня отошлют назад? Не понимаю, какую опасность может представлять для вас мое присутствие на вашей планете.

Но едва я произнес эти слова, как почувствовал, что бледнею. Опасность имелась, и не только для них! Для меня тоже – особенно для меня. Как врач, я должен был сразу об этом подумать: микробы! Во мне были миллиарды зародышей, на которые мой организм, защищенный постепенно выработавшимся природным иммунитетом, не реагировал, тогда как для

хиссов эти зародыши могли оказаться смертельными. А сами хиссы, в свою очередь, наверняка являлись носителями микробов, которые могли оказаться смертоносными для меня!

В полнейшей растерянности я передал свои соображения Аассу. Тот улыбнулся.

– Мы уже давно занимаемся этой проблемой: с того самого дня, как первые хиссы покинули нашу родную планету Эллу-Вен звезды Ориабора ради колонизации планеты Элла-Тан звезды Иалтара. В тебе больше нет чужеродных живых организмов. В первую же ночь после отлета, пока ты спал, мы подвергли тебя воздействию хассрна.

– А что это такое «хассрн»?

– Возможно, позднее ты узнаешь. Мы также взяли у тебя немного крови, чтобы восстановить твой прежний иммунитет, если придется вернуть тебя обратно на Тссемлю. Что касается нас, то, когда мы находимся на чужой планете, все члены экипажа проходят обработку лучами хассрна каждые двое суток. На Элле мы попытаемся защитить тебя от наших микробов; если же это не удастся, ты тоже будешь через день получать облучение хассрном. И вот еще что, насчет твоей крови... Скажи-ка, неужели у всех существ на Земле в крови так много железа?

– Да, кроме тех немногих беспозвоночных, у которых дыхательный пигмент содержит медь.

– В таком случае вы – родственники мисликов!

– Что это еще за мислики, о которых вы постоянно твердите?

– Скоро узнаешь. И не только ты, но и вся ваша планета!..

И он склонил голову, как делал всякий раз, когда хотел закончить разговор.

Часы – базики – проходили один за другим. Когда мы вновь оказались в Большом Пространстве, Аасс зашел за мной, чтобы провести в сеалл. Там я стал свидетелем все той же долгой переключки, вновь ощутил уже знакомые толчки. Суйлик включил обзорный экран: со всех сторон нас окружали бесчисленные звезды. Одна была гораздо ближе других и, казалось, в диаметре едва достигала трети нашей Луны. Аасс указал на нее пальцем:

– Иалтар, наше солнце. Через несколько базиков мы будем на Элле.

Они показались мне бесконечными, эти последние базики!

Словно зачарованный, я смотрел на все увеличивающуюся в размерах звезду, к которой мы направлялись. Чуть голубоватая, она быстро начала слепить мне глаза, и я перенес свое внимание на те планеты, что вращаются вокруг нее. Суйлик показал мне, как пользоваться перископом ксилла, который может играть и роль мощного телескопа. Вокруг Иалтара вращается двенадцать планет; они называются – если идти от самой удаленной к самой близкой – Афен, Сетор, Сигон, Херан, Тан, Софир, Рессан, Марс – да-да, Марс, забавное совпадение! – Элла, Сонг, Эйкле, Рони. У Сигона и Тана такие же кольца, как у нашего Сатурна. Самая крупная планета – Херан, самые маленькие – Афен и Рони. Марс и Элла примерно одинаковой величины, чуть больше нашей Земли. Рессан – он немного поменьше – обитает, как и Марс, и, разумеется, Элла. На большей части остальных планет хиссы ведут научные исследования или держат промышленные колонии, зачастую в очень непростых условиях. Почти у всех планет есть спутники, в расположении которых существует довольно-таки любопытная закономерность: у Рони спутника нет; у Эйкле – тоже; у Сонга – один; у Эллы – два, Ари и Арци; у Марса – три, Сен, Сан и Сун; у Рессана – четыре, Атуа, Атеа, Асуа и Азеа; у Софира – пять; у Тана – шесть. Далее число спутников уменьшается в таком же порядке вплоть до Сетора, у которого их три; у Афена же их нет вовсе. Один из спутников Херана, огромной планеты, превосходящей размерами наш Юпитер, достигает величины Земли. Афен вращается на орбите, удаленной от Иалтара на одиннадцать миллиардов километров! Разумеется, все это, особенно цифры, я узнал лишь впоследствии.

Мы вынырнули в Пространство между орбитами Софира и Рессана, довольно близко от последнего, так что я смог отчетливо разглядеть в телескоп возникшие в просвете облаков контуры побережья. Марс, напротив, был в это время слишком далеко, по ту сторону Иалтара.

В конце концов Элла перестала казаться крохотной искоркой в черном небе, став небольшой сферой, с каждой минутой все более возраставшей в размерах.

Часть вторая Фантастический мир

Глава 1 На планете Элла...

К моему глубочайшему сожалению, посадка произошла ночью. Когда мы вошли в атмосферу Эллы, мои часы показывали семь часов двадцать минут по земному времени, но я и сейчас не знаю чего – утра или вечера. Облачность была настолько густой, что прежде, чем мы вошли в тенистую зону, я почти ничего не смог различить внизу – лишь мерцающие поверхности в разрывах между тучами, по всей видимости, моря. Приземлились мы совершенно бесшумно, без малейших толчков. Ксилл опустился среди голой темной равнины. Лишь вдалеке сверкали огоньки.

– Выходит, нас никто не ждет? – наивно спросил я Суйлика.

– Скажешь тоже – «ждет»!.. Кто же знает, когда какой ксилл вернется? Сотни их сейчас исследуют Пространство! Зачем же их ждать? Я сообщил о нашем прибытии Мудрецам. Завтра ты предстанешь перед ними. А сейчас следуй за мной.

Мы вышли из ксилла. Вокруг царил полный мрак. Суйлик включил маленький фонарик, закрепленный у него на лбу широкой лентой, и мы двинулись в путь. Под ногами я чувствовал упругий ковер густой короткой травы. Шагов через сто луч фонарика осветил низкое белое строение без видимых окон и дверей. Мы обошли его. Суйлик не сделал ни единого жеста, но в стене вдруг открылась дверь, и мы оказались в коротком коридоре, пол которого был выложен ослепительно-белыми плитами. В глубине, справа и слева, уже отъезжали в сторону две двери. Суйлик указал на левый проем:

– Ты будешь спать там.

Комната была освещена мягким голубым светом. В ней стояло очень низкое, чуть вогнутое, без простыней, ложе, покрытое простым белым одеялом. Рядом, на небольшом столике, слабо мерцали какие-то сложные аппараты. Суйлик указал на один из них.

– «Тот-кто-приносит-сон», – объяснил он. – Если не сможешь уснуть, нажми эту кнопку. Раз уж тебе подходит наша пища, это тоже должно подействовать.

Суйлик ушел. С пару-тройку минут я просто сидел на краю кровати. Мне казалось, что я все еще на Земле, в какой-то чрезвычайно цивилизованной ее части, скажем в Соединенных Штатах или Швеции, но только не на неведомой планете, за бог знает сколько миллиардов километров от дома! Под легким и мягким на ощупь одеялом я нашел нечто вроде ночной пижамы, скроенной как комбинезон из одного куска еще более легкой ткани. Я переоделся и лег. Ложе было в меру упругим и в то же время прекрасно облегало тело. Под тоненьким одеялом мне вскоре стало так жарко, что я его сбросил: в комнате и так было тепло. Какое-то время я ворочался, не в силах уснуть, потом вспомнил совет Суйлика и нажал указанную им кнопку. Я успел услышать очень слабое жужжание и погрузился в сон...

Пробуждался я очень медленно, выходя из странного сна, в котором разговаривал о чем-то с зеленолицыми людьми.

Где я находился? Сначала мне показалось, что в Скандинавии, по которой я действительно путешествовал в свое время. Однако я отчетливо помнил, что уже вернулся оттуда. В любом случае это был не мой дом, где кровать, которую я постоянно собираюсь сменить, но всякий раз забываю, отличается крайней жесткостью. Черт подери! Да я же был на Элле!

Я вскочил, щелкнул переключателем света. Стена напротив растаяла, сделалась прозрачной: передо мной, до синеватой линии далеких гор, тянулась бескрайняя желтая степь.

Слева, на желтой траве, темным пятном лежала чечевица ксилла. Небо было странного светло-голубого оттенка; высоко-высоко по нему плыли редкие белые облака. Вероятно, было еще очень рано.

С легким шумом в комнату въехал низенький столик на колесах и, медленно перемещаясь, остановился рядом с моей «кроватью». Из глубины его тихонько поднялся поднос с чашкой золотисто-желтой жидкости и тарелкой розового желе. Судя по всему, хиссы имели привычку завтракать в постели! Я поел с большим удовольствием; и желе, и напиток оказались очень вкусными, хотя определить, на что они походили, я просто не мог. Едва я покончил с завтраком, как автомат выкатился из комнаты.

Я оделся и тоже вышел. Наружная дверь была открыта, как и все двери в доме. Сам домик показался мне маленьким: я решил, что в нем всего три выходящие в коридор комнаты, и лишь позднее узнал, что во всех жилищах хиссов бывает еще два или три подземных этажа.

Я обошел вокруг дома. Воздух был резкий, свежий, но не холодный, солнце – в мыслях я никогда не смог назвать его Иалтаром! – стояло еще низко. Кругом не было ни души. В некотором отдалении виднелось еще три строения, таких же простых, как и дом Суйлика. Еще дальше к востоку можно было различить и другие дома, разбросанные по степи. На западе, со стороны гор, равнина была совершенно голой до самого горизонта, тогда как на востоке, севере и юге ее оживляли густые рощицы. Я не спеша дошел до ближайшей из них. Деревья выбрасывали к небу прямые гладкие стволы, расцвеченные розовыми и зелеными пятнами и прожилками. Листья были темно-желтыми, как и трава под ногами. В рощице, насколько я смог определить, росли деревья трех различных пород.

Все вокруг дышало волшебным покоем. Все, что есть уродливого в нашей цивилизации – шум, вонь, теснота, хаотические нагромождения городов, – казалось, было навсегда изгнано с этой планеты. Там царил миротворящая необъятная тишина. Невольно я подумал об Утопии, описанной Уэллсом в романе «Люди как боги».

Я медленно вернулся к дому. Казалось, в нем не было ни души. В комнате, расположенной напротив моей, я обнаружил низкое, очень легкое кресло, вынес его наружу и, усевшись перед дверью, принялся ждать. Минут через десять из-за ближней рощицы появилась тонкая фигура девушки или молодой женщины, обительницы этого нового для меня мира. Она прошла рядом со мной танцующей походкой хиссов, взглянув на меня с любопытством, но без особого удивления. Ее зеленая кожа выглядела более светлой, чем у моих товарищей по путешествию. Я улыбнулся ей. Она ответила коротким кивком и продолжила свой путь.

Наконец появился Суйлик – вынырнул откуда-то из-за моей спины, скривил губы в типичной для хиссов ухмылке и «сказал» мне:

– Вскоре ты предстанешь перед Мудрецами. А пока я покажу тебе свой дом.

Кроме спальни, одна стена которой могла по желанию оставаться непроницаемой или становиться прозрачной, и комнаты напротив, где я взял кресло, на «первом этаже» имелась еще третья, передняя комната, куда выходили лифты для спуска в подземную часть здания. Суйлик извинился за скромность своего жилища, подхлестнувшего разве что молодому холостому офицеру. В его доме было всего два подземных этажа. В верхнем располагались две спальни и рабочий кабинет – круглая комната со стенами, сплошь забитыми книжными полками, и столом посередине, на котором стояли изящные аппараты. Нижний этаж занимали кладовая для продуктов, «кухня» и великолепная ванная комната со всем, что мы бы назвали «удобствами». У хиссов это единственное помещение, где можно найти зеркало. Увидев себя, я отшатнулся: мою физиономию покрывала щетина недельной давности! Я поинтересовался у Суйлика, существует ли на Элле хоть что-то, похожее на бритву.

– Нет, – ответил он. – У хиссов не растет шерсть на лице. Нечто подобное, возможно, найдется лишь на Рессане, где проживают представители других человечеств: некоторые из них тоже волосатые. Но объясни мне, что такое «бритва», и я закажу для тебя эту штуковину. В любом случае Мудрецы хотят тебя видеть таким, каков ты сейчас.

Я запротестовал:

– Нет, я не хочу предстать перед ними дикарем! Как-никак я представляю здесь свою планету!

Суйлик улыбнулся:

– Ты будешь представителем уже восьмьсот шестьдесят второй известной нам человеческой планеты. Мудрецы видели людей страшнее тебя!

Несмотря на это успокаивающее заверение, я все-таки воспользовался ванной, чтобы хоть немного привести себя в порядок. Ее сверхусовершенствованное оборудование, в общем-то, мало чем отличалось от аналогичного земного.

Когда я поднялся на первый этаж, Суйлик уже ждал меня. Выйдя из дому, я спокойно повернул в сторону ксилла, но на сей раз Суйлик, и без того отличавшийся веселым нравом, откровенно расхохотался, то есть залился прерывистым свистом, означающим у хиссов громкий смех.

– Нет, сегодня мы обойдемся без ксилла! Не такие уж мы важные персоны, чтобы расходовать ксе-ильту, когда нужно пролететь всего несколько сот бруннов. Иди за мной.

Обойдя дом, Суйлик нагнулся и с силой потянул за рычаг, торчавший из земли. Раскрылось отверстие, из которого на подъемной плите поднялся миниатюрный самолет без пропеллера и без видимых дюз реактивных двигателей. У него были очень тонкие крылья размахом около четырех метров и короткий округленный фюзеляж длиной не более двух с половиной метров. Вместо колес он опирался на два длинных полоза с загнутыми носами.

– Это реоб, – «сказал» Суйлик. – Надеюсь, скоро у тебя будет такой же.

Внутри оказалось два низких кресла, одно позади другого. Естественно, я сел на заднее, а Суйлик занял место пилота.

Мы взлетели почти сразу же, проскользив по траве всего лишь метров двадцать. Бесшумный реоб выглядел удивительно послушным и надежным. Быстро набрав большую высоту, мы взяли курс на запад, к горам. Вспомнив свои полеты на дальнорейсовых транспортных самолетах, я прикинул, что мы летим со скоростью примерно шестьсот километров в час. Позднее мне и самому не раз доводилось управлять реобом, и я могу тебе сказать, что, если куда-то сильно спешишь, на нем легко можно развить сверхзвуковую скорость.

Как ты можешь себе представить, я с жадностью вглядывался в расстилавшийся внизу пейзаж. Мы летели слишком высоко, так что деталей я различил не много, но кое-что меня поразило сразу – отсутствие городов. Я поделился своим недоумением с Суйликом.

– На Элле, – «ответил» мне он, – запрещено строить более трех домов в радиусе пятисот шагов.

– Каково же население Эллы?

– Семьсот миллионов. Но, знаешь ли, чтобы передавать тебе мысли, мне приходится обращаться, так как нашей речи ты еще не понимаешь. А я должен смотреть вперед...

Больше я вопросов не задавал. Мы пролетели над лесом занятого желто-лимонного цвета, потом над речушками, которые сливались в одну большую реку, впадающую в море. Цепь гор вдавалась в это море гигантским полуостровом. Вскоре мы начали обгонять или, напротив, встречаться с другими воздушными кораблями: одни были легкими, как и наш, другие – огромными. Обогнув над морем крайнюю вершину гряды, мы начали быстро снижаться. Обернувшись, Суйлик передал:

– Слева, между двумя горными пиками, – Дом Мудрецов!

Долина, спускавшаяся между двумя пиками к широкому белому пляжу, была перегорожена гигантской стеной, на которую опиралась огромная искусственная терраса. На террасе, среди желтых, фиолетовых и зеленых крон деревьев, виднелись белые строения, длинные и низкие. В глубине ее вторая стена подпирала верхнюю террасу, меньшего размера, на которой возвышалось лишь одно сооружение на редкость элегантно и немного напоминавшее Парфенон.

Мы приземлились на нижнюю террасу возле густой рощицы с зеленой листвой, которая показалась мне такой родной и близкой в этом чужом мире.

С нижней террасы к террасе верхней вела монументальная лестница. Суйлик «сказал», что она называется Лестницей человечеств. В ней было сто одиннадцать низких широких ступеней, и на каждой с обеих сторон, группами по три-четыре, возвышались золотые статуи человекоподобных существ. Подавая друг другу руки, они как бы шли вверх по лестнице, туда, где на самой вершине стоял отлитый из другого – зеленого – металла хисс, протягивавший к ним руки в дружеском жесте гостеприимного хозяина. Среди статуй были и весьма странные; от некоторых даже бросало в дрожь. Одни лица не имели носов, другие – ушей, у третьих было три-четыре глаза, а то и шесть; встречались и существа с шестью конечностями, божественно красивые либо, напротив, невообразимо уродливые, кривые, поросшие шерстью. Но все до последнего – смутно или же в точности – походило на людей, пусть порой сходство заключалось лишь в вертикальном положении тела или в посадке головы. По мере того как мы поднимались все выше и выше по лестнице, я разглядывал их, и меня охватывал безотчетный ужас при мысли о том, что это не бред, не фантазия скульптора, а самое что ни на есть правдивое изображение представителей восьмисот шестидесяти одного человечества, известного хиссам. Последние ступени были еще пусты. Суйлик указал мне на одну из них, во главе этого необычного кортежа:

– А это твое место. Именно сюда будет поставлено ваше человечество, и, поскольку ты – первый его представитель, прибывший на Эллу, именно ты послужишь образцом. Не знаю только, с какой стороны тебя поместят. Вообще, ты должен стоять справа, вместе с теми расами, которые еще не закончили с войнами на своих планетах!

Слева, на последней ступени, занятой широкоплечим гигантом с выпученными глазами и лысым черепом, держалась стройная фигура, показавшаяся мне совершенно человеческой, но потом я заметил, что на руках было всего по четыре пальца.

(В этот момент я не удержался и перевел взгляд на Ульну. Клер улыбнулся и продолжил рассказ.)

Пройдя рядом со статуей хисса, мы взошли на вторую террасу. Только тогда я обернулся, чтобы окинуть взглядом открывшийся перед нами вид. Сверху казалось, что нижняя терраса висит прямо над синим морем, по которому медленно перекачиваются длинные валы с белыми гребнями. Рядом с зеленолистной рощей наш реоб выглядел совершенно крошечным. Поблизости уже опустились другие реобы, и по лестнице поднималось несколько хиссов. Я последний раз взглянул на статую:

– А это кто такие?

– Они прилетели почти из таких же далеких далей, как и ты сам. Кроме нас, они единственные, кто умеет проходить через ахун. Они прибыли сюда сами. Это не мы их нашли, а они – нас. Они очень похожи на вас, землян. Но до сих пор только Мудрецы видели их вблизи, поэтому других подробностей я не знаю. Если Мудрецы пожелают, они расскажут тебе больше.

– Кто такие эти Мудрецы? Ваше правительство?

– Нет, они стоят над правительством. Это те, кто знает и кто может.

– Совсем уже старики?

– Не все. Некоторые довольно молоды. Я сегодня увижу их в первый раз, как и ты. Этой чести я удостоен за то, что привез тебя сюда, несмотря на протесты Аасса.

– А сам Аасс? Какое положение занимает он?

– Вероятно, позднее он тоже станет Мудрецом. Но нам пора, пойдем!

Мы двинулись дальше к псевдо-Парфенону. Вблизи он показался мне гораздо более величественным, чем раньше. Массивная двустворчатая металлическая дверь была открыта настежь, но прежде, чем пройти внутрь, Суйлику пришлось переговорить о чем-то со стражами, вооруженными легкими палочками из белого металла.

Мы проследовали по коридору, стены которого были украшены фресками, изображавшими различные пейзажи неведомых планет – как следует рассмотреть их на ходу мне не удалось. Пройдя через дверь из какого-то коричневого дерева, мы оказались в небольшом зале. Здесь нам пришлось подождать, пока один из других хиссов, исполнявших обязанности привратников, сходит и доложит о нас. Впрочем, он быстро вернулся и знаком предложил нам идти за ним.

Зал, куда нас ввели, своим расположением напоминал амфитеатр. Около сорока хиссов сидели в креслах по всему амфитеатру, еще трое – внизу, на центральном возвышении. Некоторые были явно преклонного возраста: зеленая кожа уже побледнела, белые волосы поредели и потускнели, но на лицах не было ни единой морщины.

Меня усадили в одно из кресел. И тут со мной произошел казус, сам по себе незначительный, но в тот момент до крайности раздосадовавший меня. Я случайно нажал кнопку на правом подлокотнике, и кресло, опрокинувшись, превратилось в ложе, а сам я чуть не полетел вверх тормашками. Хиссы по натуре очень веселые и смешливые, и это маленькое происшествие вызвало взрыв хохота. Лишь позднее я узнал, что в этом амфитеатре потолок служит одновременно еще и экраном, и кресла специально настроены так, чтобы можно было без лишних усилий следить за этим экраном.

Обернувшись к трем хиссам, сидевшим на возвышении, Суйлик доложил об итогах экспедиции. Он именно говорил, а не передавал мысли, поэтому я не смог ничего понять. Впрочем, доклад был предельно коротким. Меня поразил тот факт, что, хотя Суйлик относился к этому собранию с явным уважением, он не сделал ни одного почтительного жеста: условная вежливость среди хиссов не в чести.

Как только он закончил, Мудрец, сидевший в центре – его звали Аззем, – повернулся ко мне, и я почувствовал, как между его мыслями и моими сразу же, без всяких «прощупываний», которые порой так затрудняли мои «разговоры» с Суйликом, установилась связь.

– Я уже знаю от Аасса, со сколь немисливо далекой планеты ты прибыл. Знаю я и то, что в твоём мире все еще идут войны. По идее, тебе здесь не место, но ты оказал услугу нашим людям, после того как их ксилл был атакован одним из ваших летательных аппаратов. Так или иначе, ты уже здесь. Суйлик и Аасс посчитали, что сделают правильно, если возьмут тебя на Эллу, и мы не порицаем их за это. Пока что ты не отправишься на Рессан, где проживают все чужестранцы. Если ты не видишь в этом неудобств, поживи у Суйлика. Раз в два дня ты будешь приходить сюда и беседовать с нашими учеными о своей планете. Аасс поведал мне, что ты – один из тех, кто изучает жизнь, и тебе будет, несомненно, полезно сравнить свои знания со знаниями хиссов, занимающихся этим же вопросом. На каждой из человеческих планет мысль развивается по-разному, и, возможно, ты знаешь то, что позволит нам лучше понять мисликов.

– Я буду счастлив сравнить мои познания с вашими, – ответил я. – Но когда я очутился, не совсем добровольно, на вашем ксилле, Аасс обещал вернуть меня на мою планету. Могу ли я рассчитывать на то, что это обещание останется в силе?

– Разумеется – насколько это зависит от нас. Но ты ведь только прибыл!..

– О, я не собираюсь покидать вас сразу же! Если вас интересует моя планета, то и мне самому хочется узнать как можно больше о вашей, а также обо всех тех, на которых вам доводилось бывать.

– Мы предоставим тебе все эти сведения, если, конечно, ты с достоинством пройдешь экзамен. А теперь расскажи что-нибудь о своем мире. Но прежде надень усилитель, чтобы все здесь могли слышать твои мысли.

Один из привратников подал мне очень легкий шлем из металла и кварца с целым набором коротких антенн, делавших его похожим на половинку неочищенного каштана.

Более часа я мысленно описывал Землю, ее положение в Пространстве, перечислял ее характеристики, вспоминал, что мог, из ее геологической истории. Время от времени один из присутствующих, чаще всего некий великан, ростом превосходивший даже Аасса, задавал мне вопросы или просил уточнить какую-нибудь деталь. Шлем усиливал эти вопросы так же, как и мои мысли, поэтому они отдавались в моей голове болезненными громовыми раскатами, словно кто-то выкрикивал их мне прямо в ухо. Я сказал об этом Аззлему, и он тотчас же велел отрегулировать усилитель.

Наконец он прервал меня, заметив:

– На сегодня достаточно. Все, что ты рассказал, мы записали и рассмотрим все это. Возвращайся послезавтра.

Тогда уже я «задал» ему вопрос:

– Скажите, есть ли в ваших продуктах железо? Моему организму оно необходимо.

– В нашей пище железа, как правило, очень мало. Мы распорядимся о том, чтобы тебе доставляли продукты, приготовленные для синзунов, в чьих телах также содержится железо. Сейчас это не проблема, а несколько месяцев назад твоя просьба поставила бы нас в затруднительное положение.

– И еще один вопрос: кто такие мислики, относительно которых Аасс не пожелал предоставить мне какую-либо информацию?

– Скоро узнаешь. Это «те-кто-гасит-звезды».

И он склонил голову, что, как я уже говорил, у хиссов означает: разговор окончен. Наставать в таких случаях неуместно.

Глава 2 Союз человеческих миров

На обратном пути, когда Суйлик повел реоб прямо на восток, я попросил его, если это возможно, сначала покружить над этой частью планеты, спустившись пониже.

– Конечно, это возможно! – ответил он. – Пока Мудрецы не примут окончательного решения насчет тебя, я всецело в твоём распоряжении – разве что должен смотреть за тем, чтобы ксилл был в порядке. Куда ты хочешь направиться?

– Даже не знаю. Может, навестим Аасса?

– Нет. Аасс уже улетел на Марс, где он постоянно проживает, а я не имею права выпускать тебя с Эллы. Кроме того, такая прогулка заняла бы слишком много времени, а ты послезавтра должен снова предстать перед Мудрецами. Но если тебя устроит, мы можем слетать в гости к Эссине.

– Идет, – согласился я с улыбкой.

Я уже заметил, что Суйлик питает к Эссине живейшую симпатию, – но говорить об этом не стал, опасаясь, что даже самый невинный намек будет сочтен за смертельное оскорбление или просто за обычную бестактность. Тогда еще я их совсем не знал, этих хиссов!

Эссина жила в тысяче шестистах бруснах от дома Суйлика, то есть примерно в восьмистах земных километрах. По моей просьбе мы снизили скорость и шли не по прямой, а длинными зигзагами, из-за чего полет продолжался два наших часа. Сначала мы облетели открытую равнину, которую сменила дикая лесистая местность, пересеченная глубокими ущельями, затем прошли над цепью потухших вулканов и наконец над узкой полосой побережья, зажатой

между горами и морем. Над этой полосой мы пролетели с сотню километров и опустились на большой, возвышавшийся над морем остров. Эссина жила почти в таком же доме, как и Суйлик, только более просторном и выкрашенном в красный цвет.

– Эссина из расы сиуков, тогда как я – из эссоков, – объяснил мне Суйлик. – Вот почему ее дом красный, а мой – белый. Это все, что осталось от старых расовых различий, если не считать нескольких особых обычаев. Например, у них – предупреждаю тебя заранее – отказываться от угощения крайне неприлично, даже если ты совсем не голоден, а у нас ты можешь поступать, как тебе вздумается.

Подумав о наших крестьянах, для которых нет ничего обиднее отказа попробовать вино их собственного приготовления, я рассмеялся. Суйлик поинтересовался, что так рассмешило меня.

– Определенно, – «сказал» он, «услышав» мой ответ, – все планеты в чем-то похожи. Твои крестьяне – совсем как крены с планеты Мара звезды Стор из четвертой вселенной. Есть у них один напиток – они зовут его «абен-торн», – так мы, хиссы, вообще не можем его пить. И однако, мне пришлось сделать это уже три раза! Надеюсь, ваше «вино» хоть приличное?

– Иногда бывает и приличное. Но порой попадаетесь сушая гадость.

Теперь рассмеялись мы оба.

Так, за разговором, мы незаметно дошли до дома. На пороге нас встретила девчушка с хрупкими конечностями, и я впервые оказался в лоне хисской семьи.

Тут я должен забежать вперед и дать кое-какие сведения об общественном устройстве Эллы. Как и у нас, основной ячейкой общества является семья, но, хотя закон предоставляет супругам относительную свободу, семейные узы гораздо более прочны, чем у нас. Брак может быть расторгнут по взаимному желанию супругов, но подобное случается крайне редко.

Хиссы по натуре чрезвычайно моногамны. Женятся они обычно смолоду, в возрасте примерно соответствующем нашим двадцати пяти годам. У супругов нечасто бывает больше трех детей, но редко – меньше двух. До брака, насколько я понял, нравы довольно свободные, однако после него становятся необычайно строгими. Все юные хиссы обязаны учиться в школах, пока им не исполнится восемнадцать лет, – я перевожу на наш земной счет.

Затем одни выбирают профессию и поступают в специальные училища; эти люди с развитой технической культурой давно позабыли о том, что такое неквалифицированный труд. Самые одаренные учатся в заведениях, соответствующих нашим университетам. И наконец, избранные – из числа одаренных – становятся исследователями Пространства. Хотя Эссина была молода и все еще продолжала учебу, она уже трижды участвовала в космических экспедициях на ксилле Суйлика. Но две первые привели их лишь к безлюдным пустынным планетам, а третья едва не закончилась трагично на Земле.

Сиукские дома отличались от дома Суйлика тем, что сразу за входной дверью в них располагался приемный зал, обставленный низкими креслами.

Эссина ожидала нас вместе с младшей сестрой, братом и матерью. Ее отец, важная «шишка», «распорядитель мистических эмоций» – во всяком случае, именно так мысленно я воспринял его должность, – в тот день отсутствовал.

Вначале я чувствовал себя немного не в своей тарелке. Суйлик вступил с хозяевами дома в оживленную беседу на разговорном языке, а я сидел в кресле и разглядывал комнату, стараясь освоиться. Комната выглядела чуть ли не голой: хиссы не любят никчемных безделушек. Лишь светло-голубые стены были расцвечены геометрическими узорами.

Через некоторое время мать Эссины вышла, и в зале осталась, так сказать, одна молодежь. Сестра Эссины уселась напротив меня и бесцеремонно принялась забрасывать меня вопросами. Откуда я? Как меня зовут? Сколько мне лет? Какая у меня специальность? Как выглядят женщины на Земле? Что я думаю об их планете? И так далее и тому подобное... Мне невольно

припомнилось, как пару лет назад я читал лекцию в одном американском университете, где студентки осаждали меня точно такими же или, во всяком случае, очень похожими вопросами.

Суйлик и Эссина присоединились к разговору, и через несколько минут я совершенно забыл о том, что нахожусь в чужом мире: все мне казалось таким знакомым!.. Я почти сожалел об этом, говоря самому себе, что, по сути-то дела, мое невероятное путешествие ни к чему не привело, что все человечества похожи друг на друга и вообще едва ли стоило покидать Землю, чтобы найти здесь так мало нового. Нового? Черт бы меня побрал! Позднее я обнаружил столько нового, что оказался сыт им по горло! Стоит лишь подумать обо всех этих ужасах планеты Сифан!.. Но в тот момент я еще ничего этого не знал, и мне казалось, что, несмотря на белые волосы и зеленую кожу, хиссы очень близки к землянам и физически, и духовно.

Я поделился своим впечатлением с Суйликом. Прежде чем он успел что-либо мне ответить, его опередила Эссен-Иза, младшая сестра Эссины:

– Хо! Ну да, мне тоже кажется, что ты хисс, только вымазанный розовой краской!

Суйлик загадочно улыбался. В конце концов он «сказал»:

– В сущности, вы оба ничего об этом не знаете. А я вступал в контакт уже с пятью человечествами. Представители одного, крены, внешне настолько на нас похожи, что их почти не отличить от хиссов. Прежде всего поражает сходство обычаев. Но потом... Когда ты поживешь на Элле, ты, возможно, начнешь относиться к нам так же, как фрооны с планеты Сик звезды Венкор из Шестой вселенной, которые терпеть нас не могут, хотя из благоразумия поддерживают с нами добрые отношения.

Вскоре мы начали прощаться. Эссен-Иза и ее брат Арс церемонно пожелали «хорошего полета» своему другу Суйлику и «сренну Севолду Слеру», иными словами, мсье Всеволоду Клеру. Эссина полетела вместе с нами на своем реобе.

Час спустя мы были уже у Суйлика. Эссина побывала с нами недолго, а затем мы остались одни. Уже не помню толком, чем закончился мой первый день жизни на Элле. Мне кажется, что учиться писать и говорить по-хисски я начал гораздо позднее. Возможно, Суйлик сразу же обучил меня любопытной «Звездной игре», в которую играют на круглой разграфленной доске. Смысл этой игры состоит в том, чтобы добиться такого расположения фишек, представляющих звезды, планеты и ксиллы, которое позволяет ввести в игру «мислика»; достигнув этого, можно считать партию выигранной, так как мислик начинает «гасить звезды» противника, а защищаться от него чрезвычайно трудно. Впрочем, вероятнее всего, в тот вечер мы не играли в «Звездную игру», потому что я не преминул бы подробнее расспросить своего хозяина о мисликах, а я узнал о них кое-что лишь позднее.

Как бы то ни было, «Звездная игра» – увлекательнейшая штука, гораздо более интересная, чем шахматы, и я, быть может, обучу тебя, если мы найдем время.

Итак, конец вечера я провел с Суйликом. Уже тогда я начал испытывать искреннюю симпатию к этому молодому хиссу, которому суждено было стать моим лучшим другом на Элле. Суйлик – прекрасный товарищ, веселый и умный, подобно всем его соотечественникам, но, кроме того, наделенный отзывчивостью и душевной добротой, что среди хиссов встречается довольно редко. Как правило, хиссы любезны, доброжелательны, но в высшей степени равнодушны.

Спустилась ночь, моя первая полная ночь на Элле. После короткого ужина, за которым я впервые попробовал эту «пищу для синзунов», присланную для меня советом Мудрецов и имеющую отчетливый привкус мяса, мы вышли посидеть перед домом. Я взглянул вверх и замер, потрясенный: все небо было сплошь усеяно звездами, миллионами звезд! Одна из них сверкала совсем близко, словно маленькое солнце. Через весь небосклон тянулся млечный путь необычайной густоты.

Несмотря на свой юный возраст – ему было тогда шестнадцать, по-нашему, около тридцати лет, – Суйлик давно уже бороздил космические просторы и теперь уверенно называл мне

звезды: Эссалан, Ориабор, солнце первой родины хиссов (вскоре я узнал, при каких обстоятельствах им пришлось ее покинуть), Эриантэ, Кальвено, Бероэ, Аслюр, Эссемон, Сиалкор, Сюдема, Фенган-Теор, Шессин-Сиафан, Астар-Роэлэ... Небо было средней яркости, местами ярче нашего Млечного Пути. Суйлик объяснил мне причину: их звезда, Иалтар, находится близ центра галактики, а не на краю, как наше Солнце. В этом уголке неба звезды располагаются особенно тесно, и до ближайшей – Ориабора – от Эллы всего четверть нашего светового года. Это значительно облегчило хиссам первые межзвездные перелеты, но, с другой стороны, мешало освоению большого космоса, особенно внешних галактик, которыми они занялись лишь тогда, когда первые попытки использовать путь через ахун вывели хиссов к границам их собственной вселенной.

Я расспросил Суйлика о его космических экспедициях. Он повидал пять «человеческих» планет и множество других, необитаемых или населенных лишь низшими существами. Некоторые из этих миров, например планета Биран звезды Фсиен Первой вселенной, вселенной хиссов, были такими прекрасными, что дух захватывало, другие, наоборот, – унылыми и пустынными. Суйлик посетил также две планеты звезды Эп-Хан Первой вселенной – Аур и Жен, обитатели которых уничтожили самих себя в чудовищных войнах. Он показал мне цветные снимки этих различных миров, снимки такого качества, о каком мы на Земле не можем пока и мечтать. Некоторые из них здесь, со мной. Показал он мне и статуэтку, найденную среди руин одного из городов на Ауре. Чудом уцелевшая хрупкая стеклянная вещица, несмотря на странный вид – фигурка крылатого человекообразного существа с остроконечной головой, – бесспорно, свидетельствовала о высоком мастерстве автора. Если согреть фигурку в руках, стекловидная материя, из которой она была сделана, издавала жалобный стон, словно плач по истребленному народу. Видимо, хиссы встретили во вселенной несколько таких миров, некогда обитаемых, а ныне мертвых, и именно потому, во избежание заразы, смертоносного безумия войн, и приняли Закон исключения.

Когда я в тот вечер наконец улегся, голова моя гудела от множества новых впечатлений, и все эти столь близкие звезды – Эссалан, Ориабор, Эриантэ и прочие – кружились у меня перед глазами. Мне пришлось снова прибегнуть к помощи «того-кто-приносит-сон».

От следующего дня у меня не сохранилось особых воспоминаний, вернее, они потом слились с воспоминаниями множества других дней. Зато я прекрасно помню третий день, когда состоялся мой второй визит в Дом Мудрецов.

Я отправился туда вместе с Суйликом, на реобе. Перелет длился недолго. Суйлик сразу же удалился, а меня провели в кабинет Аззлема. Пять стен этой комнаты оказались пятью большими прямоугольными экранами из чего-то, по виду напоминавшего матовое стекло. Посередине кабинета стоял стол из зеленоватого с синими крапинками материала, на столе – несколько миниатюрных аппаратов и сложная приборная доска. Аззлем усадил меня напротив себя. В который уже раз пришло знакомое ощущение: такое я испытывал еще врачом-практикантом, когда меня вызывал к себе мой начальник в больнице.

Аззлем был явно немолод: цвет его кожи поблек так сильно, что казался мертвенно-зеленым – на Земле такой бывает у тяжелобольных людей, – но тело, вырисовывавшееся под тугим серым трико, могло бы вызвать зависть многих наших гимнастов. Хотя физически хиссы слабее нас, мускулатура у них превосходная и развита весьма пропорционально. Что же до бледно-зеленых глаз Аззлема, огромных, как у всех его соплеменников, то в них, уверяю тебя, не было ничего старческого!

Долгое время он рассматривал меня, ничего не передавая. Я понял, что он сравнивает меня с многочисленными представителями иных миров, которые уже побывали в этой комнате. Затем начался безмолвный разговор.

– Очень жаль, – сказал он, – что твои соотечественники вздумали напасть на наш ксилл и убили двух наших парней. В некотором роде виноват и сам Аасс. Ему не следовало так рис-

ковать и входить в атмосферу, не приняв дополнительных мер предосторожности. Но до прибытия на Землю он не видел ничего, что хотя бы отдаленно походило на летательный аппарат, поэтому решил, что вы еще не умеете летать.

– Мы научились не так давно, – ответил я. – Менее сотни наших лет тому назад. Тем не менее ракеты уже долетают до нашего спутника, и вскоре мы собираемся высадиться на других планетах своей солнечной системы.

– Повтори-ка: с помощью какого аппарата вы смогли достичь вашего спутника?

– С помощью ракет! – повторил я и начал мысленно описывать принцип их действия.

На лице Аззлема отразилось удивление.

– Теперь понятно. Разумеется, нам известен принцип действия этих «ракет», но мы их не используем чуть ли не с древних времен: слишком уж низок коэффициент полезного действия! У нас они никогда не применялись для исследований межпланетного пространства.

– У нас тоже долгое время смотрели на ракеты как на забаву. Только в последнее время они получили практическое применение.

– Стало быть, ваши летающие машины движутся с помощью ракет?

– Не все. На других стоят двигатели внутреннего сгорания.

Мысленно объяснив Аззлему и этот термин, я решился и сам задать ему один вопрос.

– Какое отношение, – спросил я, – имеют полеты в атмосфере к возможности выйти в межпланетное пространство? Я не вижу связи.

– А между тем это очевидно! Как только стало возможным использовать для полетов отрицательное поле тяготения, выход в межпланетное пространство стал вопросом чисто техническим, вопросом плотности такого поля. Но вы ведь тоже пользуетесь антигравитационными полями?

– Нет. И я знаю это наверняка, хотя не очень понимаю, о чем вы говорите.

Долгое время Аззлем пытался растолковать мне суть дела. Увы! Зачастую я не только его не понимал, но даже «не слышал». Аззлем обращался к понятиям, которые были мне совершенно чужды, и тотчас всякая мысленная связь между нами прерывалась. Я горько сожалел о том, что я не физик или что со мной нет тебя! Хотя, разумеется, лучше всего было бы иметь рядом с собой Эйнштейна, – в этом вопросе он оказался бы самым квалифицированным из землян!

В конце концов Аззлем отчаялся просветить меня и вернулся к более понятным вещам:

– Каковы бы ни были ваши двигатели, один из ваших летательных аппаратов довольно эффективно атаковал наш ксилл. Ты объяснил Суйлику, что это произошло в результате ошибки, по обычному недоразумению. Я тебе верю.

– Можно я задам еще один вопрос? – проговорил я. – Это был первый ксилл, отправленный на Землю?

– Да. За это я ручаюсь. Все приказы об исследовании космоса исходят от меня лично. Я отправил Аасса и Суйлика выяснить, существуют ли другие обитаемые вселенные после Шестнадцатой. Вы в двадцать раз дальше Шестнадцатой, и, чтобы добраться до вас, нужно пробыть в ахуне в двадцать раз дольше. Поэтому, хотя Аасс и обещал тебе это, я не могу гарантировать, что мы сумеем доставить тебя обратно. Мы пока не уверены в том, что правила прохождения через ахун распространяются на такие расстояния, но вскоре будем знать это наверняка. Мой сын Ассерок вот-вот вернется из Семнадцатой вселенной, открытой нами за время отсутствия Аасса. Она расположена почти так же далеко и в том же направлении, что и ваша. Впрочем, когда я говорю «открытой нами», то немного лукавлю: это не мы вышли на синзунов, а синзуны – на нас. У них тоже красная кровь, они знают путь через ахун и мало чем отличаются от тебя.

– Будет видно, – произнес я беззаботно. – На Земле у меня нет семьи, я человек одинокий. Но если ваш ксилл действительно был первым, значит официальный отчет одного из наших

земных правительств, отчет, в котором говорилось об оптическом обмане или галлюцинациях, справедливо разоблачал все рассказы о «летающих тарелках»!

И я рассказал Аззлему всю историю про «летающие тарелки» и вызванную ими невероятную сумятицу. Он от души посмеялся.

– Что ж, у нас тоже некоторые удалые умы приходили к верным выводам, отталкиваясь от ложных данных. А теперь – за работу! Я отдаю тебя в руки наших ученых, которым не терпится получить более точные сведения о Земле. Потом мы кратко расскажем тебе о нашей истории.

Большую часть того дня я действительно провел за ответами на всевозможные вопросы, зачастую совершенно нелепые. Но именно их необычность позволила мне впервые уловить, насколько хиссы в некоторых вещах отличаются от нас. Мои ответы иногда действовали на них ошеломляюще, и это еще слабо сказано. Например, когда речь зашла о наших болезнях и санитарном состоянии Земли, и я рассказал, какие бедствия приносит нам алкоголизм – алкоголь хиссам знаком, и на них он оказывает такое же действие, – они спросили меня, почему мы не уничтожаем пьяниц или не отправляем их осваивать какую-нибудь пустынную планету: это, цинично добавили они, зачастую приводит к тем же результатам.

Когда в ответ я начал объяснять, что мы на Земле всеми силами, хотя и без особого успеха, пытаемся внушить уважение к священной человеческой жизни, они все возмутились:

– Но ведь это больше не люди! Они нарушили божественный закон!

Что такое божественный закон, я узнал лишь гораздо позднее.

Ближе к вечеру за мной прилетел Суйлик, и я узнал, что рассказать мне о прошлом Эллы поручили именно ему. Выяснилось, что, как и почти все хиссы, он выполняет две работы: общественную, выступая в качестве командира ксилла, и личную, занимаясь «всемирной археологией». Исполняя обязанности капитана космического корабля, во время экспедиций он был вынужден подчиняться строжайшей дисциплине. Но как только его обязанности офицера заканчивались, он снова становился одним из самых молодых, но лучших, по словам Эссины, «всемирных археологов». При желании, отслужив свой срок, он мог бы освободиться от всяких обязанностей, но Суйлик предпочитал оставаться в составе корпуса командиров ксиллов, где у него было немало друзей, к тому же такое положение автоматически обеспечивало ему право участия в новых экспедициях.

В общем, в тот же вечер, по возвращении к нему домой, я прослушал первую лекцию по истории хиссов. Она прошла в кабинете Суйлика, где я заметил два таких же экрана из матового стекла, как и в кабинете Аззлема.

– Судя по тому, – начал Суйлик, – что ты рассказал сегодня в Доме мудрецов (я уже все это знаю, пусть сам там и не был), человечество появилось на вашей планете в результате очень долгого периода развития низших форм жизни. То же самое было и у нас на Элле из системы Ориабора. Там наши предки тоже начали с использования каменных орудий и оружия, и благодаря тому, что камень сохраняется почти вечно, мы знаем об этом раннем периоде истории нашего человечества гораздо больше, чем о последующих.

Суйлик набрал на циферблате серию знаков, словно номер телефона, только более сложный. Один из матовых экранов осветился, и на нем возникли изображения каменных орудий, почти таких же, какие находят у нас при раскопках пещер.

– Я только что ввел нужный библиотечный шифр, – объяснил Суйлик, – и мне переслали эти документы из археологической библиотеки.

Позднее на планете хиссов расцвела цивилизация. Так же как на Земле, империи возвышались и приходили в упадок, войны разрушали то, что создавалось веками, уменьшая население планеты или истребляя целые расы. Эти расы на Элле-Вен, «Элле Старой», никогда не отличались одна от другой так сильно, как у нас: различия имелись только в оттенках кожи, которая у всех была зеленого цвета. Возникали и распространялись религии, некоторые становились господствующими почти на всей планете, затем угасали одна за другой. Лишь одна

из них упорно держалась, несмотря на все преследования сторонников временно торжествующей веры.

То была самая древняя религия, возникшая на заре истории. Хиссы, видимо, не знали периодов относительного технического застоя, как мы во времена Рима и Средневековья, поэтому их войны быстро стали опустошительными. Последняя, разразившаяся примерно две тысячи триста наших лет назад, закончилась на почти мертвой планете, изуродованной ужасным оружием, о котором мы, к счастью, пока не имеем представления. Последовал довольно длительный период, когда цивилизация едва не угасла: слишком мало хиссов осталось в живых, чтобы ее поддерживать. Но все же, благодаря мужеству и упорству нескольких ученых, а также тому, что в этот период грабежей и мелких междоусобных войн наука нашла прибежище в подземных святилищах той самой преследуемой и неистребимой веры, о которой я только что говорил, эта цивилизация сохранилась.

И вот, спустя пять столетий беспорядка, цивилизация вновь начала завоевывать планету. Победа далась без особого труда, так как основная масса населения находилась практически в том же состоянии, что и мы в железном веке. Этой новой цивилизацией управляла научная теократия. Даже с учетом того, что «монахи» располагали гораздо менее мощным оружием, чем их предки, этого им хватило, чтобы подчинить своей власти разрозненные племена.

Гораздо труднее оказалось возродить почву. Целые районы были превращены в пустыни, выжжены, оплавлены и навсегда отравлены стойкой радиацией. Долгое время численность населения приходилось резко ограничивать: Элла-Вен могла прокормить не более ста миллионов, хотя до страшной «Шестимесячной войны» на ней обитали семь миллиардов.

Выход был найден за тысячу лет до моего прибытия на Эллу – эмиграция! Хиссы уже давно знали, что, в отличие от Ориабора, вокруг которого вращалась одна Элла-Вен, у Иалтара было несколько пригодных для жизни спутников. Как раз накануне «Шестимесячной войны» хиссы нашли способ управлять гравитационными полями, но различные правительства немедленно объявили это открытие государственной тайной, и оно послужило только для военных целей. Затем долгое время секрет гравитационных полей считался утерянным, пока его вновь не открыли, совершенно случайно. В течение «Мрачного периода», когда не было достаточно мощных источников энергии, в монастырях занимались в основном проблемами биологии, а не физики.

Но как только гравитационные поля снова были покорены, тотчас же пришло решение – переселиться на планеты звезды Иалтар. Иалтар находится, как я тебе уже говорил, на расстоянии примерно четверти светового года от Ориабора. Гравитационные поля позволили развить скорость немного выше половины световой, так что путешествие вышло сравнительно недолгим.

Оно было совершено за девятьсот шестьдесят лет до моего прибытия. Более двух тысяч звездолетов, в каждом из которых находилось по триста хиссов, снаряжение, машины, а также домашние и дикие животные, устремились в Пространство.

Разведывательная экспедиция установила, что Элла-Тан, то есть «Элла Новая», а также Марс и даже более холодный Рессан вполне пригодны для жизни. И в один прекрасный день на планете, где до сих пор существовали только низшие формы жизни, высадилось около шестисот тысяч хиссов.

Эта первая колонизация закончилась страшной катастрофой. Едва колонисты приступили к постройке временных поселений, как на них обрушились ужасные неведомые болезни. Летописи утверждают, что всего за неделю эпидемии уничтожили более ста двадцати тысяч хиссов! Хассрн с его дифференцированными абиотическими лучами еще не был изобретен. Многие хиссы, обезумев, бросились к звездолетам и, несмотря на запрет, вернулись на Эллу-Вен, куда вместе с ними пришла и неведомая зараза. Цивилизация снова оказалась на краю гибели.

Оставшиеся в живых колонисты мало-помалу приобрели иммунитет против микробов новой планеты, и население Эллы-Тан начало увеличиваться. За семьсот лет до моего на ней появления был изобретен хассрн, и проблема больше не возникала. Хиссы смогли колонизировать Марс и Рессан. Прошло еще сто лет – я даю даты, используя наши земные годы, так как система летосчисления хиссов слишком сложна для подобного рассказа, – и один из физиков, кстати предок Аасса, открыл существование ахуна и выяснил, что его теоретически возможно использовать для полетов к самым далеким звездам. Это открытие имело для хиссов чрезвычайно важное религиозное значение – сейчас объясню почему. Расстояния между звездами, хотя и не столь значительные, как в той части нашей галактики, где находится Солнце, вскоре оказались для хиссов непреодолимыми. Самая близкая после Ориабора звезда – Судема – отстоит от Иалтара на половину светового года, значит для полета туда и обратно требуется четыре года. До следующей звезды, Эриантэ, – два с половиной световых года, то есть около десяти лет полета. На более далекие путешествия в космосе хиссы способны не были; в этом случае, чтобы замедлить старение исследователей, приходилось прибегать к искусственному охлаждению организма.

Зато путь через ахун сразу открывал совершенно новые перспективы: исследователи космоса обретали поистине безграничные возможности! Кроме того, для хиссов это стало чуть ли не осуществлением «Древнего пророчества».

Чтобы разобраться в дальнейших событиях и немного понять самих хиссов, необходимо познакомиться с основами их религии. Я уже говорил тебе о древнем, вечно гонимом, но вечно живом и в конечном счете восторжествовавшем культе. Он стал религией... не скажу, что официальной – это было бы слишком неточным и слабым определением, – нет, скорее, всеобъемлющей религией хиссов. Редкие скептики, которых я встречал на Элле – кстати, Суйлик – один из них, – не вызывают здесь ни удивления, ни возмущения, но их влияние невелико, да и скептицизм их относится главным образом к догмам. В обыденной жизни они мало чем отличаются от верующих.

Хиссы – манихеи: по их верованиям, мир создан Богом Добра, вечно борющимся с Богом Зла. Впрочем, нет: я несколько искажаю их мысль. В действительности речь идет не о Добре и Зле в нашем понимании, а о Свете и Мраке. Бог Света создал Пространство, Время, Светила. Другой пытается все это уничтожить и вернуть мир к первоначальному нераздельному хаосу. Хиссы и, что особенно важно, другие человечества из плоти – дети Бога Света. Что до Другого, то он создал мисликов. Я не очень-то разбираюсь в метафизике и в мистических тонкостях, поэтому не ручаюсь, что понял их мысль правильно. Все гораздо сложнее, чем я объясняю, но даже я, старый скептик, не раз приходил в замешательство, когда читал их священные книги, где есть немало любопытных аналогий с нашей Библией или с индусскими религиозными текстами и встречаются странные пророчества, дошедшие из тьмы доисторических времен, когда хиссы никак не могли знать о том, что творится за пределами их планеты.

(Клер сунул руку в карман, вытащил и протянул мне маленький томик с тонкими, как бы пергаментными страницами, заполненными рядами крохотных синих значков.)

– Это «Пророчества Сиан-Тома», – сказал он. – Оглашены им более девяти тысяч лет назад. Сейчас я переведу для тебя несколько отрывков.

Полистав томик, он начал читать:

– «И тогда сыновья Света, каждый на своей звезде, начнут бороться с желанием истреблять, и победы будут сменяться поражениями в этой борьбе, и так пробегут века. Но самое тяжкое испытание придет в тот день, когда сыновья Света, каждый на своей звезде, отыщут Путь Единства, ибо тогда сыновья Холода и Ночи попытаются отнять у них Свет».

И вот еще... Слушай:

«Хиссы! Хиссы! Вам предназначено возглавить сыновей Света в их борьбе с мисликами, сыновьями вечного Холода. Но ни один вождь не может победить без своих воинов, не все воины одинаково хорошо владеют любым оружием, и ни один вождь не может сказать, какое оружие принесет победу. Не пренебрегайте, хиссы, помощью других сынов Света!»

И еще:

«Не презирайте, хиссы, тех, кто не похож на вас! Быть может, они тоже – сыновья Света, быть может (Клер повысил голос, отчеканивая слова), в их жилах течет красная кровь, которую сыновья вечного Холода не в силах заморозить».

Когда ты узнаешь, что со мной произошло потом, то согласишься, что все это, по меньшей мере, удивительно! И наконец, вот «Древнее пророчество»: «По путям Времени я, Сиан-Том, Провидец, мыслью проник в Будущее. Не старайтесь, хиссы, узнать, близко ли оно, это будущее, или так же далеко, как убегающий от путника горизонт пустыни Сианкор. И увидел я, как избранный народ хиссов принимает послов от всех сынов Света и как союз их в решительной битве побеждает сынов Ночи и вечного Холода. Говорю вам, хиссы, мир будет принадлежать вам без края, без предела, дальше самых далеких звезд, но не вам одним. Он будет принадлежать всем существам из плоти, всем сынам Света, которые гибнут, не погибая, и которые все вместе, хиссы, все вместе победят существ Мрака и Холода и низвергнут в небытие, за пределы мира, своих врагов, сыновей Ночи и Холода, тех, у кого нет членов и плоти, тех, кто не ведает ни Добра, ни Зла». Вот так вот. Хочешь – верь, хочешь – смейся, но на этом «Древнем пророчестве» зиждется величайшая цивилизация, может быть, самая могущественная из всех, когда-либо существовавших.

В общем, как только путь через ахун был открыт, хиссы начали осваивать космос. Тогда они еще не знали о мисликах. Одна из первых экспедиций привела их на неведомую планету, Ассенту у звезды Суин – если ты вдруг желаешь знать, как она называлась, – расположенной на краю их вселенной. Там они оборудовали обсерваторию, чтобы вести счет галактикам. Тогда и было сделано странное открытие: в одной из галактик, удаленной примерно на пятнадцать миллионов световых лет, звезды гасли чрезвычайно быстро, вопреки всем известным физическим законам. За полтора года померкла целая галактика небольшого размера.

Теперь я расскажу тебе обо всем, что узнал тогда от Суйлика и – гораздо позднее – от Аззлема и других хиссов. К этой угасшей галактике одна за другой отправились через ахун три экспедиции. Ни одна не вернулась. Затем начали гаснуть другие звезды, на сей раз в галактике, удаленной всего на семь миллионов световых лет, причем последовательность была примерно такой же: вначале менялся спектр, металлические тона становились более интенсивными, затем звезда краснела и наконец угасала. Через несколько месяцев ее можно было обнаружить лишь с помощью инфракрасных детекторов. Проходило еще сколько-то времени – и исчезало последнее излучение такого светила. И тогда хиссы, верившие в «Древнее пророчество», решили, что все эти странные явления объясняются действиями того, Другого, отца Ночи и Холода. Тем более что к тому времени они уже открыли несколько человечеств, которые совсем не походили на них!

Разумеется, процесс угасания звезд начался задолго до того, как хиссы появились на планете Элла-Вен, поскольку вся их история с предысторией насчитывает максимум два миллиона лет. Словом, я и сам не знаю, как они увязывают существование мисликов, появившихся задолго до них самих, со всей этой метафизикой.

И вот пришел час, когда хиссы встретились с мисликами. Одна экспедиция отправилась через ахун к ближайшей галактике, расположенной всего в миллионе световых лет от Иалтара. Экспедиция состояла из трех ксиллов; возглавлял ее астроном Оссентур. Они вынырнули в

Пространстве – забыл сказать, что они всегда делают это поблизости от материального тела со значительной массой, – неподалеку от одной угасающей звезды. Несмотря на множество планет, звезда показалась им малоинтересной, и они уже собирались снова уйти в ахун, когда Оссентур заметил в ее спектре оттенки, напоминавшие спектр необычно угасающих галактик. Тогда они решили опуститься на одну из планет. Перед ними открылся умирающий мир, где все живое уже погибло. Там никогда не было людей – лишь несколько видов высших животных, уже превратившихся в замороженные трупы. На этой планете хиссы пробыли три месяца. Наблюдения накапливались, и с каждым днем все более тусклое солнце озаряло все более красный небосклон. Наконец температура упала настолько, что азот начал превращаться в жидкость и появились мислики. Это происходило за триста лет до моего прибытия на Эллу.

Откуда пришли мислики? Этому хиссы не знают, появление мисликов на умирающей планете до сих пор остается тайной. Известно только одно: они являются лишь тогда, когда азот вследствие холода переходит в жидкое состояние.

Два ксилла были захвачены мисликами врасплох. Третий, тот, которым командовал Оссентур, находился тогда в полете на высоте ста километров. Первый ксилл смог сообщить, что его окружили сверкающие и движущиеся предметы, и замолчал. Второго ксилла поразили при попытке взлететь, но он успел передать изображение: на обледенелой почве кишели многогранные фигуры величиной примерно с человека, с металлическим блеском. Затем передача вдруг прервалась, как если бы ксилл обрушился на поверхность планеты.

Оссентур еще с неделю продолжал наблюдения. Наконец, на восьмой день, убедившись, что вокруг первого ксилла ничто не движется, он молниеносно спикировал и сел рядом, заливая все вокруг абиотическими лучами. Внутри ксилла ничего не было тронуту, но в живых не осталось ни единого хисса. Оссентур приказал забрать трупы, взорвать двигатели и лететь к Элле, оставив аппарат мисликам, – он первым дал этим страшным созданиям имя, упоминаемое в «Древнем пророчестве». Биологи исследовали трупы. Весь экипаж ксилла погиб от удушья: легочный пигмент оказался разрушенным!

Тогда-то хиссы и бросились очертя голову на поиски других человечеств, чтобы найти тех, «чью красную кровь нельзя заморозить». Но на всех открытых ими планетах жили «люди» с синей, зеленой или желтой кровью. Только тогда я понял, почему, несмотря на Закон исключения, меня все же доставили на Эллу и чего ожидали от меня, точнее, от всех нас, землян.

К тому времени, как я говорил, хиссы уже вошли в контакт с разумными обитателями множества планет, посланцы которых постоянно жили на Рессане, где находилась резиденция Большого совета Союза человеческих миров.

Глава 3 Мислик

Итак, мисликов обнаружили менее чем в миллионе световых лет от Эллы. В то время хиссы еще не понимали, какая связь существует между этими металлическими созданиями и угасанием звезд, но уже видели в мисликах своего исконного, метафизического врага, сыновей Холода и Тьмы. Хиссы старались их уничтожить, но терпели одну неудачу за другой, какие бы средства ни использовали. Тщетно хисские ученые испытывали вновь открытые самые страшные способы уничтожения, известные их предкам, – мислики казались неуязвимыми. Их не могли убить ни абиотические лучи, ни облучение нейтронами, протонами, электронами и даже инфрануклонами. Единственным, что на них действовало, была теплота: как-то раз один ксилл, пораженный излучением мисликов, против которого хиссы до сих пор не могут найти иной защиты, кроме достаточно большого расстояния, упал на поверхность планеты и загорелся. Находившийся поблизости мислик замер, потом сморщился. Ценой значительных потерь другие ксиллы смогли снизиться, чтобы захватить труп мислика в свои отрицательные поля тяго-

тения и доставить затем на Эллу. Анализ обескуражил всех: это оказался кусок чистого сплава железа, меди и никеля! Если прежде он и имел какое-то внутреннее строение, то теперь все расплавилось под воздействием высокой температуры.

Борьба продолжалась триста лет, не принося никаких результатов. Теперь хиссы умели уничтожать мисликов: достаточно было подвергнуть их облучению, которое хотя бы на десять секунд поднимало окружающую температуру до двухсот градусов от абсолютного нуля. Но мислики защищались. Дальность их абиотического излучения возросла: теперь оно было смертельно опасным уже в двадцати километрах от поверхности захваченной ими планеты. Неизвестно как, но они засекали приближающиеся ксиллы и умерщвляли в них все живое прежде, чем хиссы успевали сбросить термические бомбы. Кроме того, они научились – или впервые на памяти хиссов начали – проникать в космос без всяких летательных аппаратов. Теперь мислики, тесными группами по девять штук минимум, постоянно кружили над захваченными планетами. Заодно выяснилось, что сила излучения мисликов возрастает прямо пропорционально их количеству, и, когда они действуют вдесятером, излучение особенно опасно. Тогда хиссы применили новую тактику: они выходили из ахуна над самой поверхностью планет, бросали бомбы и снова исчезали в ахуне. Тактика оказалась весьма эффективной, но чрезвычайно рискованной. Иногда из-за малейшей неточности ксилл возникал из ахуна под поверхностью планеты. Атомы ксилла и атомы планеты оказывались в одном и том же месте в одно и то же время – в результате происходил чудовищный атомный взрыв.

Империя мисликов в несчастной галактике, где звезды угасали одна за другой, продолжала расширяться. И тем, кто видел эти звезды уже погасшими, странно и дико было наблюдать с Эллы, как они сияют на небосводе: свет от них мог исходить еще около миллиона лет!

Всего лет за двадцать до моего появления на Элле хиссы поняли, что мислики не просто захватывают планеты вокруг угасших звезд, но гасят сами звезды. Такую гипотезу триста лет тому назад выдвигал еще Оссентур, но она показалась настолько фантастичной, что на нее не обратили внимания. В галактике, подвергшейся нападению – во Второй вселенной хиссов, довольно-таки далеко от империи мисликов, – была человеческая планета, обитатели которой весьма походили на хиссов и состояли с ними в прекрасных отношениях. Эта планета, Хассни, у звезды С克林, служила своеобразным форпостом в борьбе с мисликами. И вот однажды было обнаружено, что мислики появились на обледенелой поверхности Аффра, самой дальней планеты этой системы. Одновременно с этим ученые Хассни заметили, что интенсивность излучения их солнца резко уменьшилась. Три ксилла с хасснийцами отправились в опасную разведку и впервые за всю историю войны обнаружили, что мислики соорудили на Аффре огромные металлические пилоны – сужающиеся кверху башни. А когда планета Аффра некоторое время спустя оказалась на одной линии с Хассни и ее солнцем, хасснийцы с ужасом увидели, что на эти несколько дней прекратились все процессы, связанные с распадом атома, в лабораториях и на атомных энергетических станциях. Самое невероятное стало очевидным: мислики умели прекращать атомные процессы внутри звезд!

Хасснийцев пришлось эвакуировать: иного выхода не было. Их переправили на одну из планет какой-то звезды Первой вселенной хиссов.

И наконец, за два года до моего прибытия, хиссам удалось захватить одного мислика живым. Этого мислика я видел и даже трогал!

В общем, мало-помалу я приживался на Элле. Я по-прежнему жил у Суйлика, но мне уже дали свой реоб. Управлять им я научился очень быстро. Эти маленькие самолеты настолько совершенны, что разбиться на них практически невозможно. Управление полностью автоматизировано, пилоту остается только выбрать направление, скорость и высоту. Разумеется, автомат можно в любое время выключить. Большинство хиссов вообще пользуются им весьма редко. Эта раса нашла единственно правильное решение проблемы: они пользуются машинами, не боятся их, но никогда не становятся их рабами. Тот же самый хисс, который, спокойно

сядась в ксилл, уходит, как они говорят, «за Пространство» и преодолевает бог знает сколько миллиардов километров, может так же спокойно, когда ему заблагорассудится, пуститься пешком в самый дальний путь. Что до меня, то я несколько месяцев не решался выключить автопилот. Но когда наконец осмелел, то получил такое огромное удовольствие от управления своей чудесной маленькой машиной, что потом включал автомат лишь во время особенно длительных перелетов. К слову сказать, вначале, пока хиссы окончательно не приняли меня в свое общество – это случилось позднее, когда я стал одним из трех «чужеземцев», удостоенных подобной чести, – мне разрешалось пользоваться реобом только для полетов между домом Суйлика и Домом мудрецов.

Одновременно я осваивал разговорный язык хиссов, чрезвычайно трудный для нас, землян. Он почти весь состоит из сюсюкающих звуков, самые частые согласные в нем – «с» и «з»; ты, наверное, и сам заметил это по их именам. Настоящим проклятием для меня были ударения, которые меняются в зависимости от того, к кому ты обращаешься, от времени глагола и тому подобного. Например, моего хозяина звали Суйлик. Но его дом – это уже «Суйл'к сиан». А «я выхожу из дома Суйлика» звучит как «Стан Суйл'к с'ан». Теперь ты понимаешь, как трудно построить на их языке сложную фразу! Я так и не научился как следует говорить по-хисски. Впрочем, меня это не слишком трогало, главное было понимать. А когда приходилось говорить самому, я всегда мог в случае необходимости перейти на прямую передачу мыслей какому-нибудь хиссу, который уже переводил их в слова.

Раз в два дня я ходил в Дом мудрецов, где читал нечто вроде курса лекций по земной цивилизации. Взамен меня обучали языку полугипнотическими способами. Одновременно с этим я по мере возможности знакомился с наукой и культурой хиссов. Вместе с двумя хиссами я занимался исследованиями в области сравнительной биологии. Они самым тщательным образом изучали мою кровь и многократно подвергали меня просвечиванию. Понимая мое любопытство, оба хисса охотно давали мне возможность изучать и исследовать их самих; по своему строению они весьма сходны с землянами, но я подозреваю, что их далекие предки были ближе к нашим земноводным, чем к млекопитающим. Здесь я должен сказать несколько слов о животном мире Эллы. Более крупные виды имеют как бы двойное происхождение. Со своей планеты Элла-Вен хиссы привезли некоторых домашних животных, в частности нечто вроде большой кошки на очень длинных ногах, с зеленоватой шерстью. По сообразительности эти миссдольссы – так они называются – не уступают нашим обезьянам. Хиссы от них без ума, и по меньшей мере одно такое животное есть в каждом доме. Когда-то, в стародавние времена, на Элле-Вен миссдольссов использовали для охоты, но теперь их ужасные когти и саблеобразные клыки угрожают только обивке кресел в домах хозяев.

Помимо миссдольссов, хиссы разводят крупных животных, дающих золотисто-желтое молоко. Естественная фауна Эллы-Тан сохранилась в обширных заповедниках, где еще водятся опасные хищники. Молодые хиссы иногда устраивают на них охоту с луками и сворами миссдольссов. На Элле нет крылатых существ, ни птиц, ни насекомых, но зато есть нечто вроде наших муравьев, хотя сравнивать их неверно. Это маленькие ядовитые создания, справиться с которыми хиссы не в силах, несмотря на все достижения своей науки. На Элле-Вен было еще одно животное величиной с нашего слона, однако хиссы не сочли нужным переправлять этот вид на свою новую планету.

Через два месяца я держал экзамен на совершеннолетие, который должен пройти каждый юный хисс, то есть психометрическое испытание. Он не имеет ничего общего с нашими тестами, да и сами хиссы не пытаются определять при помощи него талант или ум. Этот экзамен помогает выявить пригодность испытуемого к той или иной работе, а также уровень его развития.

К слову сказать, я прошел через психометр по доброй воле. Интереснейшая штука! Представь себе нечто вроде шезлонга, на который меня уложили посреди зала с полированными

стенами, шлем с множеством антенн у меня на голове, свет единственной синей лампы во тьме, странное лицо хисса, склонившегося над приборами-регистраторами. Я почувствовал слабый электрический удар и как бы раздвоился. Я знал, что мне задают вопросы, знал, что отвечаю на них, но черт меня подери, если я помню эти вопросы и ответы! Я видел, как хисс постепенно меняет регулировку, голова у меня слегка, но приятно кружилась, я больше не ощущал под собой ложа и словно бы парил в воздухе. Все это продолжалось около двух базиков, но мне они показались короче двух минут. Свет снова зажегся, с меня сняли шлем, и я встал, чувствуя в голове странную легкость и пустоту.

Анализ записей занял дней десять. Потом я был вызван к Аззлему, который ожидал меня вместе с двумя психометристами.

Результаты экзамена, по его словам, всех поразили. Мои умственные способности были намного выше нормы для хиссов: они равнялись восьмидесяти восьми единицам, в то время как даже у Мудрецов средний показатель – восемьдесят семь. Но гораздо больше их встревожили мои психические качества: судя по записям, я был опасным индивидуумом, ярко выраженным борцом, одинаково необузданным в любви и в ненависти, со склонностью к одиночеству, переходящей иногда в неприязнь к обществу. И наоборот, моя восприимчивость к отвлеченным мистическим понятиям оказалась незначительной, почти несуществующей, и это, кажется, даже огорчило их. Но больше всего хиссов заинтересовало то, что я излучал определенный тип волн, который был им совершенно непонятен и в то же время очень походил на волны, излучаемые мисликами.

Практическим следствием экзамена стало то, что Мудрецы не отослали меня на Рессан, к представителям других человечеств, а предпочли оставить на Элле.

Итак, я продолжал жить у Суйлика. Сам он, правда, вскоре отправился в экспедицию через ахун, и я остался один. Но к тому времени у меня уже завелось немало знакомых среди соседей, не говоря об Эссине и членах ее семьи, которые навещали меня при первой возможности. Освоив разговорный язык и одновременно с этим научившись читать, я пользовался обширной библиотекой Суйлика. Большая часть его книг была посвящена слишком сложным для меня физическим проблемам, но имелись и труды по биологии и археологии, которыми я зачитывался.

Однажды я спокойно читал краткую историю планеты Сзен звезды Флух Одиннадцатой вселенной, как вдруг прямо перед домом опустился синий реоб. Из него вышел хисс гигантского роста, один из членов Совета мудрецов. Я уже знал, что его зовут Ассза, но до сих пор не имел с ним никаких дел: Ассза был физиком, а мои знания в этой области оказались настолько скудными, что хиссы сочли бесполезным прикреплять ко мне специалиста. Так или иначе, визит Ассзы меня удивил. Со свойственной хиссам прямоотой он сразу же перешел к делу:

– Пойдем, ты нам нужен!

– Зачем? – спросил я.

– Мы должны выяснить, действительно ли ты из тех существ с красной кровью, которым, как говорится в «Пророчестве», не страшны мислики. Пойдем. И не бойся, тебе ничто не грозит.

Разумеется, я мог отказаться, но у меня и мысли такой не возникло. Мне уже давно хотелось наконец узнать, что же представляют собой мислики. Я встал и последовал за Ассзой к реобу.

Мы поднялись очень высоко и развили предельную скорость. Реоб прошел над двумя морями, цепью гор и лишь к концу третьего часа круто спикировал к скалистому пустынному островку посередине океана. За эти три часа мы пролетели более девяти тысяч километров. Солнце уже опускалось к горизонту. Я заметил в океане плавучие льдины: судя по всему, мы были недалеко от полярного круга.

Ассза посадил реоб на крошечную платформу, нависавшую над самой водой. Мы приблизились к массивной металлической двери в скале; мой проводник, проделав сложную манипуляцию, открыл небольшое окошко и сказал несколько слов. Только тогда дверь приоткрылась и мы вошли. Двенадцать молодых хиссов, вооруженных тепловыми ружьями, встретили меня настороженными взглядами. Миновав караульное помещение, мы проникли в восьмиугольный зал, одна из стен которого имела характерную для экранов матовую поверхность. Ассза жестом пригласил меня сесть.

– Мой кабинет, – пояснил он. – Мне поручили следить за мисликом.

Далее он коротко рассказал мне следующее. Немногим более двух лет назад патрульному ксиллу удалось обнаружить в космосе отбившегося от группы мислика и захватить его. Это было невероятно трудно, и весь экипаж, подвергшийся продолжительному воздействию лучей мислика, долгое время страдал анемией. Но еще сложнее оказалось пронести мислика сквозь теплую атмосферу Эллы так, чтобы он все-таки не погиб. Наконец это удалось, и с тех пор мислика держат в искусственной подземной крипте, где температура никогда не превышает двенадцати градусов выше абсолютного нуля. Представители всех человечеств – кроме последнего, того, что знает путь через ахун, а также меня – добровольно подверглись действию лучей мислика, разумеется со всеми предосторожностями, исключаящими смертельный исход. И ни один не выдержал испытания. Но с другой стороны, ни у одного не было красной крови, о которой говорило «Древнее пророчество». Моя же была красной!

– Взгляни на мислика, – сказал мне Ассза.

Зал погрузился в темноту. На экране, при странном синем свете, возникло изображение.

– Холодный свет. Любое другое освещение убило бы мислика!

Я увидел просторную крипту с голым каменным полом. Посередине лежало многогранное вытянутое тело длиной метра два, при ширине в один метр и почти такой же высоте; сначала я принял его за металлическое сооружение из выпуклых, сочлененных пластинок. Оно было совершенно неподвижно и мерцало ярким красноватым светом.

Ассза подвел меня к регистрирующим приборам, напоминавшим психометр. Светящиеся стрелки медленно колебались на циферблатах, по флуоресцирующим трубкам пробегали ритмичные длинные волны.

– Жизнь мислика, – сказал хисс. – В нем беспрестанно возникают электромагнитные колебания, которые вы, земляне, кажется, используете как источник энергии. Сейчас мислик в состоянии покоя.

Ассза повернул рукоятку регулятора. Приборы показали, что температура в крипте поднялась с двенадцати до тридцати градусов по абсолютной шкале. Стрелки на циферблатах совершили резкий скачок, разноцветное свечение в трубках усилилось, ритм участился. Ассза указал на одну из трубок, где свет вибрировал особенно учащенно.

– Волны фен. Насколько нам известно, их способны излучать только мислики и ты сам!

Я поднял глаза и увидел наше отражение в зеркальном стекле. Странное и жуткое зрелище – наши лица, освещенные мигающими зеленоватыми отблесками трубок и мертвенно-синим свечением экрана. Никогда еще на Элле я не чувствовал себя таким одиноким, таким затерянным в этом бесконечно далеком, чуждом мире! И мне стало страшно.

Мислик зашевелился. Его сочлененные пластинки как бы надвигались одна на другую. Он полз со скоростью человека, идущего шагом. Ассза снова понизил температуру до двенадцати градусов по абсолютной шкале.

– Ну вот, – сказал он. – Мы хотели бы, чтобы ты спустился в крипту и испытал на себе излучение мислика. Никакой опасности нет – я имею в виду, серьезной опасности. Все другие уже побывали там, и, к сожалению, безуспешно. В Пространстве, когда мы скрыты за броней ксилла, смертельным бывает лишь сконцентрированное излучение по меньшей мере девяти мисликов. Здесь, на таком близком расстоянии и без прикрытия, достаточно одного. В этом

зале очень низкая температура и почти полный вакуум, поэтому ты наденешь специальный скафандр. Я буду наблюдать отсюда. Тебя будут сопровождать два робота, чтобы вынести из крипты, если ты потеряешь сознание. Согласен?

Какое-то мгновение я колебался, глядя на кошмарное существо, ползущее по камням. Мне казалось, что под его непроницаемым геометрическим панцирем таится беспощадный ум, холодный, чистый разум без всякой примеси чувства, более страшный, чем любая сознательная жестокость. Поистине это был сын Мрака и Холода!

– Хорошо, – сказал я, бросив последний взгляд на экран.

– Если понадобится, – добавил Ассза, – я могу повысить температуру и убить его. Не думаю, что до этого дойдет, но риск все-таки есть. Один мислик может убить одного хисса лишь чрезвычайно длительным излучением. Да и он не пытался убивать ни одного из тех, кто спускался к нему. Однако у тебя другая кровь!

– К черту! – выругался я по-французски, а по-хисски добавил: – Не будем терять времени. Рано или поздно все равно пришлось бы попробовать!

– Раньше мы не могли этого сделать потому, что ты не знал нашего языка. А передавать тебе мысли, когда ты будешь внизу, в крипте, я бы не смог: слишком далеко.

Он снова включил свет. В дверях появился какой-то хисс и знаком предложил мне следовать за ним.

Мы спустились в зал, находящийся на уровне крипты; там, в особых нишах, висели скафандры с прозрачными шлемами. Хисс помог мне одеться. Скафандр оказался мне впору, что, впрочем, было неудивительно, так как его изготовили специально для меня. Висевшие рядом огромные доспехи предназначались, видимо, тому коренастому гиганту с выпученными глазами, статую которого я видел на Лестнице человечеств. Дверь зала еще раз открылась, пропустив двух роботов с могучими металлическими руками; они беззвучно вкатились на шестиколесных платформах. Хисс вышел, и дверь захлопнулась.

– Ты меня слышишь? – прозвучал в моем шлеме голос Ассзы.

– Да, очень хорошо.

– Пока излучение мислика тебе не угрожает. Оно не может проникнуть сквозь четырехметровую толщу железоникелевой брони, которая отделяет тебя от него. Такая броня – единственная эффективная защита, но в бою она неприменима из-за слишком большой тяжести. Сейчас я открою вход в крипту. Отойди назад и, что бы ни случилось, не снимай шлема, пока я тебе не скажу.

Огромный металлический блок медленно выдвинулся из четырехметрового проема и откатился в сторону. Я не ощутил холода, только мой скафандр слегка раздулся, так что я стал похож на Бибендума³. Я прошел через открывшийся ход и очутился в крипте. Мислик лежал у противоположной стены. Синий свет показался мне здесь еще более тусклым, чем на экране.

Я потихоньку двинулся вперед, ступая по сплошному каменному полу. Кругом царили тишина и неподвижность, лишь в шлеме я слышал затрудненное дыхание Ассзы. Мислик по-прежнему не шевелился.

Внезапно он заскользил ко мне. Анфас он показался мне приплюснутой массой высотой около полуметра.

– Что я должен делать? – спросил я.

– Он пока что не излучает. Он тебя не тронет. Однажды он взлетел и раздавил одного хисса. За это мы его продержали двенадцать базиков при самой высокой температуре, какую он только способен выдержать. Надеюсь, это стало для него уроком, и больше он ни на кого не набросится. А если набросится, у тебя на поясе – тепловой пистолет. Используй его лишь в крайнем случае.

---

³ Бибендум – надувной человечек, символ французской компании «Мишлен», производителя шин.

Мислик кружился вокруг меня, ускоряясь все больше и больше.

– Он по-прежнему не излучает. Что ты чувствуешь?

– Ничего, абсолютно ничего. Просто мне как-то не по себе.

– Осторожно! Он излучает! Он излучает!

На передней части металлического чудища появился длинный фиолетовый язычок. Я по-прежнему ничего не ощущал и сообщил об этом Ассзе.

– Не чувствуешь покалывания во всем теле? Голова не кружится?

– Да нет, ничего не чувствую!

Излучение мислика становилось все более яростным. Фиолетовый язык достигал уже доброго метра в длину.

– Все еще ничего?

– Нет.

– При такой интенсивности любой хисс давно бы уже потерял сознание. Я думаю, что вы, земляне, и есть те существа, о которых говорит Пророчество!

Мислик выглядел явно сбитым с толку. Во всяком случае, именно так я понял его поведение. Он отступал, приближался, излучал, прерывал излучение, снова отступал. Я двинулся за ним. Он попятился, затем остановился. И тогда, вообразив себя неуязвимым, а может быть, просто из бравады, я сделал несколько быстрых шагов и уселся на мислика! До меня донесся вопль ужаса, потом взрыв свистящего смеха Ассзы, когда он увидел, как мислик стряхнул меня резким толчком и удрал в дальний угол крипты. Я был первым существом из плоти и крови, которое прикоснулось к живому мислику!

– Довольно! – сказал Ассза. – Возвращайся во входную камеру.

Металлический блок закрыл отверстие, в камеру со свистом ворвался воздух, и с помощью появившегося хисса я освободился от скафандра. Лифт поднял меня наверх, к дверям кабинета Ассзы. Я вошел. Развалившись в своем кресле, он плакал от радости.

Глава 4 Песня иного мира

В тот раз я провел на острове Сансин три дня. Ассза незамедлительно сообщил Совету мудрецов о положительных результатах испытания, и уже через несколько часов Совет в полном составе собрался в большом зале, рядом с кабинетом Ассзы. Тем не менее, когда меня снова попросили спуститься в крипту к мислику, я отказался наотрез. Если излучения мислика и не подействовали на мой организм, то мои нервы сдали окончательно. Пока я находился лицом к лицу с этой одушевленной металлической глыбой, мне удавалось сохранять спокойствие, но теперь силы меня оставили, и я безумно хотел спать. Мудрецы это поняли. Решено было отложить все до следующего дня. Мне предоставили удобную комнату, и с помощью «того-кто-приносит-сон» я выспался на славу.

На повторение опыта я решился не без колебаний. В самом деле, откуда мне было знать, долго ли продержится мой чудесный иммунитет и что будет со мной, если он вдруг закончится? Поэтому я попросил вызвать на остров одного из неофитов коллеги Мудрецов, Сззана, которому передал в свое время немало познаний из нашей земной медицины. На сей раз подготовка заняла гораздо больше времени.

У меня взяли кровь, сделали количественный и качественный анализ, подвергли меня самому тщательному и всестороннему осмотру. Кроме того, вместе со мной в пещеру должен был спуститься один хисс-доброволец, чтобы проверить на себе, действительно ли мислик испускает при мне излучение, которое смертельно для хиссов. Особая честь была оказана экипажу ксилла, который достиг Земли, и все они явились во главе с Аассом, – все, кроме Суй-

лика, странствовавшего в то время где-то в Пространстве. Я был рад их видеть, но радость моя угасла, когда я узнал, что вместе со мной в крипту добровольно пойдет Эссина.

Отговорить ее я не пытался. Я уже знал, что на Элле мужчины и женщины абсолютно равны перед лицом опасности и что всякие условности относительно слабого пола здесь осмеяны и преданы забвению многие тысячи лет тому назад. Эссина вызвалась добровольно, Мудрецы одобрили ее кандидатуру, и, если бы я вздумал ее отвергнуть, это стало бы для нее неслыханным оскорблением. Но в глубине души я был искренне огорчен: видимо, во мне слишком сильны наши старые земные предрассудки.

Мне вручили специальный пистолет «холодного пламени», который позволял в случае необходимости парализовать мислика, не убивая его, то есть поднять вокруг него температуру с минус двухсот шестидесяти одного градуса до примерно минус ста.

В сопровождении четырех роботов мы спустились в шлюзовую камеру. Там нас ожидали два хисса, готовые помочь нам облачиться в скафандры. Пока на меня натягивали специальный космический комбинезон, я видел, как бледнеет лицо Эссины – у хиссов кожа в таких случаях становится зеленовато-серой, – и слышал, как она бормочет что-то похожее на молитву. Ей было страшно, и я ее понимал, потому что если у меня были все шансы пройти через это испытание благополучно, то она была почти уверена в том, что подвергается смертельной опасности. Поэтому, когда мы уже входили в крипту, я положил руку ей на плечо и сказал в микрофон:

– Держись позади меня.

– Не могу, – ответила она. – Нам нужно знать, насколько интенсивно это излучение.

Я обернулся. Роботы катились за нами, уже наполовину распрямив свои огромные металлические руки.

Мислик, замерев, ожидал нас. Я говорю «ожидал», потому что уверен: он ощутил наше приближение, хотя никто до сих пор так и не смог обнаружить у мисликов ничего похожего на органы чувств. Внезапно мислик скользнул нам навстречу.

– Не отходите далеко от двери! – услышали мы голос Аззлема.

Эссина отступила на шаг, потом решительно встала со мною рядом. Мислик остановился в трех шагах от нас. Он не излучал.

– Думаю, он узнал меня, – начал я. – Он не будет излучать, пока...

Дальше все происходило с невероятной быстротой. Мислик сразу же начал излучать на полную мощность. Фиолетовое жало вспыхнуло метровым языком. Затем, не прекращая излучения, он закружился вокруг нас с бешеной скоростью и обрушился на первого робота. Через секунду от чудесной машины осталась только куча сплюснутых стальных листов и смятых колес. Одно маленькое зубчатое колесико каталось вокруг нас, и я в каком-то оцепенении смотрел, как оно сужает круги у самых моих ног.

– Осторожно! – крикнул мне Аззлем.

Этот возглас вывел меня из оцепенения. Обернувшись, я увидел, что Эссина рухнула на пол рядом с останками робота. Мислик устремился на второго, который уже катил к нам.

Я выстрелил два раза подряд. Мислик замер. Я поднял безжизненное тело Эссины, обмякшее внутри скафандра. Робот уже протягивал к ней руки.

– Выноси ее! – приказал я ему, как живому существу. – Я прикрою отход.

Ответа, разумеется, не последовало: с Эссиной в руках робот на предельной скорости покатился к выходу. Мислик ринулся за ним. Я снова выстрелил, остановив его. С пистолетом в руке я тоже начал отступать вместе с двумя уцелевшими роботами. И тогда мислик взлетел. Я услышал, как там, наверху, в контрольном зале, закричали Мудрецы. Металлическое чудовище поднялось под самый свод и спикировало на меня. Я выстрелил пять раз подряд – тщетно! В последний момент я упал ничком, и мислик промахнулся. До меня донесся голос Ассзы:

– Давайте крайнее средство!

Режущий ярко-белый свет залил всю крипту в тот миг, когда мислик взлетел второй раз. Он тотчас же рухнул вниз и начал выписывать зигзаги, словно обезумев от невыносимой боли.

– Скорее выходи, иначе нам придется его убить! – крикнул Ассза.

Я бросился к выходу, влетел в шлюзовую камеру. Яркий свет позади погас, массивная дверь закрылась, в камеру вошел воздух. Вбежали четыре хисса, одним из них был Сззан. С Эссины сняли скафандр. Она была бледна, но дышала. Вне себя от злости, я поднялся в кабинет Ассзы.

– Ну что, теперь вы довольны? – спросил я Аззлема. – Я-то жив, но Эссина, возможно, умрет!

– Едва ли. Один-единственный мислик не может убить хисса за такой малый промежуток времени. Но даже если и умрет, что с того? Когда на кону вся вселенная, чего стоит одна жизнь, к тому же отданная добровольно?

Ответить на это, разумеется, было нечего. У меня еще раз взяли кровь, снова сделали все анализы. Заключение было безапелляционным: лучи мислика не оказывают на меня никакого действия. Вместе с Ассзой я пробыл на острове еще два дня, пока не убедился в том, что жизнь Эссины вне опасности. Она быстро пришла в себя, но, несмотря на переливания крови и биогенные лучи, была еще очень слаба. Однако Сззан меня успокоил: ему доводилось лечить и спасать хиссов, пораженных гораздо сильнее.

После моего возвращения в дом Суйлика все вошло в нормальную колею. Через день я посещал Дом мудрецов, читал и слушал лекции. Особенно близко мы сошлись с Ассзой, великаном-физиком, сторожившим мислика – кстати, мислик, по всей видимости, почти не пострадал от жестокого наказания, – а также с молодым биологом Сззаном. И вот однажды, когда мы трое беседовали об излучениях человеческого мозга, у меня вдруг мелькнула мысль: что, если попробовать «поговорить» с мисликом при помощи волн фен, которые почти одинаковы у него и у меня?

Сззан ненадолго задумался, а затем сказал:

– Вряд ли это удастся. Мы улавливаем волны фен, но совершенно не знаем, чему они соответствуют. Исследовать их нам не удалось, потому что даже приблизиться к мислику, не говоря уж о том, чтобы понять его, – для нас почти то же самое, что пролететь сквозь звезду, как ты сам это видел на примере Эссины! Но ты излучаешь такие же волны, или очень похожие, и вот над тобой мы можем поэкспериментировать. Однако я думаю, что волны фен не имеют ничего общего с твоей психикой. Скорее всего, они связаны с удивительным строением землян, в организме которых столько железа!

– Тем хуже, – сказал я. – Я бы попытался установить связь с этими мисликами.

– Как знать? Может, у тебя и получится, – неожиданно поддержал меня Ассза. – Но для этого тебе понадобится все твое мужество. Придется снова спуститься в крипту в шлеме, который усиливает мысли. Психические волны – наши психические волны – распространяются на гораздо меньшее расстояние, чем излучения мисликов, поэтому нам никогда не удавалось «услышать» ни одного из них. А как только расстояние уменьшалось, один из двоих погибал – либо мислик, либо хисс. Ты – другое дело: ты можешь к нему приблизиться. Однако нужно войти в крипту, потому что железоникелевая броня останавливает не только смертоносное излучение, но также и волны мыслей, если, конечно, мислик вообще излучает что-либо сходное с нашими волнами.

– Хорошо, – сказал я. – Но что, если он снова взлетит?

– Оставайся у двери. Если взлетит, укроешься в шлюзовой камере.

– Ладно. Когда проведем опыт?

Я чувствовал, что они сторают от нетерпения больше, чем я сам.

– У меня тут под рукой большой четырехместный реоб... – начал Ассза.

– У меня тоже есть, – перебил его я. – Ну что, полетели?

– Полетели! – решительно сказал Сззан, самый молодой из нас троих.

– Придется только модифицировать шлем-усилитель, но все необходимое есть в моей островной лаборатории, – закончил разговор Ассза.

Мы сели в реоб, и Ассза сразу развил наивысшую скорость. Он вел реоб мастерски, но, пожалуй, слишком рискованно, едва не касаясь горных вершин. Когда мы были уже над морем, я заметил не похожий на дискообразные ксиллы гигантский вытянутый корабль, который быстро спускался к Горе мудрецов.

– Синзунский звездолет, – сказал Сззан. – Должно быть, намечается заседание Совета.

– А тебе не нужно на нем присутствовать? – спросил я Ассзу. – Может, отложим опыт?

– В этом нет нужды. Совет соберется лишь к вечеру. Времени у нас с запасом. Мы пойдем туда вместе – познакомишься со своими братьями по красной крови.

Далеко внизу, среди синих волн, появился остров. Сразу же после посадки мы направились в лабораторию. Там, наблюдая за приборами, сидел Сиансси, первый ассистент Ассзы.

– Он спит, – сказал Сиансси. – Но после того, как у него побывал тссемлянин, к нему не подступиться. Он смял еще одного робота.

Впервые я услышал, а не прочитал мысленно имя, которое нам дали хиссы: «тссемляне» вместо «земляне».

– Распорядись срочно модифицировать усилитель мыслей, чтобы... тссемлянин смог надеть его под шлем скафандра. Он сейчас спустится еще раз. Может, ему удастся установить связь с мисликом.

Молодой хисс на пару мгновений задержался в дверях, глядя на меня. Наверное, я ему казался почти таким же чудовищем, как и мислик.

Мы включили экран. Мислик не шевелился и сейчас особенно походил на неподвижный кусок металла. И тем не менее перед нами было могущественное создание, наделенное невероятной способностью гасить звезды!

– Когда будешь в крипте, следи за ним внимательно, – сказал мне Ассза. – Прежде чем взлететь, он всегда чуть-чуть приподнимает переднюю часть тела. С этого момента до взлета остается около одной тысячной базика. Тотчас же уходи!

Переделка шлема заняла целый базик – черт, мне все еще кажется, что я на Элле! – по нашему, около часа с четвертью.

Облачившись в скафандр, с усилителем на голове, я потихоньку вошел в крипту. Мислик лежал ко мне «спиной». Не отходя далеко от двери, я включил усилитель.

В тот же миг меня захлестнула волна отчаяния, шедшего извне, – отчаяния мислика: такое страшное ощущение затерянности и одиночества, что я едва не закричал! Стало быть, это существо, не имеющее ни чувств, ни разума в нашем смысле слова, было способно страдать! Но, как ни парадоксально, существо, столь отличное от нас, показалось мне еще более ужасным именно из-за этой его схожести с нами. Не в силах больше выдерживать это, я отключил усилитель.

– Ну что? – спросил Ассза.

– Он страдает, – ответил я, потрясенный.

– Внимание! Мислик пробуждается!

Да, мислик задвигался. Как и в прошлый раз, он медленно полз прямо на меня. Я снова включил усилитель. Но теперь вместо страдания навстречу мне струился поток ненависти – холодной, дьявольской, всепоглощающей ненависти! Мислик был уже близко. Я схватился за тепловой пистолет. Мислик замер, и поток ненависти сделался еще более яростным: я ощущал его почти физически, как ледящую вязкую струю. Тогда и я в свою очередь принялся передавать.

«О мой металлический собрат! – думал я. – Я не желаю тебе зла. Зачем вы и хиссы уничтожаете друг друга? Почему законом вселенной должно быть убийство? Почему один род

должен истреблять другой род, почему господство одних несет смерть другим? У меня нет к тебе ненависти, странное существо. Видишь, я прячу оружие в кобуру!»

Вряд ли он меня понял. Но по мере того, как я передавал, ненависть его уменьшалась, отходила на задний план, уступая место удивлению, но не угасала. Мислик не шевелился.

Вспомнив утверждения философов о том, что законы математики должны быть едины для всей вселенной – кстати, хиссы, насколько мне помнится, говорят то же самое, – я стал думать о квадратах, прямоугольниках, треугольниках, окружностях. Сначала я ощутил еще более сильную волну удивления, затем на меня хлынул поток образов: мислик отвечал! Увы, вскоре я убедился, что между нами нет и не может быть ничего общего, что даже малейшее взаимопонимание невозможно. Образы были расплывчатыми, как ускользающие сны. Порой мне казалось, что я улавливаю странные фигуры иного мира, где существует более трех измерений, или мира, измерения которого совсем непонятны для нас. Но едва я начинал их осмысливать, как они исчезали, оставалось только горькое сожаление о том, что я не в силах преодолеть незримую преграду, отделяющую меня от этих построений, совершенно чуждых нашему разуму. Предприняв последнюю попытку, я начал думать о числах. Результат оказался прежним. В ответ я уловил нечто абсолютно непередаваемое, непостижимое, разделенное промежутками, когда всякая связь прерывалась. Я попробовал общие образы, но ни один не вызвал ответа, даже образ звезды, сияющей в черном небе.

Видимо, свет в нашем понимании был ему чужд и недоступен.

Тогда я прекратил свои тщетные усилия. Наверное, мислик уловил мою печаль, потому что в ответ опять послал волну отчаяния и ужасающего бессилия, которое полностью заглушило ненависть. Он уполз к дальней стене, так и не испустив своего смертоносного излучения.

Теперь, что бы ни говорили иные философы, я знаю: только страх и печаль одинаковы во всей вселенной, и, наоборот, дважды два – далеко не всегда четыре. Было что-то трагическое в этой невозможности обменяться самыми простыми мыслями, в то время как самые сложные чувства сразу становились понятными.

Я поднялся в лабораторию и сообщил о своем полупровале. Хиссов это не слишком огорчило. Для них мислик был сыном Ночи, существом ненавистным, исконным врагом, и весь этот опыт интересовал их с чисто научной точки зрения. Другое дело – я: до сих пор жалею, что не смог не то чтобы понять, но хотя бы отдаленно уловить, для чего и чем живут эти странные создания.

Мы покинули остров уже в сумерках. Два спутника сияли в небе, усыпанном звездами: Арци, такой же золотистый, как наша Луна, и Ари, того мрачного красноватого цвета, который всегда напоминает мне о зловещих знаменьях. При свете лун и звезд мы опустились на большую нижнюю террасу у подножия Лестницы человечеств. На другом краю террасы смутно вырисовывалась огромная вытянутая масса звездолета синзунов, слегка мерцавшего во мраке. К моему большому огорчению, пройти в зал Совета мне не позволили. Мы с Сззаном вынуждены были отправиться в Дом чужестранцев, своего рода гостиницу, расположенную в одной из рошиц нижней террасы.

Мы поужинали вместе, затем вышли прогуляться перед сном. Этот вечерний променад вывел нас практически к синзунскому звездолету, как вдруг на повороте аллеи нас остановила небольшая группа хиссов.

– Дальше прохода нет, – сказал один из них. – Синзуны охраняют свой аппарат и никого не подпускают к нему без особого разрешения. Но кто это с тобой, Сззан?

– Обитатель планеты Тссемля звезды Ссолнтсе Восемнадцатой вселенной, он здесь один такой. Прилетел с Аассом и Суйликом. У него красная кровь, и ему не страшны мислики.

– Постой-ка! Неужто это сын Света из «Древнего пророчества»? Говорят, у синзунов тоже красная кровь, но они-то еще не встречались с мисликами!

– Тссемлянин сегодня еще раз спускался в крипту на острове Санссин и, как видишь, цел и невредим.

– Позволь мне взглянуть на тебя! – обратился ко мне все тот же хисс.

Нас осветил мягкий свет фонарика, закрепленного на его легком шлеме. Я заметил у него на поясе два небольших фульгуратора. Видимо, охрана звездолета была делом нешуточным! Кстати, тогда я впервые увидел на Элле что-то вроде нашей армии.

– Ты похож на синзунов, – проговорил хисс. – Я видел троих, когда они высаживались сегодня днем. Но ты выше, массивнее и на руках у тебя пять пальцев. Ах, как же мне хочется поскорее попасть на экспедиционный ксилл! Я ведь еще только учусь...

Я вспомнил, что на Элле каждый имел две профессии, как Суйлик, который был командиром ксилла и одновременно физиком.

Тишину звездной ночи разорвал протяжный переливчатый крик.

– Часовой синзунов, – пояснил наш собеседник. – Так они перекликаются каждые полбазика. Теперь я должен попросить вас вернуться.

Мы возвратились в Дом чужестранцев – множество маленьких коттеджей, разбросанных по всей роще; здесь останавливались те, кто был вызван на Совет и жил слишком далеко, чтобы каждый день возвращаться к себе. К моей комнате, помимо ванной, примыкала небольшая библиотека, но я настолько устал, что мне было не до чтения. Взбудораженный событиями этого необычного дня, самого необычного из всех, проведенных мною на Элле, я вынужден был снова прибегнуть к помощи «того-кто-приносит-сон».

Проснулся я очень рано. Морской воздух был остер и свеж, и я заметил, что здесь, в отличие от дома Суйлика, окна были настоящие, к тому же раскрытые настежь. До меня доносились шум прибоя и шелест бриза в листве. Несколько минут я нежился в постели с открытыми глазами, наслаждаясь прелестью тихого утра.

И вдруг тишину нарушило чье-то пение.

Я уже не раз слышал музыку хиссов. Нельзя сказать, что она неприятная, однако для нас она слишком мудреная, слишком навороченная. А эта песня не была хисской! В ней звучала тоска по родине, в ней слышалась мелодичность полинезийских напевов и в то же время сила, размах и затаенная страсть, которая встречается лишь в русских народных песнях. И голос, этот голос, так легко переходивший от низких грудных нот к высоким горловым, тоже не был голосом хисса! Песня накатывалась, как волна на берег, с мелодичными повторами, быстрыми взлетами и медленными, усталыми спадами. Тот, кто пел ее, находился слишком далеко, чтобы можно было разобрать слова, да и вряд ли слова были хисскими. Но я знал, что они говорят о весне, раскаленных солнцем или окутанных туманами планетах, о мужестве людей, которые их открывают, о морях и ветре, о звездах и любви, о борьбе, о непостижимых тайнах и ужасе смерти. В этой песне была вся юность мира!

С бьющимся сердцем я второпях оделся и выпрыгнул в окно. Песня доносилась слева, со стороны моря. Пробежав между группами деревьев, я увидел лестницу, спускающуюся к волнам. Там, у самой воды, лицом к морю стояла девушка и пела, и солнце зажигало золотые отблески на ее голове. Значит, это не хисска! Правда, я не различил цвета кожи – видел только стройный силуэт в короткой голубой тунике.

Перепрыгивая через три ступеньки, я поспешил вниз, взволнованный, как в те давние времена, когда, еще юным студентом, увидел Сильвен, исчезающую в конце коридора у нас на кафедре. На последней ступеньке я поскользнулся и растянулся во весь рост прямо у ее ног. Она вскрикнула – песнь прервалась на полуслове, – потом расхохоталась.

Должно быть, я и в самом деле был смешон – на четвереньках, растрепанный, весь в песке. Потом смех ее оборвался, и она сердито спросила:

– Асна эни этоэ тан?

(В изумлении я обернулся, потому что последние слова произнес не Клер, а его жена Ульна.)

– Да, – помолчав, сказал Клер, – это была Ульна.

Часть третья На кону – вся Вселенная

Глава 1 Ульна-андромедянка

Я медленно поднялся на ноги, не спуская с девушки глаз.

Сначала у меня мелькнула мысль, что, может быть, хиссы совершили еще один полет на Землю и привезли оттуда моих соотечественников. Потом я вспомнил огромный звездолет, золотую статую на верхних ступенях Лестницы человечеств и заметил слишком узкую руку девушки. Одновременно в моей памяти всплыли рассказы Суйлика о кренах с планеты Мара, почти неотличимых от хиссов. Если у хиссов были двойники, почему бы и землянам их не иметь?

Девушка по-прежнему стояла передо мной, настороженно выпрямившись. Я все еще не мог вымолвить ни слова.

– Асна эни этоэ тан, санен тар тэоэ сен Тельм? – гневно проговорила она наконец, но голос ее оставался таким же напевным и мелодичным.

Я ответил ей по-французски:

– Прошу прощения, мадемуазель, за столь внезапное приземление у ваших ног!

И только тогда сообразил, что эти слова для нее так же непонятны, как и ее вопрос для меня. Я попытался «передать», глядя ей прямо в глаза, – все было тщетно. Теперь она смотрела на меня с откровенной опаской. Рука ее опустилась на выпуклую пряжку пояса.

Тогда я попытался заговорить с ней по-хисски, надеясь, что она, быть может, поймет хоть этот язык.

– Простите, что помешал вам, – сказал я.

Она узнала язык, на котором я к ней обращался, и ответила тоже по-хисски, путая ударения точно так же, как путал их я в самом начале:

– Син тсехе х'он? (Кто вы?)

А нужно было сказать «Син тсехе хйон». В действительности же получилось так, что она спросила: «Которая луна?»

– Первой сегодня вечером взойдет Ари, – ответил я, смеясь.

Она поняла свою ошибку и тоже рассмеялась. Несколько минут мы оба дружно путались в хисских фразах, не очень понимая друг друга. Потом она сделала приглашающий жест, и мы поднялись по лестнице на террасу. Когда мы вступили под кров деревьев, неподалеку послышались три переливчатых свистка – сигнал Суйлика, а затем показался и он сам в сопровождении Эссины.

– Вижу, ты уже установил контакт с синзунами! – заметил он.

– «Установил контакт» – так только говорится! И как вы только ухитряетесь общаться с обитателями незнакомых планет, которые не воспринимают мысленных сигналов и не знают вашего языка?

– Это действительно прискорбно, – ответила Эссины, – особенно когда чужеземцы столь же очаровательны, как эта синзунка. Вижу, она тебе приглянулась. Но не волнуйся: скоро вы найдете общий язык.

– Да, эта проблема давно уже решена, – подтвердил Суйлик. – Однако ты не слишком задавайся: в действительности это мы принимаем и передаем мысли! На твоей родной планете, с такими же, как ты сам, ты смог бы общаться лишь посредством речи. То же касается и наших

детишек. Искусству приема и передачи мыслей нужно учиться. Научитесь и вы с синзункой. А пока тебе достаточно будет надеть легкий шлем-усилитель. Впрочем, есть кое-что поважнее: этой ночью я вернулся из вселенной, которая расположена еще дальше, чем твоя. Стало быть, когда придет время, ты сможешь вернуться к себе. Я установил там контакт с еще одним человечеством. Похоже, в твоём уголке Великой вселенной у всех существ красная кровь: у синзунов, у вас, землян, или у зомбов, которых я только что обнаружил.

– Как они выглядят, эти зомбы? Ты привез хоть одного?

Прищурив один глаз, Суйлик оценивающе посмотрел на меня:

– Пожалуй, немного похожи на тебя. Только раза в два выше. Но пока это совершенные дикари, не имеющие даже каменных орудий. Так что привозить сюда зомба не было смысла, – возможно, это оказалось бы даже опасно для него самого. Может быть, лет через двести-триста...

Мы подошли к подножию Лестницы человечеств. Наверху, в окружении роботов, с чем-то возились несколько хиссов.

– Какого черта творят там твои сородичи? – спросил я Суйлика.

По-хисски «какого черта» звучит как «тэй мислик».

– Вот именно что мислика, – рассмеялся он. – Сейчас все сам увидишь.

И, повернувшись к юной синзунке, он что-то «передал» ей, но что именно, я уловить не смог: передавая мысли, хиссы могут поддерживать и частные разговоры, даже в толпе. Но видимо, это было нечто забавное, так как девушка улыбнулась.

Мы быстро поднялись по лестнице. Группа хиссов наверху уже разошлась. Справа, на том месте, где они работали, возвышалась новая статуя. С удивлением я узнал в ней себя; скульптор изобразил меня очень реалистично и в самой лестной позе: я стоял, попирая ногой мислика!

– Твои встречи с мисликом были сняты на камеру, – сказала Эссина, – и Ссилб, наш лучший скульптор, тотчас же получил задание изваять эту статую. Ему передали твои точные параметры, зафиксированные при осмотре в Доме мудрецов, а также массу твоих объемных снимков, так что для него это не составило труда. Ну как, нравится статуя?

– Замечательная работа! – ответил я искренне. – Вот только мне будет неловко проходить каждый день перед самим собой.

Вот уже несколько минут между синзункой и Суйликом шел какой-то разговор, и по выражению лица хисса я догадался, что случилось нечто весьма неприятное. Он перекинулся парой слов с Эссиной, но слишком быстро, так что я практически ничего не понял. Я уловил только слово «оскорбление». Юная синзунка, резко развернувшись, пошла вниз навстречу группе своих соотечественников. У Суйлика был озабоченный вид.

– Скорее, нужно предупредить Ассзу, и даже Аззлема, если удастся.

– Что случилось?

– Пока ничего страшного. Во всяком случае, я надеюсь, что обойдется. Но эти синзуны непомерно горды, и мы, пожалуй, зря поместили их с левой стороны лестницы!

Нас сразу же провели в кабинет Аззлема. Вместе с ним там были его сын Ассерок, только что вернувшийся из вселенной синзунов, и Ассза.

– Положение угрожающее, – коротко объявил Суйлик. – В мое отсутствие тссемлянин спустился в крипту на острове Санссин и победил мислика!

– Ну да, и что с того? – спросил Ассза. – Я взял ответственность на себя, и Совет одобрил мое решение.

– Так вот, судя по словам синзунки Ульны, синзунам было обещано, что именно они будут первыми людьми с красной кровью, которые встретятся лицом к лицу с мисликом. Синзуны горды и тщеславны. Боюсь, они этого так не оставят.

– Их звездолет прекрасно вооружен, – поддержал его Ассерок. – И они знают путь через ахун.

– На нашей планете хозяева – мы, Ассерок, – ответил его отец. – Когда синзуны прилетали в первый раз, они отказались встретиться с мисликом под тем предлогом, что им, мол, надо подготовиться. Тссемлянин оказался более решительным. Тем хуже для них. В конечном счете «Пророчество» обращено к нам, к хиссам, а не к синзунам! Мы не должны отвергать ничьей помощи, но возглавить борьбу суждено именно нам! И если у синзунов есть оружие, у нас оно тоже имеется!

Аззлем нажал на кнопку на своем столе. Вспыхнул настенный экран, и мы увидели Лестницу человечеств. Перед моей статуей о чем-то спорили Ульна и трое синзунов. Остальные бегом направлялись к своему звездолету.

И тогда Аззлем произнес слова, которых никто не слышал на Элле в течение многих столетий.

– Боевая готовность номер один! – сказал он в микрофон. – Немедленно собрать Совет девятнадцати! Запрещаю взлет любому чужестранному, – этот эвфемизм заставил всех улыбнуться, поскольку единственным чужестранным аппаратом на Элле был звездолет синзунов, – летательному аппарату!

– Посмотрим, смогут ли они преодолеть силу концентрированных гравитационных полей! – добавил Аззлем, повернувшись к нам.

Синзуны уже входили в Дом мудрецов.

– Пойдемте встретим их, – сказал Аззлем. – Суйлик, Эссина, вы тоже: не считая моего сына, вы здесь единственные хиссы, побывавшие дальше Шестнадцатой вселенной.

Мы сошли в тот самый зал, где я впервые предстал перед Советом мудрецов. Я без стеснения уселся в заднем ряду, между Эссиной и Суйликом. Все члены Малого совета, Совета девятнадцати, заняли свои места. Затем впустили синзунов.

Их было четверо: трое мужчин и девушка. Все были красивы, стройны, светловолосы и довольно высокорослы; на Земле они вполне бы сошли за шведов. Держались они холодно и высокомерно. На них сразу же надели шлемы-усилители.

Тот из синзунов, что был постарше, повернулся к Аззлему и начал свою речь: их позвали сюда с их далекой планеты, чтобы сразиться с легендарными мисликами, они явились с самым страшным и совершенным оружием, какое только смогли изобрести их ученые, а теперь им говорят, что какое-то низшее существо с полудикой планеты уже восторжествовало над грозным врагом. Это неслыханное оскорбление для их планеты Арбор, и синзуны немедленно улетают, чтобы больше никогда не вернуться, если только шемоны не сочтут оскорбление слишком серьезным для того, чтобы его можно было забыть, и тогда... Пока же он требовал извинения и немедленного уничтожения статуи, установленной на одной ступени со статуей синзуна.

На протяжении всей этой диатрибы я наблюдал за Мудрецами. Их лица оставались совершенно бесстрастными. Ни малейшего признака недовольства! Зато Суйлик рядом со мной что-то злобно цедил сквозь свои острые зубы.

Аззлем ответил спокойно:

– Вы, синзуны, странные люди. Мы никогда не обещали вам, что именно вы станете первыми существами с красной кровью, которые сразятся с мисликами. Тогда мы еще не знали, что есть и другие человечества с красной кровью. Мы и сейчас не знаем, все ли человечества с красной кровью выдерживают излучения мисликов. Кстати, мы не придаем никакого значения первенству. Какая разница, кто будет первым? Этот предрассудок ушел с Эллы вместе с последним военачальником и последним политиком. К тому же вы, похоже, не понимаете, что для победы над мисликами нужно объединить силы всех человечеств мироздания, всех до единого! А пока мы боремся с ними в одиночку, или почти в одиночку, и каждый год теряем в этой страшной борьбе более ста тысяч хиссов. Тссемлянин имел мужество сразу же, без предварительной подготовки, спуститься к мислику. Сделайте то же самое – и мы охотно добавим к вашей статуе такого же мислика, а то и двух или даже трех!

По рядам собравшихся прокатилась волна сдержанного смеха. Аззлем продолжил:

– Ваша помощь будет, разумеется, полезна, однако мы вполне можем обойтись и без нее. Тссемляне обладают нужной сопротивляемостью. У нас есть техника, да и у них тоже, пусть не столь развитая, но тем не менее достойная внимания. Во вселенной достаточно и других человечеств с зеленой или синей кровью, которые тоже располагают мощным оружием. И никто не знает, по кому мыслики ударят в следующий раз. Быть может, они уже на пути к вашей вселенной. Поэтому я прошу вас отказаться от неразумной гордыни, удивляющей меня у такой высокоразвитой расы, как ваша. Заклинаю вас войти в Великое содружество, Союз человеческих миров. Наш единственный враг – мыслик! Он угрожает всем человечествам – с зеленой ли, с синей или с красной кровью. Даже если вы нечувствительны к излучениям мысликов, вы все равно не сможете жить около погасшего солнца! Подумайте и возвращайтесь со словами дружбы, а не гнева. Эта планета – Элла, а не Арбор, и хозяева здесь – мы. Мы примем вас снова сегодня вечером.

Синзун хотел было возразить, но Аззлем не дал ему это сделать:

– Нет! Настаивать бесполезно. Подумайте. До вечера.

Девятнадцать Мудрецов удалились, оставив синзунов со мной, Суйликом и Эссиной.

Только тогда синзуны, похоже, обратили на меня внимание. Трое мужчин двинулись ко мне с угрожающим видом. Девушка пыталась удержать старшего из них, но тщетно.

Я встал. Суйлик медленно сжал руку на рукоятке маленького фульгуратора, который он, как и все командиры ксиллов, имел право носить на поясе. Заметив этот жест, синзуны остановились.

– Я полагал, – начал один из них, – что хиссы, мудрые хиссы, отказались от войн много столетий тому назад...

– От войн – да, но не от защиты своих гостей, – ответил Суйлик. – Если вы здесь с добрыми намерениями, к чему оружие, которое вы скрываете под вашими туниками? Неужели вы думали, что кусок материи помешает нам обнаружить металл?

Напряжение буквально витало в воздухе. Тщетно Эссина и я с одной стороны, Ульна и пожилой синзун со стороны другой пытались вмешаться. Суйликом уже овладела ужасная холодная ярость хиссов, а молодых синзунов обуревала необъяснимая ненависть. Они явно искали с нами ссоры.

Словно *deus ex machina*⁴, внезапно появился офицер охраны в сопровождении четырех хиссов:

– Совет девятнадцати просит своих гостей-синзунов вернуться в предоставленные им временные жилища. Совет напоминает, что на Элле никто, кроме дежурных офицеров-хиссов, не имеет права носить оружие.

У него был мощный шлем-усилитель, поэтому каждая фраза звучала в моей голове отчетливо и сухо, словно ультиматум. Должно быть, синзуны именно так его и поняли, потому что они побледили и вышли. В дверях Ульна обернулась и смерила нас долгим взглядом.

– Что касается тссемлянина, – продолжал офицер, – то его самого и его спутников ждет Аззлем.

Когда мы вошли, Аззлем, Ассза и Ассерок о чем-то ожесточенно спорили.

– Мы в них не нуждаемся, – говорил Ассза. – Хватит одних тссемлян.

– Они сильны и могущественны, – возражал Ассерок. – Почти так же, как мы. Поверьте мне, я видел их планету Арбор. Их там больше, чем нас на Трех Мирах. И потом, у них есть слуги, тельмы, которые...

Он прервался на середине фразы, озаренный внезапной мыслью.

---

⁴ Здесь: чудесный спаситель (лат.).

– Я понял! Синзуны приняли тссемлянина за тельма! Он такой же темноволосый и сильный, как и они!

На Арборе, объяснил он, в отличие от Земли или Эллы, существует не одно человечество, а два: тонкие светловолосые синзуны и плотные темноволосые тельмы. В доисторические времена, впрочем, как и у нас, природа создала несколько прототипов человека. Но если у нас, на Земле, выжил только один тип – остальные были уничтожены или поглощены, – то на Арборе долгое время развивались две разные ветви, населявшие два материка, удаленные друг от друга на огромное расстояние. Когда синзуны открыли второй материк, они уже были слишком цивилизованны, чтобы уничтожать тельмов. Представь себе, что Америка была бы населена близкими родственниками неандертальцев! Европейцы, безусловно, уничтожили бы их. Более высокоразвитые, более гуманные, а быть может, и более практичные синзуны приручили тельмов и полностью взяли их под свою опеку. Со временем положение тельмов улучшилось, но они до сих пор выполняют лишь простейшие работы. Однако следует подчеркнуть, что это объясняется прежде всего их абсолютной неспособностью к самостоятельной деятельности. Обращаются с тельмами хорошо, однако ни о каком равенстве, а тем более смещении рас не может быть и речи: синзуны и тельмы относятся к двум слишком далеким видам со слишком большими физиологическими различиями. Общественное устройство синзунов, основанное на этом полурабстве тельмов, – аристократического типа и немного напоминает устройство древней Японии.

Так вот, оказалось, что своей массивной фигурой, цветом волос и кожи я отдаленно напоминаю тельма! Теперь, чтобы понять реакцию синзунов, представь себе какого-нибудь гордого сёгуна, призванного на бой с ужасным врагом. Он является во всеоружии, и вдруг ему говорят: ты нам не нужен, какой-то шимпанзе уже со всем разобрался!

По мере того как Ассерок объяснял все это, оба Мудреца успокаивались все больше и больше. Они уже поняли: немного дипломатии – и синзуны умерят свои амбиции, если удастся растолковать им, что, несмотря на цвет кожи и волос, я вовсе не тельм. Ассерок сам взялся выполнить эту миссию и отправился к звездолету.

Вскоре он прислал за мной. Суйлик пошел меня провожать. Когда мы были уже почти на виду у часовых-синзунов, он остановился и хотел вручить мне свой фульгуратор.

Я поблагодарил его, однако отказался, уверенный, что бояться нечего. Один из синзунов встретил меня и повел за собой. Звездолет был огромным – более ста восьмидесяти метров в длину! – и нам пришлось долго идти по бесконечным переходам, прежде чем мы добрались до зала, где меня встретили пять синзунов и Ассерок, все в шлемах-усилителях.

Чуть поодаль, в таком же шлеме, из-под которого выбивались длинные золотистые волосы, прислонившись спиной к переборке, стояла Ульна.

Едва я вошел, тот из синзунов, что был старше других, «передал» мне:

– Этот хисс уверяет, что ты – не тельм, а просто черный синзун. Что ж, посмотрим... Расскажи нам о своей планете!

Я не торопясь опустился на металлическое сиденье, устроился поудобнее, заложил ногу за ногу и начал:

– Меня приняли за низшее существо. Я оскорблен не меньше вашего при мысли, что вас опередил какой-то тельм, и все же отвечу вам, из уважения к хиссам. Знайте же, что на моей планете есть только один вид людей, из которых одни светловолосы, как вы, а другие – темноволосы, как я. У некоторых – и таких немало – даже кожа черного или желтого цвета. У нас долго спорили, какая раса высшая, и пришли к убеждению, что все люди равны. И все-таки не так давно мы были вынуждены воевать против некоторых землян, которые объявили себя расой господ, и мы победили, несмотря на их мнимое превосходство.

Так я «передавал» более часа, широкими мазками набрасывая картину нашей цивилизации, нашего общественного устройства, наших науки и искусства. В научном отношении син-

зуны, разумеется, неизмеримо превосходили нас и в некоторых областях продвинулись даже дальше хиссов, но наши успехи в области использования атомной энергии произвели на них впечатление: синзуны решили эту проблему сравнительно недавно.

Мне начали задавать вопросы, все более и более сложные. В конечном счете синзуны пришли к выводу, что я никак не могу быть тельмом, пусть даже внешне похож на них. С этого момента отношение ко мне резко изменилось. Синзуны стали настолько же радушными, насколько еще недавно были враждебными. Ульна сияла: ведь только она встала на мою защиту. Ассерок условился с Хелоном, пожилым синзуном, отцом Ульны и начальником экспедиции, что вечером тот явится на Совет девятнадцати.

Когда мы уходили, Ульна и ее брат Акейон пошли нас проводить. Неподалеку от звездолета мы встретили Эссину и Суйлика. Ассерок ушел известить Аззлема, и мы остались впятером: двое хиссов, двое синзунов и «тссемлянин».

Настроение у нас было приподнятое. Все радовались, что угроза конфликта полностью устранена. Суйлик шепнул мне, что сто ксиллов были уже готовы уничтожить синзунский звездолет, если почувствуют угрозу. Мы неспешно прошествовали к лестнице, спускавшейся к морю, и уселись на ступенях. Разговор зашел о наших планетах, и я пообещал, что я побываю на Арборе перед возвращением на Землю, когда мислики будут побеждены. Об этой победе мы говорили как о чем-то близком и уже решенном. В действительности же ко дню победы от нас не останется даже праха, потому что борьба эта, по всей видимости, будет длиться долгие тысячелетия.

Ульна и Акейон подробно расспрашивали меня о мислике. Они решили сами спуститься в крипту, чтобы узнать, обладают ли синзуны таким же иммунитетом, как я. Мы договорились, что я еще раз выйду к мислику вместе с ними.

В тот же вечер, как и было условлено, состоялась вторая встреча синзунов и Совета девятнадцати. Было решено, что, независимо от исхода опыта на острове Санссин, назначенного на послезавтра, отныне и навсегда хиссы и синзуны станут союзниками в борьбе с мисликами. Держать связь с синзунами поручили Ассзе и Суйлику, которые своими космическими исследованиями заслужили право считаться кандидатами в Совет мудрецов. По их просьбе, в помощники им определили Эссину и меня самого. С синзунской стороны Хелон назначил своего сына Акейона, дочь Ульну и молодого физика Этохана.

Естественно, в хисской делегации у меня был только совещательный голос. Я не мог даже претендовать на то, чтобы официально представлять нашу Землю, так как был чуть ли не похищен с нее – не скажу, что без моего согласия, но все же довольно неожиданно. Тем не менее я был рад своему назначению, сблизившему меня с Эссиной и Суйликом, с которыми я уже сдружился, с Ассзой, к которому испытывал искреннюю симпатию, и, наконец, с синзунами, пробудившими во мне живейший интерес. Тогда это был всего лишь интерес, не более.

Я бы не стал подробно рассказывать о своем четвертом спуске в крипту, но он едва не стоил мне жизни. В то же время после этого случая синзуны стали относиться ко мне совершенно по-иному и окончательно признали во мне человека. До этого все они, за исключением Акейона и Ульны, испытывали ко мне скрытое отвращение.

Я тоже был на них в обиде, потому что видел на борту звездолета нескольких тельмов и, могу тебя заверить, не нашел между ними и собой ни малейшего сходства, кроме разве что роста, плечистости да цвета волос: они, скорее, походят на гипотетическую помесь гориллы с австралийским аборигеном.

Мы прибыли на Санссин на борту звездолета. Огромный корабль показался мне почти таким же послушным, как ксилл. Правда, кабины управления я не видел: в тот раз меня туда не пустили. Самый крупный из хисских ксиллов – им управлял Суйлик – доставил на остров Совет девятнадцати.

Для таких больших аппаратов посадочная площадка Санссина была слишком мала, поэтому ксилл и звездолет сели на воду, и к берегу нас доставили на катерах. Это был первый и последний раз, когда я пользовался на Элле этим транспортным средством.

В крипту я вошел первым, за мной последовали Акейон, Ульна и, для очередного теста, один молодой хисс, имя которого я позабыл. На голове у меня был все тот же модифицированный шлем с усилителем.

Пока я был один, мислик никак не реагировал. Видимо, он меня узнал и вспомнил, что излучение против меня бессильно. Я не ощутил волн его ненависти, только смутное любопытство. Он даже не шевельнулся.

Затем явились остальные в сопровождении десяти роботов. Я уже спрашивал Ассзу, почему они не могут защитить всех нас с помощью отталкивающих полей, но оказалось, что в замкнутом пространстве эти поля быстро поднимают температуру. Единственным нашим оружием был врученный мне пистолет «холодного пламени».

Итак, мои спутники тоже вошли в крипту. Едва они переступили порог, как мислик заскользил к ним навстречу, излучая на полную мощность. Хисс бросился было к выходу, но почти сразу же рухнул на пол. Синзуны остались невредимыми, как и я сам, но вместо того, чтобы немедленно отступить, они ринулись ко мне и на какое-то мгновение закрыли от меня мислика. Воспользовавшись этим мгновением, тот учинил среди роботов настоящее побоище. Когда я наконец смог выстрелить, из десяти целым и невредимым оставался только один. Мислик же степенно направился к туннелю, вполз в него и закрыл своим телом выход. Теперь мы были его пленниками.

Меня, знавшего, что в случае необходимости на помощь нам придет вся невероятная техника хиссов, это не особо встревожило. Меня беспокоил только молодой хисс, потому что мислик продолжал излучать, и с каждой секундой у юноши оставалось все меньше и меньше шансов на выживание.

Предупредив по микрофону, что я попытаюсь сам освободить выход, я знаком предложил синзунам посторониться и двинулся прямо на мислика с пистолетом в руке.

Мислик слабо мерцал в полутьме. Готовый в любую секунду отпрыгнуть в сторону, я выстрелил. Мислик попятился. Я выстрелил еще раз. Продолжая отступать, мислик проник в шлюзовую камеру. Я устремился за ним, и это едва не стоило мне жизни. Внезапно мислик кинулся на меня, и лишь каким-то чудом мне удалось увернуться от него в тесной камере. К счастью, мой усилитель был включен, и я знал заранее, когда он бросится, по усиливавшимся волнам ненависти. Необычная коррида продолжалась добрых пять минут. Наконец мислик скользнул через туннель в крипту, и я последовал за ним.

В туннеле я столкнулся с роботом, выносившим безжизненное тело хисса, и потерял порядка десяти секунд. Эта непродолжительная задержка едва не стоила синзунам жизни. Когда я проник в крипту, моему взору предстало жуткое зрелище: Ульна стояла, прижавшись к стене, Акейон заслонял ее своим телом, а в нескольких метрах от них мислик уже приподнимался, чтобы взлететь и раздавить обоих. Я выстрелил шесть раз подряд. Мгновенно повернувшись, мислик ринулся на меня. Я еще успел увидеть ослепительную вспышку, но затем почувствовал страшный удар и провалился во тьму.

Я вынужден пропустить в своем рассказе примерно с месяц по той простой причине, что все это время был без сознания и не имел ни малейшего представления о том, что происходит вокруг. Лишь потом мне сказали, что мислик едва не расплющил меня, сломав с десятков костей, и разорвал скафандр, из-за чего оказалась обмороженной почти половина тела.

Очнулся я на кушетке, в незнакомой комнате с металлическими стенами. Я лежал на спине, а сверху огромный квадратный отражатель с легким гудением изливал на меня потоки лилового света. Я ощущал ужасную слабость, но боли не чувствовал. Попробовав пошевелиться, я заметил, что руки и ноги у меня в гипсе. Тогда я позвал по-хисски:

– Есть здесь кто-нибудь?

Вошел незнакомый мне синзун. Его волосы были белыми, но не с платиновым отливом, как у хиссов, а того тусклого белого цвета, какими становятся наши под воздействием старости. Он склонился надо мной, взглянул на что-то невидимое для меня, улыбнулся и произнес несколько слов. Гудение стало выше тоном, свет приобрел ярко-фиолетовый оттенок. Я почувствовал покалывание во всем теле; казалось, ко мне мало-помалу возвращаются силы. Синзун вышел, и я остался один. Догадаться о том, что произошло, было нетрудно: судя по всему, я был тяжело ранен и теперь находился в каком-то синзунском госпитале, вероятнее всего на борту звездолета.

Я снова впал в приятную полудрему. Прошло какое-то время – уж не знаю, сколько минут или часов, – и синзун появился опять, на сей раз в сопровождении Сззана. Хисс объяснил мне, что случилось: едва мислик коснулся меня, «горячий свет», который вспыхнул не до удара, как мне показалось, а после, мгновенно усмирив металлического монстра. Ульна и ее брат с трудом вытащили меня, пребывавшего в плачевном состоянии, в шлюзовую камеру.

Когда меня доставили на звездолет, я едва дышал. Синзуны заявили, что позаботятся обо мне сами, во-первых, потому, что по медицинским показателям я был нетранспортабелен, во-вторых, по той причине, что я, по сути дела, спас сына и дочь их командира, и, наконец, потому, что с точки зрения физиологии я, по всей видимости, был гораздо ближе к ним, чем к хиссам. Степень этой близости была сразу же установлена с помощью химико-биолого-гистологического экспресс-анализа, пока аппараты, качественно превосходившие даже все то, что я видел на Элле, искусственно поддерживали во мне жизнь. Оказалось, что у меня точно такая же, как у них, протоплазма, и синзуны без колебаний прибегли к гетеротрансплантации, о чем мы на Земле пока лишь мечтаем. Но они в этом деле мастера и всегда имеют наготове «живое сырье», если можно так выразиться. По правде говоря, если не считать того, что у них всего четыре пальца – при скрещивании с нашим видом этот признак был бы, скорее всего, рецессивным, – они отличаются от нас, европейцев, даже меньше, чем, скажем, китайцы.

Короче говоря, я выжил и совершенно поправился благодаря их знаменитому хирургу Винседому и его хисскому консультанту Сззану, которому в свое время передал немало ценного из опыта земной медицины. Но не следует забывать и про Ульну, которая целыми днями дежурила у изобретенного ею же самой, еще на Арборе, чудесного искусственного сердца.

После того как ко мне вернулось сознание, я очень быстро пошел на поправку. Через три дня я уже мог вставать. С помощью шлема-усилителя я вел долгие беседы с Ульной, ее братом и отцом и даже начал изучать их язык. Так я смог узнать кое-какие подробности о планете Арбор и о самих синзунах.

Несмотря на необычайные успехи науки и техники, у синзунов сохранилась любопытная структура общества, унаследованная от предков. Когда-то все синзунские семейства были благородными, и ни один индивид не занимался физическим трудом, уделом тельмов, низшей расы. Синзуны посвящали себя искусству, путешествиям и войнам. Но последняя война отгрелась на их планете семь с лишним столетий назад, и с тех пор энергия синзунов направлена в русло научных изысканий и исследований Пространства. Тот факт, что Землю открыли хиссы, а не синзуны, объясняется лишь случайностью, ведь галактика синзунов является нашей ближайшей соседкой – туманностью Андромеды. Впрочем, у них было немного шансов попасть именно в солнечную систему, затерянную среди миллионов звезд нашей собственной галактики.

Сейчас около двух миллиардов синзунов живет на самом Арборе и примерно триста пятьдесят миллионов – на других планетах их галактики. Их общественный строй сохранил аристократический характер. Хелон, например, брат шемона – это что-то вроде нашего принца. На Арборе всего четыре шемона, все они – главы четырех родов, восходящих к последним синзунским королям. Политическая структура напоминает пирамиду. На вершине находятся

четыре шемона – это наполовину наследственная должность, в том смысле, что шемоны всегда избираются из одних и тех же семейств, но не обязательно являются сыновьями предыдущих шемонов. Но Ульна объяснит всю эту сложную организацию лучше меня.

На восьмой день после того, как я очнулся, Винседом заявил, что я могу уже выходить. Я не без удовольствия вышел из звездолета в сопровождении Суйлика и Ульны, потом мы не спеша поднялись по Лестнице человечеств, и я увидел, что хиссы действительно добавили к статуе синзуна мислика. То и дело поглядывая на свои крохотные часики, Суйлик чему-то посмеивался про себя; Ульна тоже загадочно улыбалась. Почувствовав небольшую усталость, я захотел вернуться, но они живо меня отговорили, заявив, что мне следует как можно больше бывать на свежем воздухе, и мы присели на каменную скамью, обращенную к морю. К нам подошел Ассза, посидел немного, поболтал о том о сем и, покинув нас, направился к звездолету. По прошествии базика или около того Суйлик снова взглянул на часы и, сморщив зеленое лицо в хитрую гримасу, проговорил:

– Вот теперь мы можем вернуться.

Когда мы поднимались по наружному трапу, двое вооруженных синзунов, стоявших на часах, отдали мне честь. Я удивился: до сих пор часовые так приветствовали только своих офицеров и членов Совета девятнадцати. Ульна и Суйлик куда-то исчезли, оставив меня одного в коридоре, но почти тут же передо мной предстал Акейон, облаченный в великолепную пурпурную тунику и накиннутый на плечи длинный плащ того же цвета; на голове у него сверкал тонкий платиновый обруч.

– Идем! – сказал он по-хисски. – Сейчас состоится торжественная церемония в твою честь, и ты должен быть в праздничном одеянии.

Он увлек меня в одну из кают и помог облачиться в наряд синзунов. Для меня приготовили длинную белоснежную тунику, в которой я казался еще более темным, чем я есть на самом деле, такой же белый плащ и золотой обруч в качестве головного убора.

Следом за Акейоном я прошел в передний зал, расположенный прямо за кабиной управления. В конце этого длинного зала был возведен помост. На нем восседали Хелон и Ульна. На Хелоне была малиновая туника, на Ульне – бледно-зеленая. Все офицеры звездолета, облаченные в черное, и весь экипаж в серых униформах выстроились вдоль переборок. Среди всех этих свободных туник с длинными складками облегающие костюмы Ассзы, сидевшего справа от помоста, и Суйлика, расположившегося слева, выглядели почти непристойными.

Пораженный этим зрелищем, я остановился в нескольких метрах от помоста. Царила полная тишина. Акейон стоял чуть позади меня и не двигался.

Хелон медленно поднялся на ноги и сказал:

– Кто это стоит перед ур-шемоном?

За меня ответил Акейон:

– Вольный и благородный синзун.

– Какой подвиг дает ему право на белую тунику?

– Он спас сына и дочь ур-шемона.

– Какую награду просит этот вольный и благородный синзун?

– Он просит ахен-ретон.

– Что скажут сын и дочь ур-шемона?

– Они согласны! – хором ответили Ульна и Акейон.

– Что скажут вольные и благородные спутники ур-шемона?

– Они согласны! – в один голос отозвались офицеры и экипаж.

– Мы, Хелон, ур-шемон, командир звездолета «Тсалан», находящегося на дружественной планете Элла, от имени всех шемонов Арбора, шемонов Тирана, Сиора, Сертина, Арбор-Тиана и Синафа, от имени всех синзунов Шести Планет, от имени всех мертвых синзунов, от имени всех синзунов, которым еще предстоит родиться, торжественно награждаем синзуна с планеты

Земля, который стоит перед нами, и даем ему за верность и мужество звание синзуна-тхена и ахен-ретон седьмой степени.

Ропот удивления пробежал по рядам. Ульна улыбалась.

– Подойди к помосту, – сказал мне Акейон.

Должно быть, я выглядел довольно комично: смуглый и черноволосый, в белом плаще, на голове – золотой обруч и шлем-усилитель с тонкими дрожащими усиками антенн. Я прошел вперед, еще толком не осознавая, что происходит, и остановился у помоста.

И тогда все синзуны хором запели странную и прекрасную песню, ту самую песню, которую я слышал тем утром, когда впервые увидел Ульну, песню Покорителей Пространства. Меня сотрясла дрожь – дрожь восторга, близкого к благоговению. Я почувствовал, как с меня снимают белый плащ и надевают другой. Песня отзвучала. Теперь на моих плечах был розовый плащ с золотой каймой.

– С этого мгновения, землянин, – продолжал Хелон, – ты – такой же синзун, как и мы. Вот ключи от «Тсалана» и оружие, на которое ты отныне имеешь право, если только наши хозяева-хиссы позволят тебе его носить, – добавил он, улыбнувшись Ассзе.

Хелон протянул мне два символических никелевых ключа – в действительности синзуны, как и хиссы, давно уже не пользуются этими примитивными способами открывать двери – и короткую трубку из сверкающего металла.

– Церемония окончена, – добавил он для меня. – Мы надеемся, что сонг Всеволод Клер согласится разделить с нами трапезу.

– Сонг – это твой титул, – пояснил мне Акейон. – Это самый высокий титул после шемона, ур-шемона и витиана. Он дает тебе право взять в жены любую арборийскую девушку, даже дочь ур-шемона. – после этих слов он лукаво взглянул на Ульну, которая тотчас же залилась румянцем.

Глава 2

Кальвенó вот-вот погаснет!

Вскоре после этой церемонии принятия меня в синзуны я отправился вместе с ними на Рессан, где заседал Большой совет Союза человеческих миров. Собственно говоря, в совет входило всего по одному представителю от каждой планеты, но на Рессане существовали и целые колонии различных человечеств Союза, насчитывавшие от пяти до двадцати тысяч обитателей каждая. Основное население Рессана – примерно сто семьдесят миллионов – составляли хиссы.

Пять тысяч ксиллов поддерживали постоянную связь между колониями и их метрополиями, однако с теми планетами, где еще свирепствовали войны, хиссы общались лишь в крайних случаях, и человечества этих планет, вследствие Закона исключения, в Союзе представлены не были.

На Рессане находились самые совершенные лаборатории. На протяжении многих веков слияние разных цивилизаций порождало необычайные успехи в области науки и искусства. Почти все Мудрецы Эллы проходили стажировку в университетах Рессана.

Совет межпланетного Союза собирался каждые пять эллийских месяцев. Делегатом от Эллы, который, согласно конституции, является председателем Совета, тогда был Аззем. В тот раз заседание совпало с прибытием представителей двух новых человечеств, двух первых известных человечеств с красной кровью, и должно было пройти с особой торжественностью, так как эти два новых человечества оказались неуязвимыми для смертоносных излучений мисликов. По правде сказать, будучи официальным представителем планеты, на которой все еще продолжались войны, я, в принципе, не имел права на нем присутствовать.

Мы вылетели на рассвете. Дня за три до этого в той части Эллы, где я жил, начался сезон дождей, и на астропорт обрушился сильнейший ливень. Мне предстояло лететь с синзунами, а

не в большом ксилле, пилотируемом Суйликом. Мне уже доводилось летать в ксиллах, к тому же я не без удовольствия думал о том, что полечу вместе с Ульной.

Ты уже, вероятно, понял, что я с первого же взгляда проникся к ней живейшей симпатией. Судя по некоторым признакам – в частности, по многочисленным шуткам ее брата, – она, похоже, отвечала мне взаимностью. Да и потом, несмотря на дружбу с Суйликом, Эссиной и другими хиссами, я все же чувствовал себя чужим среди этих зеленокожих существ, а среди синзунов, напротив, был словно среди земляков.

Звездолет начал набирать высоту под проливным дождем, но уже через несколько секунд мы пробили слой туч и устремились к небу. Я сидел в кабине управления вместе с Ульной, Акейоном и реном – так по-синзунски называется старший помощник командира корабля – Арном, кузеном Ульной, который и управлял судном. В одном отношении техника синзунов все же уступает хисской: хотя в звездолете воздействие ускорения на наши тела сведено к минимуму, устранить его полностью, как в ксиллах, синзунам еще не удалось. Зато сохраняется ощущение колоссальной мощи, совершенно отсутствующее при взлете ксилла.

Полет прошел без каких-либо происшествий. Пройдя вдаль от Марса, мы взяли курс прямо на Рессан. Эта планета, в силу своей большей удаленности от Иалтара, меньше Эллы и значительно холоднее. Вскоре мы заметили ее на переднем экране – зеленоватый шар, выросший на глазах.

Сели мы в северном полушарии, неподалеку от Дворца миров. Он стоит на высоком плато, окаймленном снежными хребтами, дикими и обрывистыми. Внизу их склоны покрыты темной зеленью. Вся растительность Рессана зеленая, но не такая, как на Земле, а гораздо более темная, скорее даже зелено-синяя, однако вокруг дворца хиссы посеяли свою желтую траву. Сверху это ярко-желтое пятно выглядело забавно, – казалось, ты смотришь на клумбу золотистых бутонов, раскрывшихся где-то посреди поля.

Синзунов было мало для организации самостоятельной колонии – всего двести семь, – поэтому нас разместили в Доме чужестранцев, расположенном близ дворца, который в промежутках между сессиями Совета обычно пустует. Первое заседание должно было состояться только через неделю – разумеется, эллийскую неделю, восьмидневную, – и какое-то время мы могли чувствовать себя там полноправными хозяевами.

Эти восемь дней – дней примерно таких же, как и эллийские, то есть насчитывающих двадцать семь земных часов каждый, – оказались одними из лучших в моей жизни. К нам присоединились Суйлик и Эссины, и вместе с ними, Ульной и Акейоном я совершал восхитительные прогулки по диким и прекрасным окрестностям. Надо было только возвращаться засветло: если днем на Рессане температура вполне умеренная, то ночи морозные – температура часто падает до минус десяти, а то и ниже. Правда, после несколько расслабляющего климата Эллы холод доставлял мне одно удовольствие! Синзуны тоже переносили его хорошо, зато хиссы оказались ужасными мерзляками и если засиживались у нас до темноты, то потом, чтобы пройти по плато до своего ксилла, вынуждены были надевать скафандры.

Неподалеку я нашел снежный склон и с помощью механиков звездолета соорудил себе пару лыж. О, видел бы ты, насколько ошеломленными выглядели хиссы и синзуны, когда впервые увидели меня мчащимся вниз по склону и вздымающим снежную пыль! Впрочем, синзуны вскоре последовали моему примеру, и я получил звание лыжного тренера планет Иалтара! Соблазнить Суйлика и Эссины оказалось куда труднее, и ко дню заседания Совета они научились проходить, не падая, разве что по нескольку метров.

Аззлем прибыл накануне вместе со вспомогательным персоналом хиссов, отвечавшим за освещение и отопление дворца. На следующий день, с самого рассвета, начали прибывать ксиллы и реобы, и уже часам к десяти утра все плато, насколько хватал глаз, было покрыто сверкающими чечевицами и металлическими птицами. Потом двери открылись, и процессия делегатов потянулась к дворцу.

Мы наблюдали за ней, взобравшись на ксилл Суйлика. Впереди шествовал Аззем, за ним – Хелон. Затем перед нами продефилировали представители всех миров, которых я уже видел на Большой эллийской лестнице, но на сей раз во плоти и крови. Господи, что за зрелище! Мимо меня проходили создания с зеленой, синей и желтой кожей, большие и маленькие, прекрасные, уродливые и ужасающие, как гигант-кайен с глазами омара, прибывший из галактики, расположенной почти так же далеко, что и наша, но в другой стороне. Некоторые так сильно напоминали хиссов, что их можно было бы спутать, и Суйлик лукаво подтолкнул меня, когда мимо прошел крен с планеты Мара – там производят тошнотворный напиток абен-торн, которым гостеприимно угощают всех чужеземцев. Процессию замыкали существа, в которых уже не было ничего человеческого, кроме разума; некоторые походили на страшных панцирных насекомых. Кorteж порождал ошеломляющее ощущение бесконечного разнообразия природы.

– Да, – меланхолично заметил Суйлик, – человеческих планет так много, что едва ли хоть кому-нибудь удастся побывать на всех без исключения.

Пропустив делегатов, мы тоже проследовали во дворец. Если снаружи он представлял собой массивный голый монолит, то внутри помещения были украшены фресками и скульптурами, созданными художниками различных планет, а в стены внешней галереи были встроены панорамы столиц всех человеческих миров. Мы прошли через зимний сад с удивительными растениями: Суйлик показал мне пышный, словно сделанный из золота цветок, заключенный в прозрачный герметический шар. Это был знаменитый стeнет с планеты Ссин Первой вселенной. Из-за него там нет ни зверей, ни птиц, потому что эти восхитительные цветы источают ядовитый аромат, смертельный для всего живого даже в ничтожных дозах.

По лестнице из полупрозрачного зеленоватого камня, похожего на обсидиан, мы поднялись к маленькой ложе, нависшей над залом заседаний. Справа от меня оказалась Ульна, слева – хрупкое женственное создание с бледно-голубой кожей, иссиня-черными волосами и огромными фиолетовыми глазами, хр'бенка с планеты Фарен звезды Вессар Одиннадцатой вселенной.

Внизу, в амфитеатре, рассаживались по местам делегаты Союза. Перед каждым был маленький пюпитр с блестящими сложными приборами. Стояла удивительная для столь многочисленной аудитории тишина.

У хиссов очень развито искусство мизансцены. Свет погас, узкий луч прожектора осветил сначала возвышение, затем подымающуюся из люка площадку, на которой в сверкающих металлических креслах сидели Аззем и еще четыре представителя других планет, в том числе и Хелон. Никто не шевельнулся, не издал ни звука. Аззем встал и заговорил. Он говорил по-хисски, но благодаря мощным усилителям мысли каждый слышал его на своем родном языке. Он сообщил о решениях, принятых между сессиями, рассказал о моем прибытии, о синзунах и о нашей чудесной неуязвимости перед излучениями мислика. Отныне благодаря нам борьба с мисликами вступает в новую фазу: из оборонительной она превратится в наступательную, и первым ее этапом будет глубокая разведка в тылу врага, в самом сердце одной из Проклятых галактик. Возможно, пролетят века, прежде чем враг будет отброшен. Но время отступления прошло. Оружия для уничтожения мисликов вполне достаточно: все, что дает тепло, уже и есть оружие! Только до сих пор им трудно было пользоваться, потому что излучения мисликов убивали слишком многих.

Аззем говорил долго. Он доложил собранию, представлявшему собой цвет человечеств вселенных, об особенностях наших организмов. По-видимому, иммунитет землян объясняется тем, что в наших телах, как и в телах мисликов, присутствует некоторое количество железа. Несмотря на это сходство с порождениями Мрака, мы были признаны людьми без всяких оговорок. Синзуны могли сразу вступить в содружество планет, поскольку уже давно покончили с войнами. Землян, к сожалению, пока можно было считать лишь союзниками, но их цивили-

зация еще молода, и Аззлем надеялся, что скоро они с полным правом займут свое место в Союзе человеческих миров.

– Вступительная речь, – без всякого почтения к оратору шепнул мне Суйлик. – Особого значения ей придавать не стоит. Настоящая работа начнется в комитетах. Закон исключения не позволяет принять тебя в Союз, но ты включен в хисскую группу.

– Почему в хисскую? – спросил я.

– Пусть ты и принят в ряды синзунов, обнаружили тебя мы. Не забывай об этом!

Аззлем сел. Несколько минут царил тишина. Затем раскатами загремела неизвестная мне хисская песня. Не скажу, чтобы она меня тронула. Я уже говорил, что их музыка слишком сложна для нас: она включает в себя столь высокие и низкие звуки, что мы уже не в состоянии их воспринимать. Но, повернувшись к Эссине и Суйлику, я был потрясен выражением их лиц. На них отражался экстаз, мистическое единение со всеми существами зеленой или синей крови. Внизу, в зале, освещенном сиреневым светом, на всех лицах было такое же выражение отрешенности и покоя. Моя соседка с бледно-голубой кожей также подпала под очарование этой песни. Казалось, песня не увлекла только восседавшего на помосте Хелона, Ульну с братом да меня. И вдруг в моей памяти всплыл забытый образ: когда-то, еще на Земле, я видел в кинохронике толпу фанатиков Лурда⁵, ожидающих чуда. Такие же лица были у представителей всех человечеств вселенных.

Песня звучала не смолкая: то было воззвание к Богу-Создателю, животворящему, всепобеждающему Свету.

Снова воцарилась тишина. Все эти существа из иных миров долго еще сидели неподвижно в глубокой задумчивости. Наконец Аззлем подал знак, и собравшиеся начали расходиться.

– Я и не знал, – сказал я Суйлику, – что вы, хиссы, обратили все человечества в свою веру!

– Мы их не обращали! Да ты и сам знаешь, что я – неверующий. Слова песни не так уж важны. Но музыку написал много веков назад Риенсс, величайший композитор Эллы-Вен, и она до сих пор приводит нас в экстаз. Видимо, точно так же она действует и на другие человечества. А поскольку у всех религий в глубине глубин есть нечто общее... Но неужели ты сам ничего не почувствовал?

– Нет. Думаю, и на синзунов ваш гимн не произвел впечатления.

– Молчи! Не говори так! Хотя бы до поры до времени. Мои соотечественники в этом смысле суеверны. Люди-насекомые тоже ничего не чувствуют, и вначале это вызывало немало трудностей. Поговаривали даже об их исключении из Союза. Правда, вас не исключат! В борьбе с мисликами вы – наша единственная надежда.

Сессия Совета продолжалась одиннадцать дней. Второе пленарное заседание состоялось только в день закрытия. Вся работа велась в технических комитетах, и я в ней участвовал как член хисской делегации. После торжественного закрытия сессии мы возвратились на Эллу. Синзуны, к моему глубочайшему огорчению, остались на Рессане.

Я вернулся к привычной жизни. Жил я по-прежнему у Суйлика и почти ежедневно бывал в Доме мудрецов, где вместе с Ассзой и Сззаном занимался исследованиями в области сравнительной биологии. Ассзе удалось искусственно воспроизвести излучение мислика. Я так и не смог понять всех его особенностей; могу лишь сказать, что это направленная радиация, не имеющая ничего общего с электромагнитными излучениями. Хиссы, синзуны да и некоторые другие человечества уже вступили в область физики, о которой наши земные ученые даже не подозревают.

Теперь я чувствовал себя на Элле почти как дома. По-хисски я говорил если и не вполне правильно, то довольно-таки бегло и уже не нуждался в шлеме-усилителе. Эллийцы считали

⁵ Лурд – город во Франции, один из крупнейших в Европе центров паломничества католиков.

меня своим, у меня были друзья, знакомые, работа. Совершенно официально я, биолог-землянин, был включен в качестве «иностранного специалиста» в Биологическую секцию по борьбе с мисликами, где сотрудничал с Рассеноком и Сззаном и сам руководил группой из примерно десяти молодых биологов-хиссов. Я настолько сроднился с Эллой, что однажды в разговоре с Ассзой вполне серьезно провозгласил: «Мы, хиссы...» – вызвав вполне естественный взрыв смеха. Хиссы – действительно прекрасный народ, веселый и доброжелательный, несмотря на некоторую душевную холодность; во всяком случае, с ними легче ладить, чем с чрезмерно щепетильными синзунами.

Через месяц звездолет вернулся с Рессана, и я с радостью включил в свою группу Ульну и Акейона.

Обычно мой день протекал так: я вставал на рассвете, завтракал вместе с Суйликом и улетал в лабораторию. По прибытии я спускался на террасу и заходил за Ульной и ее братом. Мы работали до полудня, а затем обедали либо в Доме чужестранцев, либо – гораздо чаще – в звездолете. Затем возвращались в лабораторию и выходили оттуда часа за два до заката. Если погода была хорошая, мы купались в заливе. Заплывать далеко было опасно, потому что море кишело всиивзами, исключительно хищными рыбами, но залив перегораживала волновая завеса хассрна, отгонявшего их дифференцированными абиотическими лучами. Помимо наших товарищей по лаборатории к нам часто присоединялись Эссина и Суйлик. Хиссы – непревзойденные пловцы! Суйлик не раз проплывал у меня на глазах стометровку за сорок семь секунд, играючи побивая наш мировой рекорд.

Как и синзуны, хиссы увлекаются физическими упражнениями. Они гораздо слабее землян, зато намного гибче. Мне надоело, что меня все время оставляют позади и в плавании, и в прыжках, и в беге, и я ввел на Элле состязания по метанию ядра, диска и копья, вернее, не ввел, а возродил, так как у хиссов некогда существовали похожие виды спорта.

Уже в темноте мы с Суйликом возвращались домой на реобе. По дороге Суйлик учил меня распознавать созвездия на их небосклоне. Иногда мы, уже дома, засиживались допоздна, просто глядя на звезды или наблюдая за ними в маленький телескоп. Хиссы – космический народ: у них даже дети знают наизусть все созвездия. Это спрашивают на экзаменах. По вечерам к нам иногда прилетала Ульна с братом – в маленьком, похожем на торпеду аппарате, гораздо более быстром, чем реоб, но менее устойчивом.

Пока я со своей группой работал в лаборатории, пытаюсь найти для хиссов действенную защиту от излучений мисликов – кое-каких результатов мы все же добились, – Суйлик и сотни других командиров ксиллов усиленно тренировались, овладевая оружием, которое должно было сыграть решающую роль в предстоящей борьбе. Остров посреди Зеленого моря был превращен в учебную мишень, оттуда эвакуировали жителей. На него обрушили сотни бомб, начиная с атомной, похожей на нашу, и кончая страшными разрушительными снарядами, о которых мы на Земле, к счастью, не имеем представления, – о них я тебе еще расскажу.

Затем, в один из дней, я получил приказ освоить управление ксиллом. Задача оказалась не из легких, и прошло более трех месяцев, прежде чем я с ней справился. В Пространстве управлять таким аппаратом не труднее, чем реобом. Самое сложное – проходить через ахун, и, несмотря на все мои старания, я получил на экзамене только свидетельство второго класса, что примерно соответствует нашему званию «капитана каботажного плавания». Тем не менее, действуя методом проб и ошибок, я научился уходить в ахун и выходить из него более или менее точно. Но я никогда не залетал дальше Четвертой вселенной. Чтобы сразу преодолеть по-настоящему большое расстояние, а главное – вернуться, требуются такие математические способности, каких у меня не оказалось. По правде сказать, я так ничего и не понял в теории ахуна и пользовался ксиллом подобно многим земным женщинам, которые довольно прилично водят автомашины, абсолютно не разбираясь в двигателях внутреннего сгорания.

Как ни странно, позднее мне было гораздо легче управлять звездолетом синзунов. По словам хиссов, да и самих синзунов, звездолет уходит в ахун – по-синзунски «pp'oop» – совершенно иначе. Хиссы даже не уверены, что это тот же самый ахун! Как выяснилось, если ксилл и звездолет вместе уходят в ахун и проводят там одинаковое время, они никогда не выныривают в одном и том же районе вселенной. Расстояние между ними иной раз достигает четверти светового года!

Из этого периода жизни на Элле мне особенно запомнился один вечер. В виде исключения Суйлик, Эссина и я остались ночевать в Доме чужестранцев. Мы сидели на пляже, поджидая Ульну и Акейона. Суйлик только что официально объявил мне о том, что у них с Эссиной скоро свадьба, на которой я должен буду играть роль стеен-сетана. Ульна почему-то пришла одна и села рядом со мной. Небо в ту ночь было удивительно ясное, и частые звезды блистали ярче обычного.

Суйлик вздумал меня экзаменовать, и мне пришлось показать ему красновато-желтый Ориабор, красный Шессин-Сиафан, голубоватый Бероэ из созвездия Сиссантор и так далее.

– А ну-ка, скажи, не глядя, какая звезда сейчас сияет ярко-синим светом позади тебя примерно на тридцать градусов над горизонтом? – спросил Суйлик.

– Кальвено! – ответил я торжествующим тоном и обернулся, чтобы проверить свой ответ. – Но, по правде говоря, эта Кальвено не такая уж яркая и не такая уж синяя.

– О, это зависит от высоты над горизонтом, – отозвался Суйлик, не поворачивая головы. – Однажды я был на одной из ее планет. Необитаемой, но очень красивой.

Тут подошел Акейон с парочкой его друзей-синзунов, и мы заговорили о другом. С тех пор я часто думал о том, что, должно быть, я первым заметил изменения в спектре Кальвено. Для хиссов это была давно знакомая звезда, расположенная в каких-нибудь шести световых годах от Эллы, поэтому астрономы, а тем более простые граждане не слишком жаловали ее вниманием.

Свадьба Суйлика состоялась примерно через два эллийских месяца после этого вечера. На Элле существует два типа свадебных церемоний. Самый простой заключается в том, что жених и невеста приходят к официальному лицу и объявляют о вступлении в брак. Другой, гораздо более сложный, совершается по древним обычаям. Суйлику пришлось избрать второй вариант, потому что он женился на дочери великого распорядителя мистических эмоций – «главного жреца», как сказали бы мы.

Так как мне предстояло играть роль стеен-сетана, за неделю до церемонии ко мне явились двое молодых жрецов-хиссов, которым предстояло научить меня всем обрядам. Некогда, в эпоху протоисторических войн, свадебные торжества между молодыми людьми из разных кланов нередко прерывались нападением юношей из клана невесты, не желавших ее отпускать. Поэтому жених выбирал из родни невесты или из какого-нибудь другого рода, но только не из своего, защитника, стеен-сетана, который охранял молодоженов три дня, пока не завершится свадебная церемония. Этот стеен-сетан чаще всего был прославленным воином, или влиятельным вождем, или жрецом. Разумеется, сейчас нет и речи о вооруженном нападении, но все же веселящие свадебные напитки оказывали свое действие и свадьбы иной раз заканчивались серьезными потасовками. Кроме того, похищение невесты хотя бы на одну минуту аннулировало весь обряд, и свадьбу приходилось начинать сначала. Суйлик выбрал меня как друга, но в то же время надеялся и на мою физическую силу как землянина. Делать было нечего – я начал набирать среди родственников Эссины одиннадцать помощников, на которых имел право, и выбрал скроенных крепче всего.

Первая церемония, сугубо приватная, состоялась в доме Эссины. На ней присутствовали только члены семьи, жрецы да я в качестве стеен-сетана. Обряд был прост: длинные молитвы, во время которых Суйлик откровенно скучал, хотя Эссина и все остальные были по-настоящему серьезны, несколько древних гимнов без резких падений и взлетов, типичных для совре-

менной музыки хиссов, – и всё. Потом в чаше зажгли зеленый огонь – цвета хисской крови! – который должен был гореть все три дня. На второй день жених и невеста поклялись малой клятвой, обещая друг другу защиту и помощь – о верности не было речи, потому что это разумелось само собой. Затем состоялся малый банкет, только для близких друзей. Лишь на третий день мне пришлось отрешиться от благодушной роли праздного наблюдателя.

Этот день начался с клятвы Звездам: супруги поклялись воспитать своих детей в любви к Свету и в ненависти к сыновьям Ночи и Холода. Затем последовал пятичасовой перерыв для молитв и наконец большой пир.

Он проходил в местном Свадебном доме. За столом собралось более четырехсот человек. Пришли все сотрудники научных лабораторий и даже несколько Мудрецов – великая честь, оказанная Суйлику за его заслуги и за то, что он открыл человечество с красной кровью. Среди них был и Ассза; мимоходом он сообщил мне, что мислик погиб. Явилась целая делегация от капитанов ксиллов во главе с адъютантом «адмирала», были и двадцать семь синзунов, в том числе, разумеется, Ульна и ее брат, и множество хиссов, знакомых и незнакомых. Я с удивлением увидел слева от Эссины молодую хр'бенку с бледно-голубой кожей. Это оказалась университетская подруга Эссины, уроженка Рессана, откликавшаяся на нежное имя Бейшитинси-анторепансерозет. Уф!

Меня с моими одиннадцатью помощниками поместили за отдельным столом возле единственного входа в зал. Воспользовавшись своей привилегией, я пригласил к нам Ульну и ее брата.

Блюда следовали одно за другим, все в виде желе разных цветов и далеко не одинакового качества: одни были восхитительными, другие – так себе, третьи – откровенно невкусными. Напитков тоже было много, все с небольшим содержанием алкоголя и, на мой вкус, довольно посредственные. К концу ужина Церан, капитан-лейтенант хисского флота, преподнес Суйлику знаменитый абен-торн кренов с планеты Мара.

Видел бы ты лицо Суйлика! И тем не менее ему пришлось выпить этот напиток, от которого его мутило. Из любопытства я тоже попробовал и был приятно удивлен: абен-торн похож на старый виски самого лучшего качества! Ульне и ее брату он тоже пришелся по вкусу, и мы втроем прикончили бутылку на глазах ошеломленных хиссов.

Как бывает на всех эллийских вечерах, в зале царило самое непринужденное веселье. Мне просто нечего было делать в качестве стеен-сетана, и я уже думал, что моя миссия окончена, когда послышался какой-то шум. Ассза, у которого было срочное дело в Доме мудрецов, ушел раньше, дверь оставалась неприкрытой, и снаружи отчетливо доносились нестройные выкрики. Я сразу поднялся и построил своих соратников. Десятка три молодых хиссов подходили к дверям, распевая древнюю боевую песню. Согласно обычаю, они хотели силой ворваться в зал и похитить невесту. Моя задача заключалась в том, чтобы любой ценой задержать их на полбазика.

Схватка была жаркой! Нападавшие ринулись на нас очертя голову. Мы встретили их градом тумачков, и тут я показал, на что способны земляне! Давненько я не участвовал в таких свалках, еще со студенческих времен, когда вместе с тобой играл «столба» в регби. Битва продолжалась уже четверть базика с переменным успехом, однако «противнику» никак не удавалось проникнуть в зал. И вдруг над головами нападавших я увидел реоб, пикировавший со страшной скоростью.

Из кабины выскочил хисс, которого я сразу узнал по гигантскому росту, – Ассза. Он бежал к нам и что-то кричал, но из-за общего шума ничего не было слышно, а передавать мысли он не мог, потому что находился слишком далеко. Расшвыривая всех, я бросился ему навстречу, повторяя: «Да замолчите же, замолчите!» На пару секунд крики стихли, и мне удалось уловить:

– Кальвено вот-вот погаснет! Кальвено вот-вот погаснет!

Глава 3

Шансов на возвращение – ноль

Внезапно на всех нас – как на нападавших, так и на моих товарищей или простых гостей – обрушилась мертвая тишина. Все сразу поняли смысл этих слов. Со времен Валтасара, узревшего на стене огненную надпись: «мене, текел, фарес», которая пророчила ему погибель, пирующих еще не поражали более страшные слова.

Ассза наскоро объяснил: на банкете ему передали записку от Аззлема с просьбой немедленно явиться в Дом мудрецов. Там Аззлем показал ему спектрограммы, полученные из центральной обсерватории на горе Арана. Для астрофизика картина была совершенно ясна: спектр Кальвено приближался к зловещему спектру Проклятых галактик. Так как со Свадебным домом не было телевизионной связи, Ассза тотчас же сел в свой реоб и поспешил к нам.

Суйлик встал и медленно приблизился к нам.

– Насколько я понимаю, – сказал он, – мыслики уже на планетах Кальвено. – Потом поморщился и пробормотал: – Пять световых лет. Всего пять!

– Да защитит Иалтар немеркнувший Первозданный Свет! – добавила Эссина.

Все молчали. Я видел перед собой бледные лица гостей.

– Но должно быть, они появились там недавно, – сказал я. – Всего три года назад Суйлик был на Риссмани и ничего не заметил.

– Я был на одном лишь Риссмани, – возразил Суйлик, – а не на Эрфене, Сионе и Шестой и Седьмой планетах. А мыслики наверняка на Шестой и Седьмой. Остальные для них слишком горячи, по крайней мере пока...

Снова воцарилась тишина, затем Ассза заявил:

– Как бы то ни было, обсуждать это надо не здесь. Пусть тссемлянин пойдет со мной. Остальные, те, кто занимают официальные посты, должны быть на местах этим же вечером. Однако непосредственная опасность Иалтару еще не угрожает. У нас есть колонии на всех наших планетах, даже на самых холодных, а воздействовать на наше солнце с Кальвено мыслики не могут. Суйлик и Эссина, пусть эта ночь останется вашей ночью. Вы присоединитесь к нам завтра в полдень.

Мы вышли вместе с синзунами. В реобе Ассза был более откровенным: не только Кальвено поражена насмерть – угрожающие признаки замечены также в спектрах Эль-Тоэи и Асселора. Завтра Мудрецы с согласия административных правительств Эллы, Марса, Рессана и Совета Союза человеческих миров объявят военное положение. Ситуация ясна: мыслики вторглись в Первую вселенную.

Когда мы уже приближались к Дому мудрецов, над полуостровом Эссентем нам встретилась целая эскадра ксиллов: примерно сто аппаратов в плотном строю быстро набирали высоту. Странно было смотреть, как сверкающие чечевицы, десяток за десятком, взмывают ввысь и теряются в синеве неба.

– Первый разведывательный полет на Кальвено, – объяснил Ассза. – А сколько их возвратится? Мы не знаем, где мыслики на планетах или в межпланетном Пространстве. Для тех, кто обнаружит их первыми, шансы на возвращение практически нулевые. – Помолчав, он добавил: – Суйлик будет в ярости. Этой эскадрой должен был командовать он.

– А какой будет моя роль? – спросил я.

– Ты полетишь со второй эскадрой в ксилле со смешанным экипажем из синзунов и хиссов.

Когда мы опустились рядом со звездолетом, я увидел, что входная лестница поднята, знамена убраны, люки задраены: чудовищный корабль изготовился к бою.

Мы прошли прямо в зал Совета. Пленарное заседание уже началось: девятнадцать Мудрецов сидели в первом ряду, остальные – позади них. Мне указали на место во втором ряду, возле представителей синзунов. Говорить, в сущности, было не о чем: вопрос о войне или мире был уже решен. У хиссов не оставалось выбора, они должны были изгнать мисликов любой ценой, а потом попытаться перенести войну в Проклятые галактики.

Использовать синзунский звездолет было пока невозможно: Кальвено находилась слишком далеко, чтобы лететь к ней сквозь Пространство, и слишком близко, чтобы синзуны с их техникой рискнули устремиться через ахун. Решено было, что часть синзунов займет место в ксиллах, а остальные вернутся на Арбор за подкреплением.

Звездолет улетел на заре, оставив на Элле с полсотни синзунов, в том числе Ульну и Акейона. В полдень прибыли Эссина и Суйлик, и все вместе мы отправились на остров Аниасц, где сосредоточивалась вторая эскадра. Лететь до него пришлось девять часов: Аниасц находился в другом полушарии Эллы.

Вторая эскадра состояла из ста семидесяти двух ксиллов различных типов, от легких, вроде того, что доставил меня с Земли, до огромных тяжелых, диаметром более ста пятидесяти метров, с экипажем в шестьдесят хиссов и могучим вооружением. Некоторое время мы бродили среди всех этих аппаратов, пока Суйлик не указал на ксилл средних размеров.

– А вот и наш корабль, флагманский! – произнес он шутливо, но не без гордости.

Это был странный корабль со странным экипажем, состоявшим из Суйлика, командира эскадры, Снезина, штурмана, и еще десяти хиссов и Ульны. Акейон, молодой физик-синзун Херанг и я сам образовали «десантный отряд». Наконец, к нашему удивлению, два хр'бена должны были испытать разработанное ими в лабораториях Рессана нетермическое оружие: уже знакомая мне Бейшитинсианторепансерозет и ее друг Сеферантозинансерозет. С общего согласия мы – хиссы, синзуны и тссемлянин – решительно усекли эти слишком длинные имена и в дальнейшем звали их просто «Бейшит» и «Сефер».

В последующие дни мы тренировались под руководством хиссов, осваивая их оружие и управление ксиллами. Херанг, Ульна и Акейон, уже знакомые с прохождением через ахун по синзунскому методу, довольно быстро освоили ксиллы и перегнали меня. Естественно, они гораздо лучше меня знали синзунское вооружение, но зато я в совершенстве изучил оружие хиссов. Что касается нового оружия, изобретенного хр'бенами, то мы не имели возможности его испытать, потому что оно воздействовало только на мисликов.

Утром шестого дня нас всех вызвали в Дом Мудрецов. Мы прибыли туда на ксилле почти мгновенно. Разведчики вернулись: двадцать четыре ксилла из ста двух. Как и предсказывал Ассза, потери оказались огромными. Кальвено почти угасла, но сияние ее еще доходило до Эллы и казалось таким же ярким, с чуть заметной красинкой, хотя звезда умерла пять лет назад. Суйлик содрогнулся, когда осознал, что мислики еще во время его путешествия на Риссман вот уже два года как орудовали на Шестой и Седьмой планетах.

Теперь обледеневшая поверхность этих планет буквально-таки кишела мисликами. И точно так же, как и на планетах звезды Склин, они воздвигали там чудовищные металлические пилоны. Застать их врасплох было невозможно, потому что мислики, разбившись на девятки, патрулировали межпланетное Пространство. Ксиллам разведывательного отряда удалось разбомбить пилоны на Шестой планете, но подойти к Седьмой они не смогли. Итак, нам следовало достичь Седьмой планеты, высадиться – это относилось к синзунам и ко мне, тссемлянину, – постараться разрушить таинственные пилоны и, если удастся, возвратиться на Эллу. Чтобы хоть отчасти уберечь нас от ударов пикирующих мисликов, хиссы соорудили бронированные машины.

Я бы покривил душой, если бы сказал, что эта программа привела меня в восторг. Я заранее холодел от ужаса при мысли, что мне придется высадиться на неизвестной планете и сразиться с неведомыми существами, имея в товарищах тех, кого я едва знал. Но отступить

было поздно. Я был гостем хиссов, они считали меня своим и открыли мне немало секретов. И наконец, я был нечувствителен к излучениям мисликов. Не мог же я стоять в стороне, когда Эссина и Суйлик согласились без колебаний, хотя им излучения несли смерть! Кроме того, защищая Иалтар, я защищал и наше Солнце, защищал жизнь своего человечества. Поэтому я согласился.

Мы вылетели утром следующего дня. Переход через ахун оказался предельно коротким; почти сразу же мы вынырнули в Пространство близ орбиты Риссмана, третьей планеты системы Кальвено.

Только не думай, что планеты есть у каждой звезды. В действительности звезды со спутниками встречаются довольно редко. Если верить хиссам, планеты имеются лишь у одной звезды из ста девяноста. В среднем лишь две планеты из десяти пригодны для жизни. Наконец, всего одна из тысячи планет, опять же в среднем, населена существами, которые могут быть названы людьми. Риссман относился к разряду планет, пригодных для жизни, но необитаемых: его фауна примерно соответствовала той, что водилась на Земле в кембрийский период.

На Риссмানে сосредоточивались все силы ударной эскадры. По величине эта планета представляла собой нечто среднее между Землей и нашим Марсом. До нашествия мисликов ее озаряло ослепительное синее солнце – по словам Суйлика, одно из самых красивых в Первой вселенной. Но теперь Кальвено поднималась над горизонтом как зловещий, окровавленный глаз. Почва была покрыта снегом и сжиженным углекислым газом. Температура снизилась до минус ста с лишним градусов, все живое погибло, быть может за исключением глубоководных, укрывшихся на дне замерзших океанов.

Наш лагерь был таким страшным и неприветливым, что я не берусь его описать. Но все же попробуй представить себе бескрайнюю угрюмую равнину, сумеречное красно-лиловое небо, смутные сугробы на холмах, а между ними утонувшие в снегу чечевицы ксиллов, темные и сверкающие, и крохотные фигурки в скафандрах, с трудом передвигающиеся от аппарата к аппарату. Кальвено устало опускалась за плоский горизонт, и свет ее багровыми отблесками тянулся по ледяному полю, словно указывающие на нас окровавленные пальцы.

Жалкое, беспомощное создание, затерянное в безграничной вселенной, я почувствовал, как далеко от меня Земля, внезапно ощутил те миллиарды километров, что отделяли меня от родной планеты. Мне казалось, что настал апокалипсис, конец света, что мы где-то вне времени. Даже хиссы были для меня в тот момент чужими, существами иного мира, ничем не связанного с нашим. Наверное, Ульна чувствовала то же самое: я видел, как она побледнела и задрожала. Акейон и другой синзун с непроницаемыми лицами, неподвижно и молча сидели перед экраном.

Я слышал, как Суйлик в кабине управления, в сеалле, отдает приказы по радио. Голос его звучал спокойно и холодно, но чуточку дрожал, что у хиссов является признаком крайнего волнения. Еще бы! Столь важную миссию ему доверили впервые. Он знал, что вряд ли вернется на Эллу, но все равно был рад, что именно ему, молодому открывателю планет, поручили возглавить ударную группу.

Я уселся в кресло, перебирая в памяти все, что знал об оружии, которое мне вскоре предстояло пустить в ход против мисликов, и об управлении сахьенами, бронированными машинами, которые должны были защитить нас от мисликов. Ульна тронула меня за плечо и спросила по-хисски:

– Не хочешь прогуляться по Риссману? Суйлик только что объявил, что мы пробудем здесь где-то с базик.

Ее певучий голос делал даже хисские слова необыкновенно мелодичными. Она склонилась ко мне, и ее смугло-золотистое лицо со спадающими по сторонам белокуроыми волосами показалось мне таким земным среди зеленых лиц хиссов, что я был потрясен. Почувствовав

мою растерянность, Ульна улыбнулась чудесной улыбкой синзунок, которую ты сейчас видишь на ее губах.

– Хорошо, – сказал я. – Пойдем.

– Только не задерживайся! – прокричал мне Суйлик. – Скоро вылетаем. Ах, если бы ты мог видеть Риссман раньше!.. Но теперь все кончено; прежним ты его уже не увидишь, – добавил он, уже тише.

Мы мало что успели сказать друг другу во время той прогулки между ксиллами по обледеневшей почве Риссмана, и все-таки именно с того момента между мной и Ульной возникло чувство близости. А сблизиться с синзунами совсем не просто: их гордая сдержанность не имеет ничего общего с довольно равнодушной любезностью большинства хиссов, но если уж они дарят кому-нибудь свое сердце, то навсегда. На обратном пути Ульна поскользнулась и упала. Я бросился к ней, поднял ее и почувствовал под скафандром сильное гибкое тело, увидел ее глаза, устремленные прямо в мои. В то мгновение я впервые понял, что, несмотря на миллионы световых лет, разделяющих наши планеты, Ульна мне ближе и дороже всех дочерей человеческих, которых я встречал на Земле. Во входном отсеке, когда мы сняли скафандры, Ульна быстро и легко провела рукой по моей щеке и скользнула за дверь.

Я направился в сеалл. Суйлик находился там в компании Эсины, Акейона, Бейшит и Снезина.

– В том, что касается вас, маневр следующий, – проговорил Суйлик. – Мы уйдем в ахун и вынырнем над самой поверхностью Седьмой планеты. Нас будут сопровождать двадцать пять ксиллов со смешанными командами. Остальные атакуют мисликов и создадут на планете теплую зону, где мы сможем опуститься. Семь больших ксиллов доставят сахьены, на которых пойдут синзуны и тсsemлянин. Мы сразу же взлетим, потому что не сможем долго выносить излучения мисликов и поддерживать высокую температуру в этой зоне. Постараемся поддерживать вас сверху массивированной бомбардировкой. А вы попытаетесь добраться до пилонов и разрушить их, предварительно разузнав, что они собой представляют. Всего у вас будет двенадцать сахьенов. Командиром назначаешься ты, Акейон. Затем мы спустимся за вами во второй тепловой зоне.

Сделав резкое движение, он отключил связь с остальными ксиллами.

– Ваш сахьен – единственный, который выкрашен в красный. У меня есть категоричный приказ Совета: любой ценой вернуть вас на Эллу. Что касается остальных – сделаем, что сможем.

Снова включив общую связь, Суйлик начал отдавать приказания эскадре. Первое звено ксиллов взлетело в сумеречное красноватое небо. Мы последовали за ним десять минут спустя.

Суйлик тщательно отрегулировал какой-то сложный аппарат:

– Переход через ахун на сей раз будет таким коротким, что я просто не успею совершить маневр: у нас недостаточно быстрая реакция. Это сделает автомат. Надеюсь, он сработает точно, ведь если мы вынырнем под поверхностью планеты... Держитесь крепче. Включаю!

Далеко внизу под нами я мог видеть на экране мертвую, голую равнину Риссмана. Вошла Ульна и села рядом со мной. Я вцепился в ручки кресла. На мгновение экран померк, потом снова осветился, и мы увидели самую фантастическую картину, какую только можно вообразить.

Мы летели над плоскогорьем, окруженным черными хребтами. Была почти непроницаемая темнота: лишь над самым горизонтом горел темный рубин – Кальвено. Примерно каждые десять секунд внизу возникали ослепительные вспышки и резкие черные тени ложились на местность: термические бомбы сыпались градом, создавая теплую зону.

Суйлик отдавал в микрофон короткие приказы. Новые чудовищные взрывы далеко за горизонтом озарили небо, на фоне которого проступили дрожащие силуэты неведомых гор. В

голове у меня назойливо вертелась идиотская фраза: «Наш специальный корреспондент сообщает с космического фронта...»

Суйлик обернулся:

– Слер, скорее надевай скафандр! И вы, синзуны, тоже! Мы садимся!

Когда я проходил мимо него, он вскочил и в редком для хиссов спонтанном порыве быстро приобнял меня:

– Бейся храбро за наш Иалтар и за свое Солнце!

Эссина махнула мне рукой. Через минуту я был в выходном отсеке, где уже облачались в скафандры Ульна, Акейон и Херанг.

– Мы на поверхности! – прозвучал в моем шлеме голос Суйлика. – Выходите. Ваш сахъен – слева.

С тепловыми пистолетами в руках мы вышли из ксилла. Вся поверхность вокруг была усеяна телами мисликов, расплюснутыми и оплавленными. Похожий на американский внедорожник сахъен ожидал нас. Незнакомый хисс открыл нам дверцу, мы сели в машину, однако из предосторожности остались в скафандрах. Нашим позывным было «Арта» – слово, которого нет в хисском языке. Его мы выбрали специально, во избежание любой путаницы.

– Арта, Арта, Арта! – загремел голос Суйлика. – Освободите теплую зону! Нам нужно взлетать! Вокруг, как минимум на четыре брунна, нет ни одного живого мислика. Пилоны находятся в двадцати пяти бруннах к западу-северо-западу от вас. Мы будем вас наводить. Говорит Париж. Прием.

Шутки ради я предложил Суйлику взять себе в качестве позывного «Париж».

– Говорит Арта. Вас поняли. Отправляемся, – ответил Акейон.

Он быстро отдал по-синзунски несколько распоряжений экипажам остальных сахъенов. Я включил мотор, и мы тронулись.

Управлять сахъеном было проще простого: повороты осуществлялись с помощью обычного руля, скорость регулировалась одной педалью, рычаг реверса позволял давать задний ход. Ульна сидела рядом со мной, положив руки на клавиатуру, управлявшую передними орудиями. На экране перед нами отражалось все, что возникало впереди, угол обзора равнялся ста восьмидесяти градусам. Расположившись к нам спиной, Херанг на таком же экране видел все, что происходило сзади. Сидевший в середине машины Акейон со своего командного пункта следил за обоими экранами и в любой момент мог связаться с остальными сахъенами или ксиллами. Кроме того, он управлял оружием хр'бенов, с действием которого мы еще не были знакомы.

Минут пять мы ехали без всяких происшествий, довольно-таки быстро. Гусеницы сахъена дробили замороженную почву безымянной планеты, иногда проскальзывая по отвердевшему воздуху. Горизонт впереди по-прежнему озарялся вспышками взрывов, совершенно бесшумных в этом мире, лишенном атмосферы. Лишь иногда мы ощущали их как легкие подземные толчки. Время от времени по небу, словно тени, скользили ксиллы, в зависимости от своего положения похожие то на вытянутый овал, то на круг. Ксиллы мчались совсем низко, с чудовищной скоростью.

Затем появились мислики. Сначала мы заметили в черной трещине неясный металлический блеск. Сахъен слева от нас выстрелил, и вспышка теплового снаряда озарила панцири, скользившие нам навстречу. Ни один мислик даже не попытался взлететь. Мы обогнули стороной глыбы оплавленного металла, окруженные фиолетовыми язычками: немногие уцелевшие мислики излучали, но тщетно.

Мы пересекли равнину, беспрестанно расчищая себе дорогу, и преодолели узкий каньон, форсирование которого стоило нам десятка снарядов. Остальные сахъены защищали наш тыл и фланги, уничтожая мисликов, затаившихся во всех щелях. Лишь когда мы оказались посреди обширного цирка, окруженного черными скалами, мислики изменили тактику.

Теперь они обрушивались на машины с утесов. Два сахьена были продавлены и расплюснены за три минуты, прежде чем мы нашли способ отражать атаку сверху при помощи термических лучей вкупе с мощными гравитационными полями. Лучи убивали мисликов на лету, а утроенная сила притяжения заставляла их падать на то же место, откуда они взлетали. Тем временем другие сахьены поливали термическими снарядами гребни скал.

Через второй каньон мы снова выскочили на равнину. Вдали, на фоне пылающего неба, вырисовывались резкие силуэты пилонов. Они вздымались на невероятную высоту: взрывы освещали только их подножие! Постепенно мы приближались, потеряв еще три сахьена и уничтожив по меньшей мере пять тысяч мисликов. Чем ближе мы подъезжали к пилонам, тем фантастичнее становилось зрелище: ксиллы сбрасывали одну бомбу за другой, вспышки следовали за вспышками почти непрерывно, кругом было так светло, словно стоял солнечный день. Из-за выделившегося тепла замерзшие газы начали испаряться, и временами казалось, будто вокруг мертвой планеты снова возникает нечто вроде атмосферы. Этот туман из газов настолько искажал перспективу, что определить расстояние порой было почти невозможно. Мы проехали мимо обломков большого ксилла, раздавленного и развороченного; на искореженной переборке висел мертвый хисс.

Больше живые мислики нам не попадались. Внешний термометр показывал всего минус десять градусов, что намного превосходило сопротивляемость мисликов. Акейон сообщил об этом Суйлику, и я с радостью услышал, как тот ответил:

– Хорошо. Мы прекращаем бомбардировку вокруг пилонов. Пусть ваши физики выйдут из машин и постараются разобраться в сооружениях мисликов. Мы сможем прикрывать вас где-то с базик. После этого вам нужно будет сосредоточиться восточнее пилонов. Мы спустимся за вами.

– Спроси его, как там дела наверху, – сказал я Акейону.

– Не так уж плохо, – ответил Суйлик. – Не более сорока процентов потерь. До скорого.

Я остановил сахьен у подножия пилона. Вскоре подошли остальные шесть машин. Над нами, исчезая в бездне черного неба, вздымалось металлическое кружево пилона. Херанг и остальные синзуны вышли из сахьенов и всемером принялись бродить в поисках «машины, которая гасит звезды». Я тоже сошел, приказав Ульне и ее брату оставаться в машине. С пистолетом в руке я присоединился к синзунам.

В кольце застывших навсегда мисликов, все еще сжимая оружие, лежал мертвый хисс. Я приблизился. Из прозрачного шлема на меня смотрело знакомое лицо: студент, который командовал караулом и остановил нас с Сззаном возле звездолета в тот вечер, когда синзуны только прилетели. Первое же космическое путешествие стало для него последним. Чуть поодаль, у холма, стоял помятый ксилл с продырявленной броней – почти на ребре. Кроме пилонов, вокруг не было ничего: ни дорог, ни построек, ни малейших признаков разумной жизни. Я приблизился к подножию пилона: оно состояло из сотен метровых мисликов, сплавленных в единую массу. И все это гигантское сооружение, насколько доставал луч моей лампы, оказалось скопищем мисликов. Я отчетливо различал геометрически строгие формы их панцирей. Значит, никакой «машины, которая гасит звезды» вообще не существовало! Точнее говоря, она представляла собой все тех же мисликов, чья таинственная энергия, сконцентрированная в один пучок, была способна замедлять атомные процессы звезд. Синзунским физикам здесь нечего было делать, да и всем нам, существам из плоти и крови, тоже.

Вокруг нас, в радиусе нескольких километров, продолжали градом сыпаться бомбы, отодвигая тьму. На время возникшая разреженная атмосфера передавала глухой рокот взрывов, и почва вздрагивала под моими металлическими подошвами. Базик почти прошел. Я приказал синзунам вернуться в сахьены и сам направился к своей машине. Даже не знаю, что заставило меня поднять и прихватить с собой труп молодого хисса. Наверное, мне была просто невыно-

сима мысль о том, что этот юноша, с которым я когда-то беседовал, навсегда останется там, на холодной чужой планете, среди сыновей Ночи.

Мы проехали всего с пару сотен метров. К востоку от последнего, третьего пилонна мы остановились и образовали тесный круг, готовые отразить возможное нападение мисликов, если те вдруг вернуться. Но они не вернулись. Несколько мгновений спустя неподалеку от нас опустился первый большой ксилл, за ним другие и наконец ксилл Суйлика. Мы оставили наш сахьен хиссу из первого ксилла. Суйлик ожидал нас вместе с двумя хр'бенами. Увидев Бейшит, я почувствовал смущение: мы даже не подумали о том, чтобы испытать новое оружие! Бейшит рассмеялась – ее смех был гораздо больше похож на человеческий, чем посвистывание хиссов.

– Да мы сами его применили! – объяснила она. – Похоже, оно оказалось эффективным. Попробуете в следующий раз, когда...

– Готовы? – прервал ее Суйлик. – Взлетаем!

Планета, черная масса, где все еще мерцали синие или красные точки последних взрывов, очень быстро осталась далеко внизу. Время от времени наш ксилл окутывало фиолетовое сияние термических лучей: то и дело попадались рои мисликов, похожих на пчел из растревоженного улья, но они не представляли опасности, потому что их было сравнительно немного. Суйлик вызывал поочередно всех капитанов уцелевших ксиллов: из ста семидесяти двух осталось девяносто два. Перегруппировавшись, хисская эскадра зависла на высоте ста километров.

Херанг доложил о результатах осмотра пилонов.

– Не думаю – сказал Суйлик, выслушав его, – что теперь есть смысл разрушать пилоны. Должно быть, они эффективны лишь до тех пор, пока составляющие их мислики живы. Но как знать? Смотрите хорошенько! Сейчас вы увидите зрелище, какого не видел никто со времен последней войны на Элле-Вен, – взрыв инфраатомной бомбы. Включай, Эссина!

Та нажала кнопку. Прошло несколько секунд. Далеко под нами быстро падала светящаяся точка, пока наконец не растаяла в темноте. Вдруг над безымянной планетой загорелась звезда.

И мгновенно превратилась в чудовищную вспышку нестерпимого ярко-фиолетового пламени, которое росло, ширилось, становилось синим, зеленым, желтым и наконец разразилось багровым ураганом. Вспышка озарила пространство километров на двести во все стороны от центра взрыва.

Стали отчетливо видны равнины, горы и ущелья, черные трещины на серебристой замороженной почве. Потом все исчезло. Еще некоторое время было видно светящееся газовое облако, но вскоре и оно рассеялось в пустоте.

– Можем переходить в ахун, – сказал Суйлик.

Часть четвертая Империя сумерек

Глава 1 Проклятая галактика

Обратный путь мы проделали без происшествий. Уже вечерело, когда Суйлик посадил свой ксилл на нижней террасе Дома Мудрецов. Далеко в небе растаяли темные пятна остальных ксиллов, направлявшихся к острову Аниасц.

Мы вышли. Внезапно я почувствовал, что у меня не осталось ни сил, ни воли – ничего, кроме непреодолимого желания лечь и уснуть. Да и товарищам моим было не лучше. Прислонившись спиной к фиолетовому стволу дерева, я рассеянно блуждал взглядом по сумеречным окрестностям, слишком измученный, чтобы говорить о чем-нибудь или испытывать хоть какую-то радость.

– Эссина, отведи Ульну в Дом чужестранцев. Ложитесь спать, – распорядился Суйлик. – Слер, Акейон, Херанг, вы пойдете со мной. Нужно отчитаться о нашей миссии.

– А это не подождет до завтра? – взмолился я.

– Нет. Каждая потерянная минута может означать гибель нового солнца. Отдохнуть еще успеешь.

По Лестнице человечеств я поднимался как во сне и даже не взглянул на собственную статую. Затем, должно быть, я впал в полуобморочное состояние. Я лишь чувствовал, как меня несут, и пришел в себя от сияния фиолетовых ламп.

Рядом со мной, на том же возвышении, лежали два синзуна и сам Суйлик. Наши нервы сдали, и один за другим мы потеряли сознание, когда находились уже в вестибюле.

Ко мне возвращались силы, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Вскоре мы смогли подняться и рассказать Аззлему и Ассзе о ходе сражения. Но я испытал огромное облегчение, когда наконец вытянулся на своей постели в Доме чужестранцев. Разумеется, в ту ночь «тот-кто-приносит-сон» мне не понадобился.

Когда я проснулся, Иалтар светил уже высоко в небе. Окно было раскрыто настежь, стоял чудесный день, и мне даже показалось, что я слышу, как поет птица, хотя на Элле вообще нет птиц. Но пение становилось все более громким и близким! Я вскочил, подбежал к окну и увидел внизу Ульну. Она посвистывала, подражая щебету эканто, чудесной летающей ящерицы с Арбора. С ней была Эссина.

– Мы пришли будить тебя, – сказала она. – Тебя ждет Аззлем.

Я нашел его в лаборатории: вместе с Ассзой они стояли у аппарата, воспроизводящего излучения мисликов. Напротив, в металлическом кресле, сидела юная стройная хисска, добровольно согласившаяся подвергнуться ослабленному облучению.

– Мы уже у цели, – сказал Аззлем. – Возможно, скоро и мы, хиссы, будем так же неуязвимы, как вы, тссемляне и синзуны. После инъекции бсина – твоего бсина, Слер, – моя дочь Сенати вот уже два базика выдерживает излучение, которое прежде было бы для нее если и не смертельным, то, как минимум, опасным. К сожалению, стоит дать тройную дозу излучения – и защитный иммунитет перестает действовать. Однако я позвал тебя не для того, чтобы сообщить это. Ты спас тело Миссана, единственное привезенное на Эллу. Остальные будут лежать непогребенными на проклятой планете до тех пор, пока мы не сможем изгнать оттуда мисликов. Миссан был сыном моего друга Стенсосса, погибшего где-то в Пространстве на борту своего ксилла еще до твоего появления. По нашим древним обычаям, тот, кто вынес тело хисса,

павшего в бою, становится сыном родителей убитого и братом его братьев. Отныне ты можешь по праву говорить: «Мы, хиссы...» – и никто не будет над тобой смеяться. У тебя необычная судьба, тссемлянин! Теперь ты одновременно тссемлянин, синзун и хисс, сын трех планет. Ступай, ты должен присутствовать на похоронах твоего брата в доме, который отныне твой. Эссина тебя проводит.

– А где Суйлик? – спросил я.

– Он улетел на Кальвено во главе тысячи ксиллов. Высаживаться они не будут, поэтому их не сопровождают синзуны. Не беспокойся, они только сбросят бомбы с большой высоты.

Я вылетел на реобе вместе с Эссиной и Ульной. По пути я узнал, что Миссан был необычайно способным молодым студентом, которого Аззлем старался держать вдали от опасностей войны. Но закон хиссов непреложен: в случае опасности никто не имеет права отвергать добровольца, а Миссан вызвался сам. У него не было ни отца, ни матери, лишь старшая сестра Ассила, инженер на крупной продовольственной фабрике.

Ассила жила на острове Брессиэ, в шестистах бруннах от Дома Мудрецов, – кстати, я забыл тебе сказать, что на Элле нет материков, только многочисленные острова, от крошечных до огромных, величиной чуть ли не с Австралию или остров Джерси. Небольшой красный дом Асилы стоял на холме, фасадом к морю.

Эссина представила мне мою «сестру», юную девушку с бледно-зеленой кожей и необычными глазами, не серыми, как у большинства хиссов, а буквально изумрудными. Встретила она меня так, словно я действительно был ее братом, – сложила ладони чашей, на уровне рта; это приветствие употребляется только среди членов одной семьи.

Похороны хиссов поражают простотой. Тело Миссана положили на металлическую платформу, прямо перед домом, под открытым небом. Жрец прочел короткую молитву. Затем, по подсказке Эсины, я взял Асилу за руку, мы подошли к платформе и вместе нажали на маленький рычажок. Все отступило. Последовала сверкающая вспышка, и платформа опустела. Жрец повернулся к присутствующим и спросил:

– Где Миссан?

– Ушел к Свету, – ответили они. На этом все и закончилось.

Согласно обычаям, я провел в доме Миссана пять дней: Ульна и Эссина улетели в тот же вечер, и я остался один с Асилью. Хотя она и сохраняла присущую хиссам невозмутимость, я чувствовал, что она страдает, но ничем не мог ее утешить, слишком плохо зная историю, обряды и внутреннюю жизнь хиссов. Только тогда я понял, сколь поверхностной была моя ассимиляция. Я меланхолично бродил по незнакомому дому, злясь на этот хисский обычай и чувствуя себя до крайности смущенным и несчастным. Проходили часы, а я все никак не мог решиться пойти спать в отведенную мне комнату, которая отныне по полному праву была моей.

В доме царила тишина. Ассила молча сидела в общем зале. Я сел рядом, и так, в безмолвии, мы провели всю ночь. Мне редко приходилось испытывать столь же горькое чувство одиночества, как в ту ночь бесконечного бдения на чужой планете рядом с этой девушкой-хисской.

Она заговорила, лишь когда рассвело. Без слез, без рыданий она рассказала мне о жизни младшего брата, такого талантливого, такого юного, преисполненного планов на будущее – и павшего в первом же бою! В борьбе с мисликами погибло уже одиннадцать членов их семьи. Она горько упрекала себя за то, что не полетела с братом, не умерла вместе с ним. Она любила его всей силой души, видела в нем будущего Мудреца, одного из тех, кто составляет гордость расы. Она вспомнила о его детских играх, о его успехах в университете, о первой любви, когда он открылся ей, старшей сестре. И от всего этого не осталось ничего – ничего, кроме ритуальной фразы: «ушел к Свету».

Я слушал ее, и все преграды, отделявшие меня от хиссов, падали одна за другой. Так могла говорить любая земная женщина. И снова, как тогда, перед мисликом, в крипте острова Санссин, я понял, что боль и страдания одинаковы во всей вселенной. Я нашел слова утешения,

забыв о том, что между Ассилой и мной пролегла пропасть в миллионы световых лет. Но это было для меня не последним откровением.

Потом, со сверхчеловеческим самообладанием, присущим хиссам, она занялась приготовлением завтрака.

Я пробыл с Ассилой еще четыре дня, затем вернулся в Дом чужестранцев на полуострове Эссентем. Но каждый восьмой день я теперь бывал у Ассилы, и постепенно привык смотреть на ее дом на острове Брессиэ как на родной, а на его хозяйку – как на близкую родственницу. До сих пор там, в моей комнате, меня ждут мои книги, заметки и кое-какие безделушки, которыми я обзавелся на Элле. И я уверен, что время от времени моя «сестра» Ассила осведомляется у Мудрецов, скоро ли я вернусь.

Между тем Шестая и Седьмая планеты были очищены от мисликов. К сожалению, для Кальвено, продолжавшей медленно угасать, это произошло слишком поздно. Первые мислики, появившиеся на ледяной поверхности Эль-Тоэи, были уничтожены вовремя, и этому солнцу ничто не угрожало. Что касается звезды Асселор, то у нее вообще не было планет, и спектр ее сам по себе стал нормальным, поставив Мудрецов еще перед одной загадкой природы.

Нам повезло, что для поддержания жизни мислики вынуждены часто опускаться на ту или иную планету. Они неплохо себя чувствуют и в межпланетном Пространстве, но могут существовать там всего лишь несколько часов. Каким же образом они перелетают от звезды к звезде и тем более – от галактики к галактике? До сих пор это остается неразгаданной тайной. Все попытки обнаружить их в ахуне оказались тщетными. Некоторые хисские ученые полагают, что существует несколько ахунов; хиссы пользуются одним, синзуны – другим, мислики – третьим. Я в этом не слишком разбираюсь, но, по-моему, не может быть нескольких разных «ничто», – мне это кажется бессмыслицей.

Среди Мудрецов пошли слухи о каком-то большом начинании. Долгое время мне не удалось узнать, о чем идет речь. Ни Суйлик, ни Сззан не были посвящены в тайну. Из Ассзы невозможно было вытянуть ни слова. Ульна знала не больше меня. Синзунский звездолет вернулся в сопровождении двадцати девяти таких же кораблей; все они базировались на острове Иносс, неподалеку от Дома Мудрецов. На Элле они пробыли недолго и вскоре отправились на Рессан, чтобы высадить там пять тысяч синзунов, ядро будущей колонии Элларбор. На Элле остались только Хелон, Акейон, Ульна и команда «Тсалана». По Закону на Элле могут проживать только хиссы, поэтому исключение, сделанное для Ульны и ее семьи, было редчайшим. Что касается меня, то подобный вопрос даже не возникал: я считался хиссом.

В конце концов тайну открыл сам Аззлем. Речь шла о том, чтобы отправить экспедицию в Проклятую галактику, то есть в галактику, полностью колонизированную мисликами. Для первого раза была выбрана ближайшая, та, что соседствовала с галактикой кайенов, коренастых гигантов с выпученными глазами.

Я был потрясен: даже экспедиция на Седьмую планету казалась мне рискованной, но атаковать мисликов в их собственных владениях!.. Это представлялось чистейшим безумием, особенно когда Аззлем сказал, что считает целесообразным послать в разведку меня и нескольких синзунов. Несмотря на весь мой опыт, я все еще боялся ахуна, хотя с этой точки зрения перелет от галактики кайенов до Проклятой галактики был ничуть не длиннее и не опаснее перелета до Седьмой планеты звезды Кальвено.

Затем этот проект, похоже, отклонили. Во всяком случае, разговоров о нем я больше не слышал. Моя жизнь вернулась в привычное русло: днем я работал в биологической лаборатории, ночевал то у Суйлика, то в Доме чужестранцев, то «у себя». Суйлик вернулся из нового путешествия через ахун, но не говорил о нем ни слова. От Эссины я узнал, что он побывал у кайенов, но сам Суйлик уверил меня, что эта экспедиция не имеет ничего общего с проектом нападения на мисликов. Долгое время я видел его лишь изредка и с большими перерывами. Он странствовал от одной вселенной к другой, но цель его перелетов была окутана тайной. «Тса-

лан» тоже улетел на Рессан; из синзунов на Элле остались только Акейон и Ульна, работающие вместе со мной. В свои выходные дни, которые обязательны – их три в эллийский месяц, – я вместе с Ульной и Эссиной знакомился с планетой Элла. Таким образом мне удалось узнать кое-что о сельском хозяйстве и промышленности хиссов; до тех пор это ускользало от моего внимания. На полосе шириной до нескольких сот километров по ту и другую сторону от экватора хиссы вырастили на островах пояс кустарниковых многолетних растений, достигающих двенадцати метров в высоту.

Семена и стволы этих кустарников идут на изготовление муки, из которой хиссы готовят все свои блюда. Севернее и южнее этой полосы посажены самые разнообразные растения продуктивно-промышленного назначения, поставляющие сырье, которое, по мнению хиссов, проще брать из естественных источников, чем синтезировать. Остальная часть планеты превращена в полудикий заповедник, в котором расположены заселенные зоны. Большинство промышленных предприятий, за исключением шахт и рудников, сосредоточено в полярных районах. Кроме того, хиссы интенсивно используют свои океаны, покрывающие семь десятых планеты; однажды, во время подводного путешествия, я видел их водорослевые луга, плантации морских культур и подводные рыбные промыслы.

Энергию они получают главным образом путем расщепления материи. В этом процессе используются даже не частицы атомных ядер, которые мы только сейчас начинаем изучать, а составляющие этих частиц, так называемые инфрануклоны. Важно отметить, что основным видом энергии у них является отнюдь не электричество, однако определить природу этой энергии мне так же трудно, как отважному сенегальцу определить природу электричества. А ведь я не раз видел их генераторы и ежедневно пользовался этой энергией во всех ее видах! Могу только сказать, что генераторы хиссов необычайно сложны и довольно громоздки. Вообще, хиссы – несравненные физики, и даже Берантон, великий синзунский ученый, побывавший на Элле, вынужден был признать, что многие изобретения хиссов ему неизвестны, если не сказать непонятны.

К чести хиссов, следует заметить, что они ни от кого не скрывают своих знаний. Наоборот, для более интенсивного обмена идеями они открыли на Рессане ряд университетов для всех членов Союза человеческих миров. Во время недолгого пребывания на Рессане я сам прослушал лекцию по астрономии, которую читал человек-насекомое из Двенадцатой вселенной; многое осталось для меня неясным, но я до сих пор помню превосходные снимки звездного неба и неведомых планет. Лектор, похожий на зеленого жука-богомла, сопровождал свою речь движениями безмерно длинных многосуставчатых рук. Среди его слушателей были почти все типы «людей», представленные на Рессане.

Суйлик прекратил наконец свои таинственные путешествия, но я по-прежнему видел его крайне редко: он целыми днями сидел на закрытых совещаниях Совета. Даже Эссина встречалась с ним не чаще меня. Поэтому я проводил почти все время в обществе Ульной и ее брата. Но однажды, когда мы работали в лаборатории сравнительной биологии, нас троих вызвал Ассза. Он протянул нам три коротких металлических цилиндра с толстыми рукоятками и сказал:

– Это ваше оружие – усовершенствованные термические пистолеты. По договоренности с ур-шемоном Совет выбрал вас для глубокой разведки в одной из Проклятых галактик. Вам дадут особый ксилл. Суйлик проводит вас до планеты Ссвфт звезды Гренсс вселенной кайенов. Ему приказано остаться там и ждать вашего возвращения. При необходимости напомните ему об этом приказе. Отлет через восемь дней.

О, эти восемь дней! Они показались мне безмерно длинными и в то же время короткими. Акейон и Ульна приняли как должное тот факт, что их, детей ур-шемона, первыми бросают в бой. Если бы решили по-иному, они сами потребовали бы для себя этой чести. Но при чем тут был я, черт возьми! Напрасно я уверял себя, что излучения мисликов для меня практически безвредны, что броня нашего ксилла специально усилена и пробить ее невозможно, что у

меня будет самое совершенное оружие и, наконец, что нас посылают не сражаться, а лишь в разведку, – все было тщетно: при одной мысли о рейде у меня мучительно сжималось сердце. Меня не оставляло смутное предчувствие неминуемой катастрофы. И катастрофа случилась. До сих пор не знаю, как я остался жив. Несмотря на то что потом я подвергался еще большему риску, торпедируя звезды, этот рейд я не согласился бы повторить, даже если бы мне заранее обещали и жизнь, и власть, и славу, и самых прекрасных девушек любых планет!

Отлет прошел благополучно. Суйлик вместе с Эссиной, еще двумя хиссами и хр'бенкой Бейшит сопровождал нас на своем старом ксилле «Сессон-Эссин», что можно перевести как «Прекрасная Эссина». На куполе нашего ксилла тоже стояла хисская надпись, но когда Ульна попросила меня прочитать ее – теперь она довольно бегло говорила по-хисски и даже немного по-французски, но читать ни на том ни на другом языке не могла, – я смутился. Эта надпись была выдумкой Суйлика. Обычно ксиллам дают лишь номера, если только капитан сам не захочет присвоить имя своему аппарату. Так вот, Суйлик назвал мой ксилл «Ульна-ген-Силлон», что означает «Ульна, мечта моя». Выручил меня Акейон, который достаточно хорошо знал хисскую письменность. Лукаво улыбнувшись, он перевел: «Союз планет».

«Ульна-ген-Силлон» был маленьким трехместным ксиллом, прототипом боевых ксиллов, которые потом пошли в серийное производство. В нем все было сурово, рационально, ничего лишнего – минимум удобств, максимум эффективности. Центральная кабина была заставлена различными пультами управления, связанными с двигателями, оружием и приборами. Во второй кабине, одна над другой, висели три койки. Остальное пространство внутри аппарата было занято запасами продовольствия, воздуха, боеприпасами и выходной камерой. Броня из сверхтвердого сплава, толщиной одиннадцать сантиметров, по словам Суйлика, могла выдержать удар мислика, который врезался бы в нее на восьми тысячах брунгах в базик, – это около четырех тысяч километров в час, хотя до сих пор подобной скорости мислики не развивали. Но даже в том случае, если броня не выдержит, оставался второй, внутренний слой толщиной семь сантиметров. Учитывая наш иммунитет к излучениям мисликов, мы могли считать себя неуязвимыми.

Оба ксилла одновременно ушли в ахун, чтобы оказаться в одном «пузыре» Пространства, и одновременно вынырнули примерно в миллионе километров от планеты Ссвфт. То была довольно-таки красивая планета средней величины, чуть более крупная, чем Земля, и населенная несколькими сотнями миллионов кайенов. Мы опустились в северном ее полушарии, близ города Брбор.

Удивительные существа эти кайены! Рост до двух метров тридцати сантиметров, зеленоватая кожа, лысые круглые черепа, тусклые рачьи глаза, дырка вместо носа и широкий рот, усаженный множеством необычайно мелких зубов. Несмотря на длинные тонкие руки и ноги, кайены кажутся очень массивными, почти одинаковыми в высоту и в ширину. Я тотчас же почувствовал к ним необъяснимое отвращение, которого так и не смог преодолеть. То же самое ощущали Ульна, Акейон и даже Эссина. Что касается Суйлика, то он уже бывал здесь во время своих таинственных путешествий и даже подружился с некоторыми кайенами. У них необычная цивилизация: кайены довольно-таки скверные астрономы и посредственные физики, но зато непревзойденные химики. Их промышленность почти не использует металл и целиком основана на пластмассах. В духовном отношении, по словам Суйлика, кайены высокоразвиты: у них есть замечательные поэты, выдающиеся философы, гениальные скульпторы и художники. Но я об этом судить не берусь, потому что ни разу не оставался на планете Ссвфт более двух-трех часов.

Мы не отходили далеко от своего ксилла. Он лежал посреди обширной голой степи, на которую то и дело садились аппараты, похожие на пластмассовые вертолеты, совершенно прозрачные, вплоть до моторов. В легком, воздушном здании, напоминающем бар при аэродроме, нам подали вкусный напиток зеленого цвета. Суйлик о чем-то переговорил с тремя

кайенами, потом они удалились, и мы остались одни. Целая толпа, сдерживаемая вооруженной стражей, глазела издали на нас и наши ксиллы. Порывы ветра доносили оттуда специфический пряный запах.

Мы долго молчали. Все было уже сказано. Суйлик вместе с Акейоном пошел в последний раз проверить «Ульну-тен-Силлон». Я машинально взводил и опускал предохранитель термического пистолета. Взглянув на меня, Эссина что-то шепнула Ульне и Бейшит, и все трое приснули со смеху.

Вернулся Суйлик.

– Брат, – сказал он мне, – пора! Помни: Совету нужны точные сведения, а не подвиги. Возвращайся. Будьте осторожны. – И, склонившись ко мне, шепотом добавил: – Синзуны слишком опрометчивы. Следи за Акейоном!

Мы подошли к нашему ксиллу. Суйлик последний раз похлопал меня по плечу и отбежал подальше. Эссина и Бейшит издалека послали нам прощальный привет. Ульна была уже внутри. Нагнув голову, я последовал за ней, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Мы взлетели сразу, едва захлопнулась дверца. С Суйликом было условлено, что мы будем в ахуне ровно два с половиной базика и ни за что не изменим направления, чтобы в случае катастрофы хиссы знали, где нас искать. Вернуться мы должны были не позднее чем через двадцать эллийских дней.

В нужный момент ксилл вынырнул из ахуна. На всех экранах зияла чернота с редкими бледными пятнами далеких живых галактик. Акейон показал на ближайшее овальное пятно размером с луну:

– Наверное, вселенная кайенов. Именно оттуда мы прилетели!

Если бы чудесным образом у нас был телескоп бесконечной мощности, мы бы увидели эту вселенную не такой, какой ее знали, а такой, какой она была пятьсот с лишним тысяч лет тому назад! Я включил специальный экран, действовавший по принципу радара на волнах снесс, распространяющихся быстрее света, – и вуаля! Теория Эйнштейна не то чтобы неверна, но, наверное, неполна – на экране возникло тусклое пятно: планета.

– Суйлик сказал выбрать ближайшую планету подходящих размеров, – напомнила Ульна. – Эта вроде как подходит.

– Спускаемся, – решил Акейон. – Занять боевые посты!

Я сел к пульту управления оружием. Ульна вела наблюдение. На экране передо мной отражалось все окружающее пространство в шести плоскостях – четыре горизонтальных направления, верх и низ. Перед Ульной был более чувствительный экран, позволяющий при желании увеличивать тот или иной обозреваемый участок. Но пока мы не видели ничего, кроме неясного круглого пятна.

– Нужно еще спуститься. Клер, зону тепла!

Я принажал соответствующий рычажок. Тотчас же ксилл окутала тепловая зона с температурой триста градусов по абсолютной шкале или, вернее, зона, где любой предмет мгновенно нагрелся бы до такой температуры. Ни один мислик теперь не мог к нам приблизиться, и в то же время температура оставалась достаточно низкой, чтобы можно было выйти из ксилла в скафандрах.

Теперь планета заполнила почти весь нижний экран, и мы начали различать детали: горные хребты, замерзшие реки, обширные гладкие пространства, по всей видимости океаны. Ксилл продолжал снижаться.

На берегу одного из мертвых океанов я заметил пирамидальное возвышение удивительно правильной формы и указал на него Ульне. Она быстро изменила регулировку экрана, изображение сразу же приблизилось, и я услышал, как Ульна шепчет:

– Мой бог Этахан! На этой планете жили люди!

Действительно, то был город, вернее, его развалины. Он вырос на глазах, и по мере приближения общая пирамидальная масса распалась на башни и обелиски, в каком-то яростном порыве устремленные в черное небо. По мере приближения к центру сооружения становились все более и более высокими и скученными. Они занимали площадь в несколько тысяч гектаров, а самая высокая башня вздымалась более чем на тысячу метров.

Я был потрясен. Какая фантастическая цивилизация, угасшая миллионы лет назад, воздвигла этот город? Ты знаешь, я всегда увлекался археологией, и в тот момент мной овладело непреодолимое желание высадиться именно здесь. Я сказал об этом Акейону.

– Сначала облетим вокруг планеты, – возразил он. – Если не увидим мисликов, высадимся.

В течение долгих часов под нами проплывали скованные холодом океаны и материки. Во многих местах мы видели разрушенные города, но все они были гораздо меньше первого. То и дело ксилл снижался до самой поверхности, однако так и не заметили ни одного мислика. Тогда мы вернулись к фантастическому мертвому городу, нашарив его лучом прожектора. В ярком свете на зданиях сверкал иней: это был застывший воздух.

Мы сели на большой площади у подножия башни; вершина ее исчезала в темноте. Было решено, что на разведку пойдем мы с Ульной, а Акейон на всякий случай останется в ксилле. Мы облачились в скафандры, взяли запас воздуха на двенадцать часов, спрессованную пищу, которую можно поглощать внутри скафандра, оружие и достаточное количество боеприпасов. Затем вышли наружу.

Несколько секунд мы колебались, не в силах решить, куда двинуться. Ксилл лежал на почти круглой площади, ограниченной со всех сторон гигантскими сооружениями. От соприкосновения с теплой зоной твердый воздух разжижался, испарялся, и вскоре «Ульну-тен-Силлон» скрыл густой туман. Впрочем, нас это не беспокоило. Мы направились прямо вперед.

Перед нами открылся сводчатый туннель, ведущий в крытую улицу. Все двери из зеленого металла были заперты. Они показались мне чересчур низкими по сравнению с самими зданиями. Так мы прошли с километр, никуда не сворачивая, чтобы не заблудиться. Фасады домов были удивительно голыми: ни надписей, ни статуй, ничего, что могло бы рассказать об этом исчезнувшем человечестве. Я уже собирался высадить одну менее прочную дверь, как вдруг почва задрожала у нас под ногами. Предчувствуя нечто ужасное, я схватил Ульну за руку, и мы побежали назад, к площади.

Там, где недавно стоял наш ксилл, громоздилась гора из камней, металла и прочих материалов. Видимо, под действием тепла башня, стоявшая слева, обрушилась прямо на «Ульну-тен-Силлон», на эту пирамиду в полной тишине нагромождались все новые обломки. Чтобы не упасть, Ульна прислонилась спиной к стене. Я слышал, как она пробормотала:

– Хенл, Акейон, Акейон сетан сон!

Ничто не шевелилось. Потом огромная конструкция бесшумно заколыхалась во тьме и медленно обрушилась. Мы были одни на неведомой планете, за миллионы километров от наших друзей, с запасом воздуха на одиннадцать часов.

И тогда, отразив всем своим панцирем свет моего фонаря, появился первый мислик.

Глава 2

Сражение с мисликами

Человек – а я включаю в это понятие хиссов, синзунов и всех им подобных – все-таки удивительнейшее создание! Мы были обречены, надежды не оставалось никакой, но нам даже в голову не пришло сложить оружие. Едва показался панцирь первого мислика, как я выстрелил. Он погиб, даже не успев начать излучение. Мы выжидали с бьющимся сердцем; больше никто не появлялся. Оставаться на площади было вдвойне опасно: во-первых, здания продолжали

рушиться, во-вторых, мислики здесь просто могли взлететь и раздавить нас. Мы отступили по уже разведанной крытой улице, бросив последний взгляд на гору обломков, под которой были погребены «Ульна-тен-Силлон» и Акейон. Здесь, в узком проходе, нам нужно было следить только за тем, что происходило впереди и сзади. Миновав дом, возле которого мы останавливались, мы оказались на второй площади. Она кишела мисликами, встретившими нас яростным излучением, но все их попытки были тщетными. Нам пришлось буквально перескакивать через тела мисликов, и тут я убедился, что это была другая порода, отличная от мисликов с Седьмой планеты Кальвено: местные были более широкими, более короткими, иной формы, и излучение их имело не фиолетовый цвет, а скорее индиговый.

Несколько часов мы шли по улицам мертвого города, не находя ни одной открытой двери или хотя бы такой, которую можно было взломать.

По неизвестной причине, прежде чем погибнуть, жители города тщательно закупили свои дома. Единственной интересной находкой была очень низкая шестиколесная машина, попавшаяся нам в нескольких километрах от первой площади. Я уже собирался детально ее осмотреть, когда на нас снова напали мислики. Их были сотни, и они скользили в двух-трех футах над поверхностью. Даже подбитые нашими термическими пистолетами, они продолжали лететь по инерции, и нам стоило немалых трудов избегать столкновения. Затем мислики переменили тактику. Теперь они атаковали так быстро и так внезапно, что нам пришлось броситься ниц и открыть настоящий заградительный огонь, безбожно расходуя боеприпасы. Через несколько минут вся улица и ближайшие закоулки были нагреты до такой температуры, что ни один мислик уже не мог там появиться, и атака захлебнулась.

Мы печально присели на трехступенчатое крыльцо какого-то дома. Воздуха оставалось на три часа – всего на три часа. Уже сказывалась усталость; сквозь прозрачный шлем я видел запавшие глаза и измученное лицо Ульны. Мы лишь изредка обменивались короткими фразами.

Я прекрасно знаю, что в романах герои обычно выбирают для нежных признаний самые отчаянные ситуации, но могу тебя уверить, что нам было не до этого. Так мы сидели долго. Я даже задремал.

Вдруг Ульна резко меня встряхнула:

– Мислики! Они возвращаются!

На этот раз они возвращались ползком, огибая горы металлических трупов. Решив, что двум смертям не бывать, мы подпустили их как можно ближе и начали расстреливать в упор. Один мислик успел взлететь; мы с трудом увернулись, он с ходу проломил дверь, которая была у нас за спиной. Ульна бросилась в дыру, я – за ней. Мы очутились в обширной комнате с бесформенными обломками в тех местах, где, видимо, когда-то стояла мебель. Напрасно искали мы лестницу или лифт, чтобы проникнуть в верхние этажи. Если они и существовали, то, наверное, давно обрушились. Зато мы обнаружили ход в низкий подземный туннель, где я мог идти только согнувшись. Вскоре стало ясно, что этот туннель тянется параллельно улице, только расположен под ней. Мы продолжали идти по нему, не обращая внимания на боковые ответвления: все они, как мы убедились, вели в такие же помещения, как те, через которые мы проникли сюда, – голые или заваленные совершенно бесполезными для нас обломками. В тот момент мне было явно не до археологических изысканий!

Затем, почти неощутимо, туннель пошел под уклон. Мы не обратили на это внимания и продолжали двигаться как во сне, пока я с размаху не налетел на металлическую дверь. Дальше пути не было. Но на этой двери я впервые увидел барельеф – огненное колесо или стилизованное изображение солнца.

Только теперь, когда идти дальше было некуда, мы почувствовали всю тяжесть усталости. Вот уже десять часов, как мы были на ногах, и воздуха у нас оставалось всего на час.

Машинально я взглянул на барометр, укрепленный на запястье моего скафандра: атмосферное давление уже не было нулевым, и термометр показывал двести шестьдесят пять градусов по абсолютной шкале. Значит, мы были в зоне, недоступной для мисликов. И здесь имелся воздух, но в ничтожных количествах. Его не хватило бы даже для того, чтобы пустить в ход легкие компрессоры, укрепленные у нас за плечами. Тем не менее это был добрый знак: быть может, за металлической дверью атмосфера не так разрежена!

Мы начали лихорадочно осматривать дверь. В ней не оказалось ни замка, ни скважины, но я уже был знаком с более совершенными системами дверных запоров. Терпеливо, сантиметр за сантиметром мы ощупывали поверхность двери, поочередно нажимали на каждый луч солнца, пытались их повернуть. Все тщетно. Прошло уже полчаса. Медленно, неотвратимо стрелка манометра кислородных баллонов приближалась к нулю.

Мы уже потеряли последнюю надежду, когда дверь вдруг со скрежетом распахнулась. Мы закрыли ее за собой; путь нам преградила вторая, точно такая же дверь.

– Мы в шлюзовой камере, – пробормотала Ульна. – Быть может, за этой второй дверью есть воздух?

Мы попытались вспомнить, при каких обстоятельствах открылась первая дверь, и вскоре нам это удалось: нужно было нажать на верхний луч и слегка отвести его влево. И вот мы очутились в темной комнате, где барометр показывал почти одну эллийскую атмосферу. Я включил анализатор – трубки покраснели одна за другой: кислорода достаточно, ядовитых газов нет. Осторожно отвинтив окошечко своего шлема, я сделал первый вдох. Воздух был сухим и свежим, вполне пригодным для дыхания. Если мы и не были спасены, то, во всяком случае, получили отсрочку.

Зал был голым, пустым и, видимо, не имел другого выхода, кроме той двери, через которую мы вошли. Прежде всего мы поспешили освободиться от громоздких скафандров, тяжело давивших на усталые плечи. Совершенно измученные, мы растянулись рядышком на полу, погасили лампы и мгновенно уснули.

Видимо, я спал беспокойно, потому что во сне откатился к противоположной стенке. Пытаясь отыскать лампу, я долго шарил в темноте руками, наконец сел и ухватился за какой-то рычажок на уровне своей головы. Он подался – и случилось чудо: в глубине комнаты словно открылась вторая дверь, и на фоне светлого прямоугольника возник человеческий силуэт! Он был небольшим, и я видел только общие контуры, не различая отдельных черт. Затем он так же внезапно исчез, а на его месте появился огненный шар, и в моих ушах зазвучало странное слово.

– Ульна, – крикнул я, – проснись!

Огненный шар исчез, теперь я видел звездное небо. Потом появилось изображение планеты; сначала это был вид с очень большой высоты, но постепенно планета приближалась. Перед нашими глазами проплывали горы, леса, океаны, равнины, и странный голос все время повторял: «Сифан, Сифан, Сифан!..» Я понял, что так называется эта планета.

Но вот вращение планеты приостановилось, и мы увидели тот же самый город, только залитый лучами солнца; он назывался Герсея. Площади его были заполнены машинами и живыми существами, которых с большой высоты мы не могли как следует рассмотреть.

Затем на экране – это был экран – возникло изображение окрестных полей с рядами пурпурных растений, похожих на эллийское деревце синисси, а еще, по словам Ульны, на арборский кустарник трен-техор. По синей дороге мчалась шестиколесная машина, вроде той, которую я хотел осмотреть, когда на нас напали мислики. Мы принялись следить за ней. Дорога поднималась все выше в горы, к обсерватории, сооруженной на самой вершине, – во всяком случае, мы приняли это здание за обсерваторию. Пока сменялись изображения, слышался голос диктора, но мы, разумеется, не понимали ни слова. Объектив приблизился к машине. Из

нее вылезло двуногое четверорукое создание с круглой головой; лица мы не смогли рассмотреть. Существо вошло в здание.

На секунду экран погас, потом снова возникло изображение солнца; на наших глазах оно медленно краснело и угасало. И тогда мы поняли, что перед нами разворачивается история гибели этого мира. Тот, кто приехал на машине, видимо, был ученым или крупным государственным деятелем, потому что мы видели, как он выступал на советах, управлял странными машинами, отдавал приказы войскам и наконец рухнул в своем прозрачном скафандре, задавленный надвигающимися мисликами. Но до этого мы увидели, как он регулирует крохотные аппаратики и закрывает двери, украшенные символом пылающего солнца – этот барельеф мы узнали сразу. В последнем кадре фильма один из этих странных индивидов приподнимал каменную плиту, расположенную как раз под рычажком, на который я случайно нажал.

Разумеется, едва миновало первое потрясение, как мы принялись искать эту плиту и нашли ее без труда. Под ней располагалась винтовая лестница. Облачившись на всякий случай в скафандры, мы спустились по ней и оказались в обширной комнате, залитой мягким зеленоватым светом. Через металлическую дверь мы проникли во второй зал, затем в третий, четвертый, пятый – там была целая анфилада! И если первый оказался пустым, то остальные были наполовину заставлены массивными металлическими ящиками, открыть которые нам не удалось. Наконец дверь последнего зала вывела нас к подножию другой винтовой лестницы. Через четверть часа подъема мы добрались до шлюзовой камеры и очутились под прозрачным куполом башни, уже за пределами города. Двойная дверь-шлюз позволяла выйти наружу, но мы ею не воспользовались: вокруг кишели мислики.

Так для нас началась странная жизнь, продолжавшаяся целый земной месяц. Воздуха теперь было достаточно: кроме того, Ульна обнаружила, что вместо трех запасных коробок с провиантом она взяла всего две, зато третья оказалась со спрессованной пищей. Одной этой коробки нам хватило бы на год с лишним, но воды было всего на два месяца. Дело в том, что в ранец скафандра вмонтирован маленький хитроумный аппарат, который позволяет выделять воду из сжиженных или отвердевших газов на мертвых планетах, но фильтр каждого аппарата работает не более месяца. И все же теперь мы могли надеяться на прибытие спасательной экспедиции, так как строго следовали инструкциям Суйлика.

Теперь, когда непосредственная опасность миновала, Ульна дала волю скорби. Я, как мог, пытался ее утешить: ксилл очень прочен, возможно, Акейон жив, и, если это так, хиссы освободят его из плена одновременно с нами. Убедить ее мне, увы, не удалось. Но действительность оказалась еще более невероятной!

Делать нам было нечего – только есть, спать и ждать. Мы снова и снова просматривали фильм о гибели Сифана, пока не запомнили во всех подробностях каждый кадр, и не раз благословляли изобретательность гения, построившего это убежище, чтобы сохранить память о своем народе. Из прозрачного купола я наблюдал за мисликами. Они быстро заметили нас, но, убедившись, что их излучения бессильны и разбить купол невозможно, так же быстро перестали обращать на нас внимание.

Защищенный прочной прозрачной сферой, я целыми днями вел свои наблюдения, словно студент-биолог, изучающий под микроскопом новых микробов или неведомых насекомых. Правда, работал я в гораздо более неблагоприятных условиях, потому что был лишен возможности экспериментировать. Целый месяц, пока длилось наше заключение, мы тщетно пытались понять смысл движений мисликов. Пожалуй, можно сказать, – я даже в этом уверен, – что мы с Ульной узнали о них больше, чем кто бы то ни было во всем мироздании, за исключением разве что самих мисликов. И, несмотря на это, к концу месяца мы знали о них так же мало, как и раньше. Нам не удалось подметить ничего похожего на организованную деятельность в нашем смысле слова, ничего похожего на инстинкты или хотя бы на обычный тропизм. И в то же время по опыту пребывания на острове Санссин я знал, что они обладают разумом,

пусть и не имеющим ничего общего с нашим, а также чувствительностью, более понятной для нас.

Очевидно, у мисликов есть органы чувств, хотя невозможно даже представить, что это такое. Во всяком случае, они никогда не натыкались на прозрачный купол, разве что в самом начале, когда пытались его разбить. Они явно ощущали наше присутствие, и вскоре мы начали отличать «знакомых» мисликов от «чужих», которые зря тратили на нас излучение. Некоторые обосновались в мертвом городе: мы различали их по особому рисунку на панцирях.

Мне все же удалось кое-что узнать о мисликах: они находятся в постоянном движении и никогда не спят. За одним из них мы с Ульной следили поочередно пятьдесят часов подряд, и все это время он беспрестанно выписывал зигзаги неподалеку от нашего купола. Мислики редко появляются в одиночку, но нельзя сказать, что они живут группами, потому что скопища мисликов распадаются так же легко, как возникают, и особи переползают от одной кучи к другой без всяких видимых причин. Иногда они собираются в тесные рои, до ста мисликов в каждом, и как бы сплавляются в одну металлическую массу. Такое состояние длится от нескольких секунд до многих часов. Затем масса снова распадается на отдельных мисликов. Сначала я думал, что наблюдаю за своеобразным процессом воспроизведения, однако из таких роев выходит столько же мисликов, сколько было вначале.

Затруднял наблюдения относительно слабый свет ламп: вне их лучей царил непроницаемая тьма. Кроме того, нам не хватало приборов-регистраторов. Я многое бы отдал за то, чтобы иметь в те дни при себе мой шлем с усилителем мыслей, в котором я спускался в крипту; быть может, мне удалось хоть что-то понять о природе этих чудовищ. Но мы были пленниками прозрачного купола, обреченными играть роль пассивных наблюдателей.

Тем не менее ряд соображений позволил мне создать некое подобие теории о происхождении мисликов; позднее я изложил свое мнение Ассзе, и тот нашел его достаточно обоснованным. Ты, конечно же, знаешь, что при температуре, близкой к абсолютному нулю, возникают явления сверхпроводимости и сопротивление в металлических проводниках почти исчезает. Можно себе представить, что предки мисликов, отличавшиеся от них примерно так же, как первая живая клетка на Земле отличается от нас, возникли в результате подобного явления сверхпроводимости. Какой-нибудь железоникелевый кристалл мог оказаться на мертвой планете в электромагнитном поле со сложной и ускоренной амплитудой колебаний, и в нем родилось нечто вроде электрической жизни. Если допустить эту возможность, дальнейшая эволюция мисликов станет такой же понятной, как эволюция всех земных существ. Этот кристалл мог, в свою очередь, индукционным путем создать своеобразную форму жизни в других кристаллах – с видоизменениями, накоплениями и усложнениями качеств. Правда, смертоносное излучение мисликов нельзя отнести к электромагнитным явлениям, но каждый из них окружен мощным электромагнитным полем.

На третий день, когда запасы воды приблизились к концу, нам пришлось сделать вылазку. Мы выбрали момент, когда в поле зрения остались только два мислика; я вышел первым и уничтожил их двумя выстрелами. Тем временем Ульна торопливо наполнила мешки смесью льда и твердого воздуха. После долгой возни мне все-таки удалось вскрыть один из металлических ящиков в нижнем зале: в нем оказались стопки металлических пластинок с выгравированными знаками, похожими на письменность кхмеров. Этот ящик мы превратили в цистерну для воды. Во время второй вылазки нам повезло найти слева от купола глыбы чистого льда, и мы сразу наполнили ящик почти до краев. С этим нам повезло, потому что в дальнейшем мислики все время ползали вокруг башни сотнями.

Когда я думаю о фантастическом стечении множества счастливых обстоятельств, благодаря которым мы уцелели, я иной раз спрашиваю себя, уж не хранило ли нас, как говорится, провидение? Но тут же вспоминаю, что те, кому не повезло, не возвращаются и, естественно, не могут рассказать о своем невезении, хотя таких, несомненно, гораздо больше, нежели счаст-

ливчиков. Но дни шли, и я уже начал сомневаться в нашей удаче. Что касается Ульны, то она давно утратила всякую надежду и погрузилась в безысходную скорбь. Куда девалось ее бывшее мужество? Особенно тяжело повлияла на нее гибель брата. С отчаянием я смотрел, как она тает день ото дня, почти совсем не ест и становится все более и более бледной и слабой. Часами она сидела рядом со мной, держась за мою руку, и хотя мы оба прекрасно знали, что любим друг друга, даже в этом не было нам утешения, потому что суровая мораль синзунов запрещает говорить о любви, когда семья в трауре. Объясняться в любви синзунке, которая только что потеряла брата, было бы не просто невоспитанностью, а страшным преступлением.

В один из таких дней – если только можно говорить о днях на планете империи Мрака – мы сидели под куполом. Несколько мисликов пересекли луч моей лампы. В черном небе бледно светились продолговатые пятна далеких галактик. И вдруг ослепительный свет брызнул откуда-то с высоты, заливая город, отбрасывая резкие тени от шпилей и башен, устремленных в небо. Потом свет ударил по куполу, заставив нас вскрикнуть от резкой боли в глазах.

– Ульна, это хиссы! Хиссы!

Трясущимися руками я помог ей надеть шлем и сам приготовился к выходу. Надо было во что бы то ни стало подать знак, что мы здесь. Я вставил в магазин пистолета штук двадцать «горячих пуль», приоткрыл дверь и начал стрелять. В отличие от «теплых пуль», повышающих температуру всего на несколько десятков градусов от нуля по Цельсию, «горячие» выделяют тепло в сотни градусов и дают яркие вспышки. Я стрелял без перерыва, целясь в ближайшую кучу мисликов; когда магазин опустел, Ульна протянула мне свой пистолет. Луч прожектора ощупывал равнину. Раза два он прошелся над куполом, потом замер. Аппарат начал снижаться, очень медленно, как нам казалось, но в действительности даже слишком быстро. Свет прожектора отражался от обледенелой почвы, создавая вокруг неясные сумерки, в которых я наконец различил на высоте нескольких метров гигантскую вытянутую тень: то был не ксилл, а синзунский звездолет, «Тсалан»!

– Ульна, это твой!

Не ответив, она упала на лед в глубоком обмороке. Подхватив ее на руки, я побежал к звездолету; он уже опустился, окутанный туманом кипящего воздуха. Скользя в полужидкой каше, спотыкаясь о мертвых мисликов, я с трудом сохранял равновесие, стараясь не уронить Ульну. Двое в скафандрах подхватили ее, повели меня за собой. Мы поднялись по входной лестнице, прошли шлюзовую камеру, и я очутился в коридоре «Тсалана» лицом к лицу с Суйликом и... Акейоном!

Первая моя реакция была совершенно нелепой: я отвел Суйлика в сторону, упрекая его за то, что он прилетел, потому что для хиссов это слишком опасно. Вместо того чтобы возмутиться, он с улыбкой ответил:

– В этом весь Слер-тссемлянин! Вечно всем недоволен. Кто-то ведь должен был показать дорогу – вот я и полетел!

– Но ведь Акейон знает!.. – возразил я.

– После пережитых приключений Акейон до сих пор не может опомниться. Впрочем, он сам все расскажет.

С нас уже стаскивали скафандры. Ульну, все еще в обмороке, унесли в госпиталь, где когда-то лежал я. Ею занялся сам великий Винседом, хотя он сразу сказал, что с этим случаем справится любой студент. Когда Ульна открыла глаза, мы с Суйликом вышли, оставив ее с отцом и братом.

Четверть часа спустя все собрались в кабине управления. «Тсалан» был уже в ахуне, или, как говорят синзуны, в рр'оре, на пути к галактике кайенов, где нас ожидали Эссина и Бейшит вместе с ксиллами. Вот что рассказал Акейон о своем необычайном приключении.

Когда на «Ульну-тен-Силлон» обрушилась башня, Акейон от толчка вылетел из кресла, ударился о переборку и потерял сознание. В таком состоянии он пролежал более трех базиков.

Очнувшись, он понял, что погребен под развалинами. Акейон не слишком беспокоился – припасов и энергии в ксилле хватило бы на несколько месяцев, – но его волновала наша судьба, и он сразу же начал думать, как освободить ксилл и принять нас на борт.

Броня ксилла выдержала, никакой утечки воздуха Акейон не обнаружил. Двигатели работали, однако приподнять всю гору обломков они не смогли. В этом и заключается неудобство маленьких ксиллов: у них высокая скорость, превосходная маневренность, но недостаточная мощность. И тогда Акейон, сознавая смертельную опасность подобного маневра, решил сразу уйти в ахун, а затем вернуться за нами.

Казалось, переход в ахун совершился нормально, разве что толчок был гораздо сильнее обычного. Но когда Акейон, почти тотчас же, совершил обратный маневр, он не вынырнул в Пространстве поблизости от только что оставленной планеты, а очутился в почти абсолютной темноте, непроницаемой даже для волн снесс. Где-то в бесконечной дали едва светилось бледное пятно какой-то галактики, вернее, скопления галактик.

В этом месте рассказ Акейона был надолго прерван чисто техническим спором, который затеял Суйлик. Хиссы начали изучать ахун задолго до синзунов и обладают в этом плане менталитетом английского коммодора по отношению к капитанам других наций. Вот что я понял:

Переход в ахун на сей раз совершился не в космосе, как обычно, а на поверхности какой-то планеты, поэтому импульс оказался слишком сильным. Частица Пространства вместе с ксиллом оторвалась от нашей вселенной, пересекла ахун – если можно «пересечь» Ничто – и врезалась в одну из негативных вселенных, между которыми наша вселенная зажата, как ветчина между двумя кусками хлеба в бутерброде.

Итак, Акейон вынырнул в Пространстве негативной вселенной, к счастью достаточно далеко от скоплений антиматерии. Некоторое время он не мог сообразить, куда попал. Счетчик радиации то и дело потрескивал, стрелка отмечала внезапные появления проникающих лучей. Такие счетчики служат для определения в Пространстве зон, где интенсивность космических лучей превышает допустимую норму. Но эти лучи резко отличались от обычных космических. К тому же космические лучи здесь, вдали от всех галактик, были бы ничтожно слабыми.

– И тут, – сказал Акейон, – я понял. Я вспомнил когда-то прослушанные лекции о теоретической возможности существования антимиров и об их особенностях. Сверхжесткое излучение, отмечаемое счетчиком, возникало в результате аннигиляции редких атомов антиматерии при столкновении с материей ксилла. Каждую секунду я мог попасть в область скопления антиматерии, и тогда – прощайте, все миры и антимир!

Он лихорадочно начал сверять показания регистратора космической кривой, счетчика Пространства-Времени, регистратора предельной поверхности и прочих сложных приборов, необходимых для навигации в космосе и ахуне. Если бы ему удалось точно рассчитать маневр, у него еще оставались бы шансы вернуться в нашу вселенную. Несмотря на все свое мужество и хладнокровие, Акейон нервничал. Но попробуй представить его положение: он был затерян где-то в антимире, еще более чужом, чем Проклятые галактики мисликов, и каждую секунду мог превратиться в ничто, исчезнув в чудовищной вспышке аннигиляции. Словно подстегивая его разум, счетчик радиации потрескивал все чаще.

Акейон храбро сражался с вычислительными таблицами, написанными хисскими цифрами, делал расчет за расчетом, проверял их и перепроверял. Казалось, все было верно. Тогда, стиснув зубы, он придал ксиллу необходимую скорость, перешел в ахун... и почти тотчас же вынырнул из ахуна. Но вместо того, чтобы оказаться где-нибудь в Проклятой галактике, он очутился среди миллионов сияющих звезд какой-то молодой галактики нашего Пространства. Акейон решил, что расчет был неверным и он угодил в другую позитивную вселенную, расположенную за антимиром.

Он направил ксилл к звезде, вокруг которой вращался целый рой планет, видимых на увеличивающем экране. На одну из этих планет Акейон и сел, предварительно облетев ее кру-

гом: она казалась пустынной, – по всей видимости, на ней существовали только растительные формы жизни. Там он провел более недели, уже утратив всякую надежду спасти нас, снова и снова проверяя сложные расчеты.

Здесь рассказ Акейона опять был прерван научной дискуссией, в которой, как мне кажется, вряд ли что-либо понял бы даже сам Эйнштейн!

На девятый день Акейон снова ушел в ахун, вынырнул, опустился на другой планете и заново проверил все расчеты. С каждым днем ему все больше казалось, что он безвозвратно заблудился в Пространстве. Наконец, по прошествии двадцати шести дней, он очутился вблизи обитаемого мира.

Акейон спикировал и сел на планете кайенов всего в нескольких километрах от того места, где Суйлик ожидал нашего возвращения. Акейона тоже спас счастливый случай, только помноженный на волю и научные знания.

На заре «Тсалан» сел на планету Ссвфт. Эссина и Бейшит были безгранично рады нас видеть. С теплым чувством смотрел я на свой ксилл – единственный аппарат, побывавший в антимире. От ударов, полученных на Сифане, на его куполе осталось всего несколько вмятин.

В тот же вечер я попросил у Хелона руки его дочери.

Глава 3 Минеры мертвых звезд

Не став задерживаться на планете кайенов, мы уже к середине следующего дня вернулись на Эллу. Я чувствовал себя истощенным, раздражительным, взволнованным. Хелон сказал, что ответ я получу на Элле вечером в день прилета.

Оставив все еще вялую и нуждающуюся в отдыхе Ульну на «Тсалане», я вместе с Суйликом направился в зал Совета. Свой подробнейший отчет я закончил выводом, что хиссы, по всей видимости, к несчастью, были правы: никакое сосуществование людей с мисликами, во всяком случае в пределах одной солнечной системы, невозможно. Но если мы вынуждены яростно защищать наши галактики, прибавил я, то с мисликами как с таковыми разделаться вряд ли удастся, потому что их триллионы и триллионы в тысячах мертвых галактик.

Это заявление пришлось большинству собравшихся не по вкусу. Помимо того что мислики несут гибель всякой белковой жизни, для хиссов они остаются также врагом метафизическим, воплощением Зла, которое должно быть навсегда уничтожено во всем мироздании. Один из Мудрецов возразил мне:

– Ты сказал, что планета Сифан до прихода мисликов была населена людьми. Почему же мислики не довольствуются ледяными планетами, на которых мы сами жить не можем? Почему они гасят наши солнца? Нет, тут не может быть никаких компромиссов. Мислики должны исчезнуть!

– Но такая борьба продлится миллионы лет! Каким бы мощным оружием вы ни обладали, вы не сможете отвоевывать планеты одну за другой. Да и зачем вам эти скованные льдами миры, на которых уже нельзя жить?

Совершенно забыв о том, что формально я принадлежу к хиссам, я почти защищал мисликов.

– Мертвые планеты нам не нужны, хотя на них может обнаружиться ценное сырье. У нас и без того хватает необитаемых миров. Но мислики должны исчезнуть. И раз уж они не выносят света и тепла, мы снова зажжем их звезды.

Позабыв о самой элементарной вежливости, я возопил:

– Что-что? Зажжем звезды?

– Сниссон сказал, что нам следует снова зажечь погасшие звезды, – ответил мне Аззлем. – Во всяком случае, мы должны попытаться. Теоретически это возможно. На практике задача

может оказаться невероятно трудной. Но мы все равно попытаемся, и, пока ты отсутствовал, предварительные опыты уже начались. Тебя известят, когда придет время.

Я едва не задохнулся от изумления. Разумеется, с тех пор, как я покинул Землю, мне случалось видеть вещи одна другой фантастичнее. Я даже допускал – приходилось верить своим глазам, – что мислики, эти поразительные существа, действительно обладают способностью гасить звезды. Но чтобы хиссы, которые в конечном счете были всего-навсего людьми, вздумали вновь зажечь эти звезды...

У меня голова пошла кругом, а Аззлем как ни в чем не бывало продолжал:

– Думаю, решающий опыт мы сможем провести не раньше чем через год. Тем временем мы будем продолжать исследования Проклятых галактик, не предпринимая, однако, широких наступательных операций, чтобы не подвергать лишней опасности жизни хиссов или синзунов.

На этом заседание объявили закрытым. Я покинул зал, разыскал ожидавшего меня Суйлика и повторил ему все то, что было сказано на Совете.

– Мне все это уже известно, – ответил он. – Недавно была создана специальная группа физиков во главе с Ассзой и синзуном Берантоном; в нее вошли около ста хиссов и почти столько же представителей других человечеств. Наша подруга Бейшит входит в делегацию хр'бенов. А знаешь, кто будет командовать ксиллами этой группы?

– Нет.

– Я. А руководить десантным отрядом, возможно, поручат тебе. Похоже, ты неплохо выпутываешься из самых сложных ситуаций, – добавил он, смеясь.

«Тсалан» уже находился на своем обычном месте. Я обошел звездолет стороной и направился прогуляться к берегу, к тому месту, где впервые увидел Ульну. То, что Хелон не ответил сразу, казалось мне дурным предзнаменованием.

Я ожидал заката с нетерпением и в то же время со страхом. Небо было безоблачным, нежно-сиреневым, каким оно бывает на Элле, когда лучи заходящего Иалтара пронизывают влажный воздух. Я уселся на мелкий песок.

Вдруг за моей спиной послышался шум шагов по песку. Ко мне подошел какой-то синзун и приветствовал меня.

– Сонг Всеволод Клер, – сказал он, именуя меня синзунским титулом, – тебя ждет уршемон.

Я последовал за ним. Нос «Тсалана» гигантским конусом возвышался над нашими головами. Хелон в окружении Акейона, Винседома и еще четырех пожилых синзунов ожидал меня в центральном зале.

– Вчера ты попросил у меня руки моей дочери Ульны, – начал он без лишних слов. – В принципе, ты имеешь на это право, потому что ты благородный и вольный синзун. Но подобный брак между человечествами разных планет – дело неслыханное как для нас, так и для наших друзей-хиссов. До встречи с тобой мы вообще не видели человечеств, достаточно близких к нам, чтобы можно было говорить о супружестве. Даже между хиссами и кренами, которые настолько похожи на хиссов, что сами порой не могут отличить их от соотечественников, до сих пор не было ни одной свадьбы. Однако наши биологи, исследовавшие тебя, пока ты лежал в нашем госпитале, утверждают, что по химическому составу твоя протоплазма ничем не отличается от нашей. Кроме того, в тебе уже есть частицы синзунских костей, синзунские сосуды и синзунские мышцы. У тебя идентичный метаболизм, точно такое же количество хромосом и, вероятно, такое же, как у нас, количество генов. Стало быть, твой случай особый. Единственное различие заключается в том, что у тебя пять пальцев, а не четыре, но у наших далеких предков их тоже было пять. Таким образом, препятствий к браку нет, кроме разве что психологических. Однако Ульна, – он улыбнулся, – согласна. Поэтому я отвечаю тебе: да! Но знай: свадьба любого члена семейств шемонов может состояться только в столице Арбора, Берисенкоре, и вам придется отправиться туда, как только хиссы дадут разрешение. Да-да:

хиссы должны дать разрешение, потому что ты не только синзун и землянин, но и хисс. Хотелось бы мне знать, – добавил он шутливо, – какой планете будут принадлежать ваши дети?!

В течение всей этой длинной речи я чувствовал себя как на горячих углях и лишь в конце вздохнул с радостью и облегчением. По синзунскому обычаю, я молча поклонился. Благодарить в таких случаях не принято: синзуны благодарят только за мелкие подарки.

– Предупреждаю, – снова заговорил Хелон, – что по нашим правилам ты теперь не должен видиться с Ульной. Ты увидишь ее только в день свадьбы. Но ничто не запрещает тебе писать ей.

Я вышел из «Тсалана» с легким сердцем. И тут же натолкнулся на вездесущего Суйлика, с которым поделился радостной вестью.

– А что, все сейчас женятся! – воскликнул он. – Сначала мы с Эссиной, вы с Ульной, еще и Бейшит, которая сейчас объявила мне, что выходит замуж за Сефера. Вот только ты нарушил наши обычаи!

– Каким же образом?

– Ты ведь был моим стеен-сетаном, а со дня моей свадьбы не прошло и года. Значит, ты должен заплатить мне выкуп. Раньше выкуп был довольно-таки большим – кусок платины величиной с кулак! Теперь же это пустяки: даже если ты сам не достанешь платину, любая лаборатория с радостью изготовит ее для тебя. Кажется, твоя свадьба должна пройти на Арборе. Как же ты туда попадешь? Насколько мне известно, Совет желает придержать здесь все синзунские звездолеты. Впрочем, если хочешь, я доставлю вас на Арбор на своем ксилле.

Вот так три дня спустя мы отправились на Арбор: Суйлик, Эссиная, Хелон, Акейон, я и Ульна, причем последняя – в особой каюте, вход в которую для меня был воспрещен.

Как-нибудь я расскажу тебе обо всех пышных церемониях, сопровождавших свадьбу дочери ур-шемона, и обо всем великолепии Арбора. Насколько мягка и спокойна Элла, насколько ужасны мертвые миры, которые мне довелось повидать, настолько же буен и прекрасен Арбор с его фиолетово-синими океанами, с его горами высотой до двадцати километров, с его необъятными зелеными и пурпурными лесами, которые синзуны ревниво оберегают. Я никогда не забуду те короткие шесть дней – восемь земных, – что мы провели после свадьбы в долине Тар! Там, в одном из лесов, о которых я только что говорил, возле синего ручья, что течет с ледника, стоит на склоне небольшое бунгало, приготовленное специально для молодоженов. Несколькими километрами ниже горный поток наталкивается на плотину, образуя озеро, по берегам которого раскинулся Нимоз, город, предназначенный исключительно для развлечений и удовольствий. Однако ни один синзун не пересекает незримой границы, отделяющей заповедную долину от города. Это древний обычай, существующий, если не ошибаюсь, и у наших индейцев-апачей: молодые пары должны провести несколько дней в полном уединении. С моей точки зрения, это еще один плюс синзунской цивилизации.

К ее недостаткам, на мой взгляд, следует отнести необычайное пристрастие к всевозможным церемониям: в этом отношении с ними не смог бы сравниться ни один народ, за исключением, возможно, китайцев. Как только истекли наши заветные шесть дней, мне пришлось принимать участие в целой серии празднеств и пиров. Не зная местных обычаев, я все время боялся совершить какую-нибудь неловкость и испытал истинное облегчение, когда шемоны сообщили мне, что я в любое время могу вернуться на Эллу.

На Арборе мне довелось пережить еще один волнующий момент. Как-то раз Акейон взял меня с собой в центральную обсерваторию планеты, расположенную в южном полушарии. И там астрономы показали мне бледное светлое пятнышко, затерянное где-то в созвездии Бренории, – нашу родную галактику. С помощью самых мощных аппаратов – принцип их действия отличен от наших телескопов – это пятно при максимальном увеличении превращается в звездную пыль, рассеянную по спирали. И среди всех этих звезд, незримое в их сиянии, мерцало наше скромное Солнце, вокруг которого вращалась моя родная Земля, такая маленькая,

бесконечно далекая. Видимый мною свет шел от нашей галактики два миллиона лет, и, если бы совершенство синзунской техники позволило мне взглянуть на Землю, передо мной в лучшем случае предстало бы несколько жалких семейств питекантропов где-нибудь на опушке леса.

Сейчас, когда я вернулся на Землю, мы с Ульной каждый вечер, если позволяет погода, отыскиваем среди звезд туманность Андромеды. И когда я вижу ее, то почти физически ощущаю необъятность разделяющего нас пространства. Галактика хиссов так далека, что ее невозможно увидеть даже в самые мощные телескопы. Но когда я вижу бледное опаловое пятно, когда думаю, что эта женщина, сидящая рядом, родилась там и что я сам там побывал...

Мы покинули Арбор через три месяца. Как и было условлено, за нами прилетел Суйлик. Мы стартовали из астропорта Берисенкора, забитого огромными звездолетами, поддерживающими связь между Арбором и другими синзунскими поселениями. Наш ксилл рядом с ними казался просто крошечным.

Едва мы взлетели, Суйлик сообщил мне, что я действительно включен в штаб его эскадры «минёров мертвых звезд». Похоже, Суйлик становился на Элле важной персоной. Но меня интересовало другое: я уже давно задумывался, почему, собственно, хиссы все время дают мне ответственные и... весьма опасные поручения? Мое настоящее место было бы в команде биологов. А для подобных поручений хватало и синзунов: они обладали таким же иммунитетом против излучений мисликов, а кроме того, были превосходными физиками. Видимо, эллийцы всерьез отнеслись к моей ассимиляции, и для них я был хиссом, правда хиссом с красной кровью, но все-таки своим, а не чужестранцем, как синзуны.

Наконец, Суйлика связывала со мной настоящая, крепкая дружба, и, настаивая на моей кандидатуре, этот молодой хисс, выделявшийся исключительной храбростью даже среди своего народа храбрецов-ученых, преподносил мне таким образом самый прекрасный подарок, какой был в его власти, – приключение.

Сколько раз я проклинал в душе – разумеется, не нашу дружбу, а эти ее последствия!

На Элле мы поселились в моем доме на острове Брессиэ. Ульна и моя «сестра» Ассила быстро нашли общий язык. В течение года мы с Ульной продолжали работать в команде биологов, стараясь найти эффективный способ защиты хиссов от излучений мисликов. Но видимо, это теоретически невозможно: особые волны мисликов разрушают дыхательные клетки хиссов и всех других человечеств, за исключением синзунов и нас, землян. И пока не изменены свойства самого организма, тут, пожалуй, ничего не поделаешь. Ассза изучил этот вопрос с точки зрения физики и пришел к тому же выводу. Тем не менее путем впрыскивания некоторых химических препаратов нам удалось замедлить разрушительное действие смертоносных лучей, – конечно, при условии, что излучение было не слишком сильным.

Как-то вечером, когда мы вышли из лаборатории, Суйлик увлек нас в свой ксилл и сразу же, без всяких объяснений, взлетел. Я уже освоил управление этими аппаратами, и вскоре мне стало очевидно, что мы летим к Марсу. Ни я, ни Ульна там еще не бывали, поэтому возражать мы не стали. Мы летели с предельной для межпланетных путешествий скоростью, одной десятой от световой.

Марс – почти девственная планета, отдаленно напоминающая Арбор, но более сухая и пустынная. Мы долго летели на большой высоте, затем Суйлик резко спикировал к огромному зданию, главному заводу, где строились ксиллы для всех хисских планет. Только пусть слово «завод» не напоминает тебе о несмолкающем лязге и грохоте: хиссы терпеть не могут шума, и все процессы протекают у них почти в абсолютной тишине. Сборка ксиллов происходила на конвейере, вокруг под наблюдением нескольких хиссов работали автоматы. Мы шли через просторные цеха не останавливаясь. Наконец Суйлик ввел нас в обширный ангар, где заканчивалась сборка нового ксилла гигантских размеров: более трехсот метров диаметром при максимальной толщине в центре до шестидесяти метров, он скорее напоминал по форме пологий

купол, нежели классическую чечевицу. Некоторое время мы молча смотрели на ксилл, потом Суйлик сказал:

– Перед вами наш будущий корабль, на котором мы полетим зажигать мертвые солнца.

– Но для чего такие размеры и такая форма? – спросил я.

– Иначе нельзя. Аппарат для воспламенения солнца огромен, и просто сбросить его невозможно. Следовательно, придется опуститься на поверхность мертвой звезды, а ты и сам знаешь, что там чудовищная сила тяжести: если нас не защитит мощное антигравитационное поле, мы будем тотчас же раздавлены собственным весом. Но для создания подобного поля потребуется невероятный запас энергии, поэтому на ксилле придется смонтировать настоящую энергостанцию. Что касается формы, то куполообразный свод позволит ксиллу легче выдерживать собственную тяжесть. При всем этом мы вряд ли сможем пробыть на мертвом солнце более одного базика.

Прошло еще несколько месяцев. Мало-помалу я привык к мысли, что мне придется участвовать в этой невозможной экспедиции. Дни спокойно текли, один за другим. Во всяком случае, казалось, что они текут спокойно. Но в это время самые выдающиеся ученые всех галактик, собранные на Трех Планетах, напряженно работали над осуществлением великого плана. Порой, глядя на умиротворяющие пейзажи Эллы, я думал, что за всей этой безмятежностью скрывается неустанная головокружительная деятельность, и в такие минуты чувствовал себя безнадежно отставшим, растерянным и несчастным, как маленький дикарь, случайно попавший на борт современного лайнера.

Я работал в лаборатории с какой-то яростью, до полного изнеможения. Я считал себя в некотором роде посланцем Земли, представителем нашей цивилизации, гордившейся своей техникой, которая – увы! – была давным-давно превзойдена во многих других мирах. Мне казалось, что если я сделаю какое-нибудь значительное открытие, то завоюю полное право жить на Элле, перестану быть бедным родственником, диковиной и превращусь в равного среди равных в содружестве человеческих планет. Поэтому по вечерам я засиживался допоздна, знакомясь с последними статьями хиссов или с помощью Ульны изучая труды синзунов. И не раз я поминал добрым словом своих земных учителей: пусть мне часто не хватало знаний, зато наши методы работы оказались на высоте и я быстро усваивал новые понятия.

Самое забавное во всем этом то, что, пока я так изводил самого себя и жаловался на свое невежество, хиссы уже признали меня полезным членом своего общества и с первых же дней доверили мне руководство группой молодых биологов. Я и в самом деле, хотя бы благодаря особенностям своего организма, знал немало того, что хиссам было внове.

Что касается синзунов, то, несмотря на выдающиеся успехи в области биофизики – почти все болезни они, как и хиссы, лечат соответствующими облучениями, – они то ли забыли, то ли недооценили роль химии, и именно в этой области мне удалось добиться результата, о котором я тебе уже говорил – найти препарат для временного предохранения хиссов от лучей мисликов.

Наша совместная жизнь с Ульной вначале была совсем не легкой. Синзуны вообще чрезвычайно мнительны, а я частенько бываю несдержан. Нам предстояло также заполнить пропасть, образованную различиями в воспитании. Хорошо, что хоть религия не усложняла нам жизнь: синзуны, как и я, – агностики. Зато было множество мелочей, которые порой приводили к ссорам. Взять хотя бы такую любопытную деталь: несмотря на всю свою культуру и церемонность, синзуны едят руками; ты сегодня, наверное, сам заметил, что Ульна еще не совсем умело орудует вилкой. А она никак не могла смириться с моей привычкой работать по ночам и уж совсем не понимала, почему это я так не люблю вставать в предрассветную рань. Но постепенно между нами воцарилось согласие. У синзунок есть по крайней мере одно неоспоримое преимущество перед их земными сестрами: они никогда не грозят вернуться к своей матери!

Но вот однажды, когда я, как ящерица, грелся на солнце перед домом, болтая с Ульной и Ассилой, на нас упала тень: это был гигантский ксилл, который мы видели на Марсе. Под

управлением Суйлика он, несмотря на всю свою тяжесть, описал несколько изящных кругов, пронесся над плоской крышей и исчез за горизонтом. Спустя полчаса я получил от Аззлема приказ немедленно явиться в Дом Мудрецов.

Я посадил свой реоб на террасе. Гигантский ксилл тихонько покачивался на волнах у края пирса. Суйлик ждал меня один.

– Разве Эссина не с тобой? – спросил я.

– Нет. В этой экспедиции женщин не будет. Ты ведь тоже не взял с собой Ульну!

– Когда улетаем?

– Скоро. Пойдем, Мудрецы хотят тебя видеть.

Аззлем и Ассза не заставили нас ждать. Аззлем сразу же приступил к делу:

– Слер, мы собираемся еще раз попросить тебя выполнить опасную миссию. Как тебе известно, Суйлик добился, чтобы тебя включили в его штаб. Мы не могли отказать – не было причин, – однако посчитали, что сможем обойтись без тебя. Вышло же так, что ты нам, вероятнее всего, понадобишься. В основных чертах ты уже знаком с планом: вы опуститесь на застывшую поверхность мертвого солнца в особом ксилле и установите огромный аппарат, способный возобновить термоядерные реакции. По правде говоря, этот аппарат гораздо мощнее: мы собирались лишь зажигать погасшие звезды, теперь же, по всей видимости, будем их взрывать. В страшном атомном взрыве вместе с мисликами погибнут и окружающие планеты. Что ж, тем хуже! Проблема вот в чем: на поверхности звезд вы будете испытывать в десятки раз большее тяготение, чем на Элле. Чтобы вас не раздавило, ксилл снабжен специальным приспособлением для создания антигравитационного поля. Но для такого поля требуется масса энергии, и оно сможет просуществовать всего полбазика. К тому времени все должно быть кончено, иначе вас просто расплющит собственный вес. С другой стороны, самая ответственная часть взрывателя, которую нельзя ни разобрать, ни смонтировать заранее, пока еще слишком тяжела, несмотря на все старания снизить ее вес. На мертвой звезде ее не сможет поднять ни хисс, ни синзун.

– Роботы... – начал я.

Аззлем раздраженно зашипел:

– Ты прекрасно знаешь, что наши роботы не способны действовать в антигравитационных полях! Поэтому мы решили использовать твою физическую силу. Ты согласен?

– Разве я могу отказать? – ответил я.

– В таком случае мы поместим тебя в камеру с искусственным полем тяготения, чтобы определить, сумеешь ли ты справиться с замедлителем, и при каких условиях. Антигравитационное поле ксилла некоторое время будет обратно пропорционально силе притяжения мертвого солнца. Но очень короткое время, так что тебе придется действовать быстро. Пойдем!

В физической лаборатории я оказался впервые. На меня надели специальный скафандр, армированный металлическими стержнями, с шарнирами на коленях, в поясе и в локтях: внутреннее его устройство напоминало противоперегрузочные комбинезоны наших пилотов сверхзвуковых самолетов. Облачившись в эти доспехи, я встал на металлическую плиту, расположенную под медным куполом. У моих ног лежала сложная деталь. Я нагнулся и без труда поднял ее, зная, что для хисса это почти невозможно.

Ассза направился к реостату:

– Внимание! Тяготение два!

Я почувствовал, что тяжелею. Поднять деталь оказалось уже труднее. Ассза постепенно увеличивал силу притяжения.

Руки и ноги у меня наливались свинцом, движения становились все медленнее, кровь прилиwała к ногам, несмотря на скафандр. Потом меня окутала «черная пелена», хорошо знакомая пилотам, но уже задолго до этого я не мог поднять замедлитель. Ассза медленно довел тяготение до нормального.

– В самый раз! – сказал он. – А для некоторых звезд даже маловато. Надо будет придумать то, что автоматизирует эту операцию. Но в конце концов, мы можем всегда попробовать и на маленьком солнце!

На следующий день Суйлик увел свой ксилл к острову Аниасц для последних приготовлений, и почти месяц я не слышал о нем ни слова. Потом, в один из дней, ко мне в лабораторию зашел Ассза и сказал, что все готово: завтра мы летим торпедировать мертвое солнце в той Проклятой галактике, где я уже бывал.

В тот вечер мы не вернулись к себе, а остались в Доме чужестранцев. Когда Иалтар уже садился, с запада показался гигантский ксилл и опустился на море у края полуострова. Через несколько минут подошли Суйлик с Эссиной, Ассза, Бейшит и Сефер, Акейон и Берантон, великий синзунский физик. Таким образом, весь штаб «Ссуинсса» – что означает «Разрушитель» – был в сборе. Состоялся своего рода прощальный банкет без речей. Мы с Ульной ушли пораньше и отправились на берег. Была мягкая, теплая ночь, море чуть светилось, на берег неспешно накатывались волны. Ари и Арци заливали все холодным светом, мириады звезд сияли в высоте. Над самым горизонтом все еще мерцала постепенно тускнеющая кровавая Кальвено. Серебристые лучи двух лун дробили черные тени деревьев. Мы сели в этой зыбкой тени, глядя, как волны выносят на песок пенные кружева.

Так, в полном молчании, мы просидели довольно долго. Да и что мы могли сказать? Грядущая драма была неизмеримо значительнее наших судеб! Отступить я уже не мог, да и не хотел, хотя временами содрогался от ужаса. Ульна знала, что на сей раз я полечу один.

У самой воды, слева от нас, появилась еще одна пара. Судя по стройным, немного хрупким силуэтам, это были хиссы. Они приблизились, и мы узнали Суйлика с Эссиной. Я встал, чтобы позвать их, но Ульна дернула меня за тунику, шепнув:

– Оставь их. Им тоже надо проститься.

Я промолчал. Хиссы прошли, не заметив нас, и растаяли в темноте. Но вскоре вернулись, и не одни: их спутники казались еще более хрупкими, и я понял, что это Бейшит и Сефер. На этот раз, когда они поравнялись с нами, я окликнул их, и они подсели к нам.

Я вынул из кармана трубку и закурил. Хотя сами хиссы не курят и считают этот обычный странным, на Элле есть растение, не уступающее по аромату нашему лучшему табаку, но гораздо менее вредное. Я привез с собой немного рассады, но она, к сожалению, не прижилась. Так вот, я раскурил трубку и повернулся к Суйлику:

– Как думаешь, каковы наши шансы на возвращение?

Он ответил мне хисской поговоркой:

– Угадай, где хвост у стисснассана!

Стисснассан – это эллийский червяк, у которого голова очень похожа на хвост, и те, кто пытается угадать, где что, ошибаются в половине случаев.

– Мисликов на мертвых солнцах, наверное, нет, – продолжил он. – Так что опасность не в них, а в том, что у нас очень мало времени на установку килсима. Возможно, все будет зависеть от твоей силы. На месте Мудрецов я бы, пожалуй, подождал, пока не появятся роботы, способные действовать в антигравитационных полях. С другой стороны, на изготовление килсима уже затрачено столько энергии, что, если не использовать ее там, придется использовать ее где-то еще.

– Все у вас получится! – раздраженно заметила Бейшит. – Не может не получиться!

– Бейшит участвовала в разработке проекта, – чуть саркастичным тоном пояснил Суйлик. – Еще бы она не была так уверена в своем детище!.. Что касается меня, то я успокоюсь только тогда, когда килсим сработает. И не просто сработает. Взорвется-то он в любом случае... Но он должен сработать вовремя... или мы исчезнем!

– То есть как это? – не понял я.

– Килсим – аппарат экспериментальный и... опасный. После того как будет смонтирована последняя деталь, в твоём распоряжении останется ровно одна твоя земная минута, чтобы успеть вставить замедлитель. Если тебе это удастся, взрыв произойдет через базик, если нет – через две минуты. Нет смысла объяснять, что в этом случае мы не успеем удалиться от мертвой звезды. А уходить прямо в ахун из ее чудовищного поля тяготения немыслимо: мы почти наверняка попадем в какой-нибудь антимир. И далеко не каждому везет так, как повезло Акей-ону. Но не волнуйся! Когда наступит эта минута, я усилю напряжение антигравитационного поля до предела, и ты справишься!

Арци медленно уходила за горизонт. Поднялся свежий ветер. Мы сидели молча. Потом Ульна вполголоса запела песню Покорителей Пространства. Когда она дошла до слов о «тех, кто встретил смерть в неведомых мирах», горло ее сжала мгновенная судорога, но она допела гимн до конца.

Потом Бейшит низким и очень чистым голосом исполнила древнюю песню своей планеты, протяжную и мрачную, похожую на заклинание. Затем все стали просить меня спеть им песню Земли, и я не нашел ничего более подходящего, чем грозная песня корсаров Жана Бара⁶:

Лишь не знающие страха
Вместе с нами поплывут!..

«Ну да, – думал я. – Что значат все эти подвиги древних мореплавателей по сравнению с нашим фантастическим рейдом: ведь мы летим зажигать солнце!..»

– Что бы ни случилось, друзья, – вдруг заговорил до сих пор молчавший Сефер, – человеческие планеты смогут нами гордиться. Даже если мы потерпим неудачу, у других когда-нибудь все получится. Но мы все равно останемся первыми.

– Конечно, – усмехнулся Суйлик. – Нужно только постараться не уподобиться Оссинси!

– Кто такой Оссинси?

– Самый знаменитый воин с Эллы-Вен, живший несколько тысячелетий тому назад. До нас дошла песня о нем. Споем, Эссина?

И они вдвоем спели нам песню о подвигах Оссинси. Это был столь славный воин, что ему ни с кем не удавалось сразиться: враги бежали при одном упоминании его имени. Но вот однажды он набрел на старого отшельника, который никогда о нем не слышал. Разозленный тем, что Оссинси нарушил его уединение, отшельник, вместо того чтобы бежать, обрушился на воина с проклятиями. В смятении Оссинси подумал, что перед ним какой-то сказочный герой, если этот старик смеет его проклинать, и сам обратился в бегство, да так стремительно, что бежит до сих пор.

На этой иронической ноте мы отправились спать.

Ксилл стартовал на заре. Эссина, Бейшит и Ульна явились проводить нас на пирс. Прозвучали прощальные слова, после чего за нами закрылась металлическая дверь.

Первая часть перелета прошла спокойно, если не считать более заметных толчков при переходе в ахун, вызванных значительной массой ксилла. Мы вынырнули в Проклятой галактике, но Суйлик не знал, где в точности находится планета Сифан, на которой мы с Ульной провели тот страшный месяц. Пролетев над ближайшей планетой, мы обнаружили, что она захвачена мисликами. Солнечная система, которую мы намеревались оживить, похоже, насчитывала с дюжину планет, но это, разумеется, приблизительная цифра. Мы начали спускаться к мертвому солнцу.

---

⁶ Жан Бар (1651–1702) – французский военный моряк и корсар, национальный герой Франции.

Вместе с Берантоном, Акейоном, Сефером и Суйликом я сидел в кабине управления, в сеалле. Помимо обычных, уже знакомых приборов, которыми я умел пользоваться, хотя и не все в них понимал, здесь было множество новых аппаратов специального назначения.

– До мертвого солнца лететь еще несколько базиков, – сказал Суйлик. – Возможно, Берантону стоит заранее показать тебе, что именно нужно сделать.

Я последовал за физиком. Экипаж «Ссуинсса» состоял всего из пятидесяти человек: двадцати пяти хиссов и двадцати пяти синзунов. Большую часть ксилла занимал огромный круглый зал, пол которого делился на две части: центральный круг и внешнее кольцо. В середине стояла уродливая приземистая конструкция овальной формы, высотой метра три и диаметром до тридцати. Она явно не была закончена: тут же на металлическом полу лежали еще не смонтированные детали. Среди них я увидел тот самый замедлитель реакции, который мне предстояло вставить на место. На внешнем кольце располагались антигравитационные генераторы; в их поле мы должны были работать на мертвой звезде.

– Как только мы опустимся, – сказал Берантон, – центральный круг вместе с килсимумом отделится. Антигравитационное поле будет включено заранее. Но чтобы уравновесить притяжение мертвого солнца, потребуется столько энергии, что ее хватит всего на половину базика с момента посадки. Стало быть, придется поторопиться. Когда килсимум будет включен, мы отлетим подальше и уйдем в ахун, чтобы снова выйти в Пространство для наблюдений за результатами опыта. Иди сюда, отработай все движения – это несложно. Берешь замедлитель, вставляешь его в это отверстие, поворачиваешь на девяносто градусов, вдвигаешь еще наполовину и еще раз поворачиваешь в обратном направлении. Вот и все. Но когда я подам знак, не медли ни секунды! От тебя будет зависеть наша жизнь. Теперь попробуй. Килсимум еще не включен, опасности нет.

Мы находились в Пространстве, вдали от мощных центров притяжения, поэтому задача показалась мне нетрудной. Я отработывал каждое движение до тех пор, пока не научился вставлять замедлитель с закрытыми глазами.

– Скоро деталь будет весить больше. Прежде чем мы закончим сборку килсима, попробуешь еще раз.

– Не стоит, – возразил я. – И так все ясно. Лучше поберегу силы.

Мы вернулись в сеалл. Орбиты больших планет остались позади, и теперь мы пролетали мимо внутренних. Когда последняя исчезла из виду, Суйлик включил антигравитационное поле и подал сигнал боевой тревоги. Мы облачились в скафандры, но пока остались в сеалле. Берантон и Суйлик приступили к серии сложных маневров: опуститься на мертвое солнце неизмеримо сложнее, чем на любую планету. Внезапно расход энергии резко повысился, лица астронавтов омрачились. Затем все вошло в норму.

Но когда до цели оставалось около десяти тысяч километров, расход энергии снова угрожающе возрос. Нужно было незамедлительно принимать решение: продолжать спуск, ограничив пребывание на мертвом солнце до трети базика вместо половины, или поворачивать назад. Экипаж и командование единогласно решились на посадку. Берантон приказал начать монтаж килсима заранее, принимая все меры предосторожности.

Все, кроме Суйлика, который не мог отойти от приборов управления, спустились в большой зал. Антигравитационные генераторы тихо гудели. Вокруг килсима сновали инженеры-монтажники. Несмотря на мощное внутреннее поле, притяжение становилось все более и более сильным, и стрелка гравиметра уже приближалась ко второму делению. Потом она перешла его. Наши движения сделались тяжелыми и неловкими. Берантон приказал мне лечь на кушетку: я должен был сохранить силы для решающего момента.

Последовал легкий толчок: ксилл скользнул вперед и замер. Центральная платформа медленно опустилась. Мы были на поверхности мертвого солнца. Ксилл поднялся и завис в трех метрах над нами. Вокруг в холодном свете прожекторов простирались застывшие волны

металла и шлаков – жуткий, удручающий пейзаж! Теперь в нашем распоряжении оставалась ровно треть базика, или тридцать элийских минут, за которые мы должны были успеть все закончить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.